ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

3295

LES ROMANOFF
ET LES DESSOUS
DE LA COUR DE RUSSIE

КНЯЗЬ У...

ЧД 2
Г 773

ГОСПОДА РОМАНОВЫ

И ТАЙНЫ

РУССКАГО ДВОРА

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ДЛЯ КОНТИНЕНТА
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КЛЕЙДМАНА
NICE, 7, RUE COTTA, НИЦЦА

2 Гар

Русская Типографія КЛЕЙДМАНА, въ Ниццѣ, принимаетъ заказы на печатаніе книгъ, брошюръ, газетъ и пр. по умѣреннымъ цѣнамъ.

Книжный Магазинъ КЛЕЙДМАНА принимаетъ отъ гг. русскихъ авторовъ и издателей книги на коммисію и для распространенія ихъ по всѣмъ книжнымъ магазинамъ Европы.

(Tous droits reservés)

IMPRIMERIE RUSSE
NICE — 7, RUE COTTA, — NICE

3295

Библиотека ИМЭЛ

I.

РОМАНОВЫ.

2012
Y.8

Цд2
Г 773
х Господа Романовы
BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKINE
413519 у
Библиотека ИМЭЛ

1-ый.

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ РОМАНОВЪ.

Долго спорили и судили русскіе люди, послѣ цѣлаго ряда самозванцевъ и междуусобицъ, кого бы это посадить надъ собою царемъ, такъ чтобы онъ сидѣлъ крѣпко — и рѣшили посадить молодаго сына Филарета, Михаила Ѳедоровича Романова.

Отецъ его, бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, племянникъ Ивана Грознаго, сдѣлался въ 1601 году, подъ именемъ Филарета, монахомъ, затѣмъ сталъ митрополитомъ. Мать молодаго царя, Ксенія Шестова, стала, подъ именемъ Марѳы, монахинею; съ 1610 года Филаретъ находился въ плѣну у поляковъ, въ Маріенбургѣ. Преслѣдуемый Борисомъ Годуновымъ, Михаилъ выросъ въ монастырѣ, былъ кандидатомъ на русскій престолъ въ 1610 году и спасся отъ заговора против

него поляковъ, благодаря крестьянину Сусанину (См. Оперу „Жизнь за Царя").

Имѣя всего семнадцать лѣтъ отъ роду, молодой Михаилъ былъ 11 Іюня 1613 года коронованъ въ Москвѣ *царемъ, Великимъ княземъ, и Самодержцемъ всея Россіи.* Такъ началось царствованіе Романовыхъ на Руси.

Такъ какъ „первый Романовъ" былъ юнъ и никакого понятія о томъ, что значитъ править государствомъ, не имѣлъ, то правили за него, конечно, другіе. Первѣйшее мѣсто въ этомъ дѣлѣ принадлежало отцу его Филарету (бывшій бояринъ Ѳедоръ), который, послѣ перемирія съ поляками, былъ возвращенъ изъ плѣна и, какъ человѣкъ образованный (онъ учился у англичанина Горсэя), сѣлъ править государствомъ рядомъ съ своимъ сыномъ, въ званіи *патріарха.* И управленіе государствомъ было „патріархальное": Взяточничество царило по всей Руси, и тягчайшіе налоги ложились на бѣдныхъ, которые не могли откупаться взятками.

Первый Романовъ вмѣстѣ съ папашей обратились въ Швецію, которая была тогда одна изъ первѣйшихъ военныхъ державъ, чтобы имъ прислали офицеровъ и все что нужно для образованія правильнаго войска, такъ какъ первой своей заботой считали—окружить себя надежными штыками. Прочихъ „правителей" выписывали изъ Даніи, Голландіи и Ганзейскихъ горо-

довъ (первые въ Россіи „нѣмцы“). Папаша Филаретъ хотѣлъ бы даже женить Михаила на датской принцессѣ, —но не удалось. Но дружась со шведами и нѣмцами, папаша съ сыномъ избѣгали всякихъ сношеній съ католическими странами, боясь папы Римскаго и папизма, кабы тѣ не проникли въ Россію, гдѣ одинаково ненавидѣли поляковъ и папу. Ѣздить заграницу поэтому было строжайше запрещено.

Три года работали нѣмцы съ русскими, подъ руководствомъ нюренбергца, надъ сооруженіемъ трона для Михаила; тронъ этотъ обошелся въ 25.000 талеровъ.

Изъ главныхъ „культурныхъ“ нововведеній при первомъ Романовѣ, Михаилѣ Ѳедоровичѣ, надо отмѣтить введенный имъ Ямской Приказъ, или первыя на Руси почта... для чиновниковъ.

Законъ строго опредѣлялъ, сколько лошадей полагается каждому чиновнику, соотвѣтственно его чину. И эти прогонныя понынѣ получаютъ чиновники на Руси, несмотря на то, что они давно ѣздятъ по желѣзной дорогѣ, а многіе—и въ автомобиляхъ...

Для „перваго Романова“ впервые стали выписывать въ Россію изъ заграницы газеты. Съ 1621 года дѣлали для царя выборки изъ заграничныхъ „курантовъ“, а съ 1631 года стали выписывать регулярно нѣкоторыя нѣмецкія и голландскія газеты, которыя переводились спеціально для царя, но не допускались до публики.

Грекъ Арсеній открылъ при Чудовомъ монастырѣ, въ Москвѣ, греко-латинскую школу. Но когда князь Хворостининъ пожелалъ ѣхать въ Польшу и Римъ, говоря, что въ „Московскомъ Государствѣ люди слишкомъ глупы, и что тамъ не съ кѣмъ даже заводить сношенія", царь Михаилъ обидѣлся и преслѣдовалъ его, заставивъ отказаться отъ поѣздки.

Безъ Филарета, своего отца, Михаилъ былъ слабодушенъ и незначителенъ.

Онъ былъ женатъ дважды: первый разъ на Маріи Владиміровнѣ Долгорукой и второй—на Евдокіи Стрѣшневой, отъ которой у него былъ сынъ, наслѣдникъ престола, Алексѣй.

Первый Романовъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, умеръ въ 1645 году, не сдѣлавъ ничего для Россіи, кромѣ развѣ того, что оставилъ ей втораго Романова.

2-ой.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ РОМАНОВЪ.

„Мягкій“, или тишайшій, какъ его звали, несамостоятельный Алексѣй Михайловичъ, неимѣвшій при себѣ никакого Филарета, и блюститель церковныхъ предписаній, 2-ой Романовъ простаивалъ ежедневно отъ 5 до 6 часовъ за церковными службами. При этомъ онъ управленію государствомъ предпочиталъ удовольствія и предоставилъ всѣми дѣлами управлять своему воспитателю корыстному Морозову. Всемогущій любимецъ Морозовъ держалъ въ почтительномъ отдаленіи отъ царя Алексѣя не только бояръ, но и родственниковъ его; женилъ Алексѣя на дочери бѣднаго боярина Маріи Милославской и самъ женился на ея сестрѣ. Фаворитизмъ и покровительство роднѣ Морозова дошли до невѣроятныхъ размѣровъ. Онъ ввелъ при Алексѣѣ эру

колоссальныхъ обмановъ и подлоговъ. Сообща съ засѣдателемъ Верховнаго Суда Плещеевымъ они обложили непосильными налогами всѣхъ жалобщиковъ, создали массу новыхъ налоговъ, повысили цѣну на соль и сократили плату рабочимъ, такъ что, наконецъ, народъ возмутился: возставшій народъ остановилъ въ Москвѣ лошадей царя Алексѣя и заставилъ его выслушать жалобы. Когда Алексѣй обѣщалъ обезглавить Плещеева, народъ не сталъ дожидать исполненія обѣщанія и разорвалъ Плещеева на кусочки. Три дня по Москвѣ шли грабежи и убійства; домъ Морозова „сравняли“ съ землею.

Второй Романовъ, тишайшій Алексѣй, испугался гнѣва народнаго и со слезами просилъ прощенія у народа, обложившаго Кремль. Онъ обѣщалъ улучшить управленіе (въ родѣ какъ теперь обѣщаютъ въ манифестахъ) и молилъ пощадить жизнь его „второму отцу“ Морозову. Легко поддающаяся толпа завопила: Да будетъ воля Божья и Царя!“ — и Морозовъ остался совѣтникомъ царя. Морозовъ сталъ распоряжаться „аккуратнѣе“!..

Иностранные купцы завладѣли русскимъ рынкомъ и естественно за это ихъ не любили въ Москвѣ. Когда иностранцевъ или, какъ ихъ называли, „нѣмцевъ“ развелось въ Москвѣ черезчуръ много, царь Алексѣй распорядился, чтобы тѣ изъ иностранцевъ, которые не

пожелаютъ перейти въ православіе, поселились въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ они чувствовали себя, между своими и вдали отъ постоянныхъ московскихъ пожаровъ, еще лучше.

Въ 1669 году умерла его первая жена, царица Марія, которая ему оставила десять дѣтей, и въ 1671 г. онъ вторично женился на Наталіи Кирилловнѣ Нарышкиной, которая ему родила Петра Великаго и двухъ дочерей.

Послѣ смерти, въ 1676 году, Алексѣя Михайловича ему наслѣдовалъ по старшинству сынъ отъ первой жены Ѳедоръ III Алексѣевичъ, или третій Романовъ.

3-ій.

ѲЕДОРЪ III АЛЕКСѢЕВИЧЪ РОМАНОВЪ.

Въ исторіи извѣстенъ какъ „скромный“. Всѣ Романовы—или тихіе или скромные, или миролюбивые, но каждому изъ этихъ тихихъ, что называется, пальца въ ротъ не клади!

Воспитателемъ Ѳедора Романова былъ писатель Симеонъ Полоцкій. Благодаря ему, Ѳедоръ зналъ языки польскій и латинскій и даже сочинялъ стихи. Полоцкій писалъ духовныя драмы, которыя тогда производили фурроръ, переводилъ книги на русскій языкъ, управлялъ придворной типографіей, много вліялъ на зарождавшуюся русскую литературу и основалъ въ Москвѣ славяно-греко-латинскую Академію.

Ѳедоръ покровительствовалъ русскому просвѣщенію введенному Симеономъ Полоцкимъ, вопреки изувѣрству

велико-русскихъ поповъ, и въ 1680 году даже женился на полькѣ Агаѳіи Семеновнѣ Грушецкой.

Съ этого времени царь Ѳедоръ Алексѣевичъ сталъ вводить при русскомъ дворѣ польскіе обычаи и костюмы, заводилъ школы по польскому образцу и даже сдѣлалъ кое-какія измѣненія въ религіозныхъ обрядахъ. Націоналисты страшно перепугались за судьбу Россіи, которая имъ представлялась уже „ополяченной“, но „Богъ милостивъ“ — умерла Агафія, и Ѳедоръ Алексѣевичъ женился черезъ годъ на „настоящей русской“, Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Романовъ умеръ въ 1682 году, не оставивъ дѣтей, такъ что царствовать долженъ былъ братъ его Иванъ V Алексѣевичъ. Послѣдній былъ физически и морально больной и отказался отъ престола.

Престолъ тогда занялъ сынъ Алексѣя Петръ I, или „Петръ Великій“,—четвертый Романовъ.

Библиотека ИМЭЛ
Ч135-19.

4-ый.

ПЕТРЪ I АЛЕКСѢЕВИЧЪ РОМАНОВЪ или ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

9 Сентября 1689 года Петръ торжественно въѣхалъ въ Москву со своей матерью (Нарышкиной) и женой (Евдокія Ѳедоровна Лопухина) и съ этого времени сталъ самодержавно править, хотя его старшій братъ Иванъ номинально тоже значился царемъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать „свой народъ“ великимъ, какъ онъ это понималъ по тогдашнему времени. Онъ хотѣлъ его сдѣлать „европейскимъ“—равнымъ съ другими народами Европы. Его понятіе о европейскомъ духѣ и характерѣ было очень смутное: онъ зналъ о нихъ только по наслышкѣ. Но преобразованіе Россіи стало его жизненною дѣятельностью. Не ему одному, конечно, принадлежитъ заслуга, и не его вина, какъ полагаютъ славянофилы, что Россія изъ азіатской страны понемногу становится

европейской. Это медленный процессъ вѣковъ, и кое-кто изъ правителей даже принималъ въ немъ участіе, но Петръ „основательно“ налегъ на это преобразованіе. Россія неминуемо должна, по условіямъ историческимъ и географическимъ, стать страною европейской, и никакая единичная человѣческая воля не могла бы помѣшать ей выйти изъ азіатской замкнутости на путь европейской культуры и пріобщиться къ міровымъ гражданскимъ идеямъ!

Она давно расширяла свои границы къ западу за счетъ шведовъ, поляковъ и турокъ и все отодвигалась отъ Москвы, приближаясь къ Стокгольму, Берлину, и Вѣнѣ. Черезъ Польшу Россія проложила себѣ дорогу къ Западу, вошла въ непосредственныя сношенія съ этимъ Западомъ, стала сосѣдкой Пруссіи, — и каждый шагъ, приближавшій ее къ Западу, былъ шагомъ впередъ на пути ея къ европейской культурѣ.

Послѣ Петра, какъ и до него, колесо жизни катилось впередъ; „назадъ“ итти невозможно было, несмотря на всѣ крики поповъ и „истинно русскихъ“ людей, которые хотѣли бы это колесо остановить, по крайней мѣрѣ... Петръ былъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ того времени, стремившійся къ новому.

Онъ былъ по природѣ своей грубъ, сырой, — и реформы его были сырыя, и матеріалъ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, былъ сырой. Онъ давалъ

чувствовать „своему народу“ свой желѣзный кулакъ, не останавливался ни передъ какими деспотическими средствами, преобразовывалъ страну при помощи кнута и дубинки и боролся на жизнь и на смерть съ азіатской замкнутостью...

Самодержавною рукою онъ тащилъ Россію въ Европу. Большую цивилизаторскую роль съиграла тогдашняя „нѣмецкая слобода“ въ Москвѣ, центръ всевозможныхъ „нѣмцевъ“, гдѣ былъ и учитель Петра, женевецъ Лефортъ и шотландецъ Гордонъ. Оттуда онъ потомъ нашелъ дорогу въ свой излюбленный, основанный имъ Петербургъ.

Въ 1697 году, то есть, когда ему, было только 15 лѣтъ, Петръ, первый изъ русскихъ царей, отправился заграницу съ многочисленнымъ „посольствомъ“ или свитою, во главѣ которой находился Лефортъ. Прежнія посольства русскія производили въ Европѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе, и русскихъ пословъ называли заграницей „полузвѣрями“; на этотъ разъ получилось другое впечатлѣніе. Эта первая поѣздка заграницу произвела сильное впечатлѣніе на Петра I и дала большой толчекъ его развитію. Съ этого же времени русскіе стали ѣздить заграницу.

Во внѣшней жизни Россіи произошла перемѣна, и Московскій Дворъ принялъ характеръ европейскаго.

Длинныя бороды пали, хотя патріархъ Адріанъ заявлялъ въ посланіи, что:

„Безъ бороды человѣкъ похожъ на собаку или на кота, и только тотъ можетъ снять себѣ бороду, кто желаетъ походить на этакую скотину". Петръ собственноручно состригъ бороду фельдмаршалу Шеину.

Женоподобныя одѣянія тогдашнихъ временъ, въ родѣ кафтановъ съ длинными рукавами, были уничтожены Петромъ; не одну пару такихъ рукавовъ срѣзалъ Петръ опять таки собственноручно. До него мужчины часто одѣвали на себя кофты и кафтаны, которые снимали съ себя ихъ жены... На придворномъ праздникѣ въ 1701 году Петръ сдѣлалъ посмѣшище изъ прежнихъ костюмовъ, — и дамы стали одѣваться по европейски. Первое время русскія женщины въ европейскихъ платьяхъ представляли дикій маскарадъ, въ особенности при ихъ тогдашней склонности къ „выпивкѣ": Многія изъ нихъ отъ скуки и горя „заливали"...

Петръ впервые поднялъ значеніе русской женщины и далъ ей почетное мѣсто.

До него русская женщина, даже царица, была затворница, какъ въ Азіи, и не смѣла показываться безъ позволенія своего хозяина или „повелителя". Петръ I раскрылъ двери теремовъ, или темницъ, для русской женщины, произвелъ ее въ „дамы", ввелъ въ гостинныя и салоны и подготовилъ даже для нея престолъ,

на который впослѣдствіи сѣла, первая, его жена Екатерина I.

Онъ свелъ оба пола или обѣ половины, до того разрозненныя азіатской стѣной, въ концертахъ и спектакляхъ; онъ покровительствовалъ браку русскихъ съ иностранцами и путешествію русскихъ заграницу.

Кто чуждался общенія съ иностранцами, былъ въ его глазахъ глупцомъ, и домъ своей belle-sœur, вдовы Ивана V, „истинно-русскій“, онъ называлъ „пріютомъ для глупцовъ и полоумныхъ“.

Монашество онъ считалъ чумою и объявилъ наглою ложью увѣренія поповъ, будто знаніе создаетъ „колдуновъ“.

Чтобы провести знаніе въ народъ, онъ приказалъ сочинить грамматики и словари; были открыты школы. Для воспитанія „высшихъ“ классовъ были изданы воспитательныя книги и переведены катехизисы „пріятнаго обращенія“.

Одна изъ такихъ книгъ называлась: Зеркало юности, или предписанія для обращенія съ людьми. По приказанію Его Величества напечатано— 1717 г. Главнымъ образомъ содержаніе этихъ книгъ касалось, конечно, внѣшняго образа жизни, внѣшняго обращенія, и при всемъ томъ приходилось особливо запрещать класть обглоданныя кости обратно въ общее блюдо, за столомъ...

Петръ, какъ полный самодержецъ, давилъ ногою такъ называемую „знать“. Чтобы досадить старымъ боярамъ, кичившимся своею знатью, онъ самъ первый сталъ создавать „благородныя фамиліи“ и даже князей поставилъ parvenus изъ низшихъ слоевъ, каковы Меньшиковъ, Шафировъ (бывшій еврейскій прикащикъ) и другіе, рядомъ съ Рюриковичами и боярами, заставлялъ заключать браки между этими двумя „лагерями“, лишилъ „знати“ всякой самостоятельности и авторитета, бралъ благородныхъ въ придворные шуты и на маскарадахъ заставлялъ играть глупѣшія роли Бутурлина, Зотова и князя Ромодановскаго.

У Меньшикова Петръ познакомился въ 1684 году съ Екатериною, „дѣвицею изъ Маріенбурга“, изъ Лифляндскихъ крестьянъ, которая была „метрессою“ у Меньшикова. Она понравилась Петру, и Меньшиковъ ее уступилъ государю; а государь скоро не могъ и жить безъ нея. Вѣчно молчаливая и преданная, она стала необходима для Петра. Она не умѣла ни читать ни писать, но была ловкая и умная. Она родила Петру Великому восемь человѣкъ дѣтей и тайно была обручена съ нимъ въ 1706 году.

Въ 1711 году она была всенародно объявлена законною супругою императора Петра I, подъ именемъ Екатерины Алексѣевны (первая законная супруга его Евдокія Лопухина была сослана въ монастырь во время

Стрѣлецкаго возстанія). Оффиціальное бракосочетаніе ихъ происходило въ Исаакіевскомъ Соборѣ, въ Петербургѣ, въ 1712 году, а въ 1714 году Петръ основалъ въ честь ея Орденъ Св. Екатерины, который теперь дается дамамъ.

Изъ дѣтей, которыхъ Петръ имѣлъ съ нею, дочь Анна вышла замужъ за герцога Гольштейнъ-Готорпскаго, отъ котораго, съ сыномъ его, вошедшимъ на русскій престолъ подъ именемъ Петра III Ѳедоровича, пошла понынѣ царствующая въ Россіи нѣмецкая династія Гольштейновъ, хотя она и называется „для народа“ Романовскою.

Другая дочь Петра I съ Екатериною была Елизавета Петровна, сидѣвшая на русскомъ престолѣ, какъ послѣдняя изъ Романовыхъ.—Съ нею кончается династія Романовыхъ даже въ женской линіи.

Во время своего втораго пребыванія заграницей, Петръ узналъ, будучи въ Спа, что первенецъ его, царевичъ Алексѣй, рожденный отъ первой жены Евдокіи и удаленный имъ отъ престола, исчезъ изъ Австріи. Алексѣй былъ недостойный человѣкъ: его воспитаніе было ввѣрено Меньшикову, но Меньшиковъ никакого воспитанія не далъ ему—и онъ былъ орудіемъ въ рукахъ старорусской партіи, всячески стремившейся уничтожить дѣло Петра. Жена его, принцесса Шарлотта Брауншвейгская была первая нѣмка въ домѣ Романовыхъ

и отъ дурнаго обращенія мужа съ ней умерла еще въ 1715 году.

Петръ потребовалъ отъ сына полнаго исправленія, или чтобы онъ отказался отъ престолонаслѣдія и вступилъ въ монастырь. Тогда Алексѣй бѣжалъ заграницу. Петръ слѣдилъ за нимъ, конечно, и узнавъ, что онъ исчезъ, разослалъ повсюду искать его. Капитанъ Румянцевъ и сенаторъ Толстой нашли его въ Неаполѣ, обѣщали ему прощеніе отъ имени Петра и повезли въ Россію, гдѣ, не дождавшись исполненія надъ нимъ смертнаго приговора, умеръ отъ удара въ темницѣ. Онъ оставилъ сына, Петра II Алексѣевича, который былъ потомъ на русскомъ престолѣ послѣднимъ изъ Романовыхъ по мужской линіи. Когда умеръ Алексѣй, сынъ Петра, царь, не желая чтобы ему наслѣдовалъ внукъ Петръ Алексѣевичъ, издалъ въ 1722 году законъ о престолонаслѣдіи, по которому царствующее въ Россіи лицо можетъ назначить наслѣдникомъ, кого хочетъ.

Въ 1724 году Петръ Великій собственноручно короновалъ „дѣвицу изъ Маріенбурга“, свою жену Екатерину I, въ Москвѣ. Въ 1725 году Петръ умеръ неожиданно, не назначивъ наслѣдника престола и не оставивъ завѣщанія.

ПЕТРЪ I АЛЕКСѢЕВИЧЪ РОМАНОВЪ

Еще Петръ I боролся со смертью, когда двѣ партіи оспаривали другъ у друга наслѣдство—русскій престолъ.

Голицыны, Долгорукіе, Салтыковы, Нарышкины, Репнины, Лопухины и др. объявили себя за великаго князя Петра Алексѣевича, внука Петра Великаго, хотѣли императрицу Екатерину и ея дочерей заточить въ монастырь и вновь призвать къ жизни, Петромъ уничтоженное, боярское управленіе. Но этой партіи не хватило единства плана, такта и быстроты рѣшенія. Напротивъ, другая партія—рыцари счастія и иностранцы—„птенцы Петровы", во главѣ которыхъ стояли князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, епископъ Псковскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ягужинскій, Ив. Ив. Бутурлинъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой и бар. Остерманъ, обнаружила чрезвычайный тактъ и быстроту въ дѣйствіяхъ, и даже не думая о другихъ претендентахъ, — дочеряхъ Ивана V Алексѣевича, то есть, племянницахъ Петра I, выступила за престолонаслѣдіе жены Петра, Екатерины, обезпечила себѣ поддержку двухъ гвардейскихъ полковъ и повела офицеровъ и другихъ вліятельныхъ людей во дворецъ. Тамъ они удалили Екатерину отъ смертнаго одра Петра и привели ее въ середину заговорщиковъ.

Ссылаясь на коронованіе ея Петромъ I, Екатерина заявила свои права на престолъ и обѣщала воспитать

и приготовить внука Петра, Петра Алексѣевича, къ наслѣдованію престола Россійскаго. Бывшая „дѣвица изъ Маріенбурга“ была объявлена, подъ именемъ Екатерины I, Императрицей и Самодержицей всея Россіи,

Россіей сталъ править неограниченно и буйно Меньшиковъ, который теперь не боялся дубинки Петра и зналъ себя подъ защитой императрицы Екатерины. Послѣдняя со смертью Петра тоже распустила удила и, оставивъ всякія приличія, предалась пьянству. Дворъ былъ полонъ распутства и интригъ; въ странѣ царствовало недовольство,— казалось, все готово или выйти изъ береговъ, или застыть, какъ въ мертвомъ болотѣ...

Неограниченно властвуя подъ скипетромъ пріятельницы Екатерины, „князь“, какъ сокращенно звали Меньшикова, подумалъ о томъ, чтобы обезпечить себѣ эту власть и послѣ смерти ея. Для этого онъ рѣшилъ выдать свою дочь Марію за наслѣдника престола Петра Алексѣевича.

Что же касается самаго вопроса о престолонаслѣдіи, то Меньшиковъ давно рѣшилъ, что наслѣдовать долженъ маленькій великій князь Петръ Алексѣевичъ, за котораго будетъ править просто „князь“. Въ компаніи съ Гольштейнъ-Готропскимъ посланникомъ Басевичемъ они сфабриковали завѣщаніе Екатерины и, когда она была

уже при смерти, дали подписать это „завѣщаніе“ дочери ея Елизаветѣ Петровнѣ.

17 Мая 1727 года вдова Петра Великаго, бывшая „дѣвица изъ Маріенбурга“, императрица Россіи Екатерина I умерла отъ водянки.

На престолъ вступилъ внукъ Петра Великаго Петръ Алексѣевичъ, подъ именемъ Петра II, которому было отъ роду 12 лѣтъ. Это былъ пятый и послѣдній по мужской линіи Романовъ.

5-ый

и послѣдній по мужской линіи

ПЕТРЪ II АЛЕКСѢЕВИЧЪ РОМАНОВЪ.

До совершеннолѣтія, т. е., до 16-ти лѣтняго возраста, управленіе Государствомъ должно было находиться въ рукахъ Совѣта, во главѣ котораго стоялъ, конечно, Меньшиковъ.

Русскій Дворъ при царствованіи Екатерины I, бывшей „дѣвицы изъ Маріенбурга", пополнился удивительною „знатью", благодаря ея роднѣ.

Братъ ея Карлъ, бывшій конюхомъ въ Курляндіи, и другой братъ Фридрихъ (Федоръ), бывшій извощикомъ, были выписаны въ Петербургъ и получили фамилію Скавронскихъ. Въ Январѣ 1727 года оба Скавронскіе сдѣлались графами и появились при Дворѣ.

Карлъ былъ женатъ на литовской крестьянкѣ, а второй Фридрихъ—Федоръ женился на Сабуровой. Екатерина дала имъ огромное состояніе и красивые дворцы.

Графъ „Карлъ Самуйловичъ“ Скавронскій былъ камергеромъ, но жена его предавалась пьянству и разврату. Фамилія Скавронскихъ заняла высшія мѣста и породнилась со Строгановыми, Потемкиными, Багратіонъ, Сапѣгами, Корфами, Воронцовыми и Паленами. Она угасла въ мужской линіи, въ 1793 году, въ лицѣ посланника при Неаполитанскомъ дворѣ графа Павла Мартиновича Скавронскаго.

Сестры Екатерины I также устроились въ Петербургѣ: Христина „Самуйловна“ пріѣхала въ 1725 году вмѣстѣ со своимъ мужемъ, литовскимъ крестьяниномъ „Симонъ Гейнрикъ“ и дѣтьми — и всѣ они получили фамилію „Гендриковы“.

Хотя безъ всякаго образованія, „Гендриковъ“ былъ сдѣланъ камергеромъ и надѣленъ богатствомъ. — Въ 1742 году Императрица Елизавета произвела фамилію Гендриковыхъ въ „графы Гендриковы“. Пріѣхала въ Петербургъ и младшая сестра Екатерины, Анна, жена крестьянина Михаила Ефимовича со „своими“, и всѣ они получили фамилію „Ефимовскіе“, произведенную при Елизаветѣ Петровнѣ въ „графы Ефимовскіе“.

Всѣ эти „parvenus“ наравнѣ съ „княземъ“ Меньшиковымъ занимали высшія и почетнѣйшія мѣста и распоряжались судьбами бѣдной Россіи грубо и неограниченно.

Меньшиковъ произвелъ себя въ генералисимусы и адмирала, чтобы распоряжаться арміей и флотомъ, и пользовался именемъ царевича Петра для своихъ цѣлей. Онъ назначилъ царевичу жить не въ Зимнемъ Дворцѣ, а во дворцѣ Меньшикова на Васильевскомъ Островѣ, а въ Іюнѣ 1727 года обручилъ его со своей старшею дочерью Маріею Александровною, которая была на много лѣтъ старше Петра, и къ которой послѣдній не чувствовалъ ни малѣйшей склонности. Настолько, что бѣдный юноша обѣщалъ своей сестрѣ Наталіи подарить ей свои золотые часы, если она разстроитъ этотъ бракъ.

Бракъ этотъ былъ разстроенъ, благодаря паденію Меньшикова,—но юный Петръ Алексѣевичъ получилъ новаго хозяина похуже и поглупѣе Меньшикова, въ лицѣ князя Алексѣя Долгорукаго—и новую невѣсту, въ лицѣ дочери опять таки Долгорукаго. Бѣдный Петръ не зналъ, какъ избавиться и отъ второй невѣсты. Когда его короновали, въ 1728 году, ему было всего 13 лѣтъ и онъ дожилъ до 15 лѣтняго возраста.

Онъ умеръ 30 Января 1730 гога, какъ разъ въ тотъ день, на который назначена была свадьба его съ Долгорукой. Вмѣстѣ съ Петромъ II-мъ Алексѣевичемъ, внукомъ Петра I, умеръ послѣдній изъ Романовыхъ по мужской линіи.

По женской линіи изъ Романовыхъ оставались претендентами:

1) Сынъ умершей дочери Петра I Анны Петровны, бывшей замужемъ за герцогомъ Гольштейнскимъ, принцъ Гольштейнскій (впослѣдствіи Петръ III).

2) Младшая дочь Петра I Елизавета Петровна.

3) Дочь Ивана V Алексѣевича, и стало быть племянница Петра I, Анна Іоановна, вдова Герцога Курляндскаго, жившая внѣ предѣловъ Россіи.

По смерти послѣдняго изъ Романовыхъ въ мужской линіи стали опять судить и рядить, кого посадить на престолъ Россійскій.

Одинъ изъ Долгорукихъ предложилъ даже взять изъ монастыря бывшую жену Петра I, Евдокію; но другой Долгорукій, братъ невѣсты скончавшагося Петра II, смастерилъ завѣщаніе, подписанное имъ самимъ за Петра II, по которому будто бы русскій престолъ передавался его сестрѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. Однако этотъ фокусъ не удался, и другіе бояре не согласились на такую комбинацію.

Остерманъ подъ предлогомъ болѣзни не принималъ явнаго участія въ борьбѣ за престолонаслѣдіе, но тайно, вмѣстѣ съ Голицыными, работалъ противъ Долгорукихъ за претендентшу Анну Іоанновну.

Манифестомъ 15 Февраля 1730 года на престолъ была возведена племянница Петра I Анна Іоанновна.

Вмѣстѣ съ нею пріѣхалъ въ Россію ея любовникъ курляндецъ, „изъ простыхъ“, Эрнстъ Іоганъ Бирономъ. 20-го Мая онъ сдѣлался Оберкамергеромъ и кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго, а въ Августѣ онъ сталъ Графомъ.

Позорная, хотя и блестящая по внѣшности, эпоха эта извѣстна въ исторіи подъ печальнымъ именемъ „Бироновщины“. Биронъ забралъ вмѣстѣ съ Анной Іоанновной въ свои лапы и все прочее.

Вмѣстѣ съ придворнымъ ростовщикомъ евреемъ Липманомъ, они грабили и гнули въ баранній рогъ всѣхъ —и „знать“, и торговцевъ. Биронъ имѣлъ всѣ монополіи и выжималъ деньги „изъ русскихъ“, такъ что въ 1734 году онъ купилъ въ Пруссіи богатѣйшее владѣніе Вартенбергъ, которымъ и по сіе время владѣютъ его наслѣдники. Къ Бирону тѣсно примыкали: возведенный въ графское достоинство Остерманъ и графъ Минихъ. Это нѣмецкое тріо распоряжалось въ Россіи, какъ въ своемъ собственномъ имѣніи. Дворъ былъ переполненъ нѣмцами, и сами иностранные послы писали домой, что съ удивленіемъ сознаютъ себя въ Россіи, когда кругомъ всѣмъ правятъ нѣмцы. „Остзейскіе нѣмцы набросились на Россію, какъ на лакомый кусокъ“...

Сама Анна была натура жесткая, недовѣрчивая, и внушавшая скорѣе ужасъ, чѣмъ любовь.

Вмѣстѣ съ Бирономъ она всячески унижала русскую „аристократію“. Придворными шутами были: Апраксинъ, князь Волконскій и князь Голицынъ. Князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій „былъ битъ“, вымазанъ красками и сажей, кудахталъ, какъ курица, садился на яйца и пѣлъ пѣтухомъ (жена его была заключена въ Шлиссельбургѣ Меньшиковымъ въ 1757 г.).

Князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ женился тайно въ Италіи и перешелъ въ католичество: По пріѣздѣ въ Россію Анна заставила его развестись съ женою, сдѣлала его придворнымъ шутомъ и женила его, въ спеціально для того построенномъ—ледяномъ домѣ, на Невѣ—на своей „шутихѣ“, калмычкѣ Авдотьѣ Буженинової. Онъ умеръ идіотомъ въ своемъ имѣніи.

Несмотря на „блескъ“, тонъ при Дворѣ былъ грубый. Чтобы угодить дурному вкусу Бирона, всѣ одѣвались въ пестрые и яркіе цвѣта; старый Остерманъ и другіе сѣдовласые старцы были одѣты въ „нѣжно-розовое“. Былъ при дворѣ итальянскій театръ, игравшій „высокія драмы“, но Анна больше всего забавлялась „кулачными боями“, и пили при дворѣ „шибко“...

Послѣ смерти Анны интриги изъ за престолонаслѣдія возобновились. На Россійскій престолъ „посадили“ четырехлѣтняго младенца, сына племянницы Анны Іоанновны Ивана VI Антоновича. Отецъ его былъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій.

ПЕТРЪ II АЛЕКСѢЕВИЧЪ РОМАНОВЪ

Россіею, подъ скипетромъ четырехлѣтняго Ивана, правили Биронъ, который былъ уже герцогомъ и титуловался „императорскимъ высочествомъ“, и мать Ивана, Анна Леопольдовна.

Угнетеніе русскихъ и ненависть къ нѣмцамъ въ народѣ и среди войска росли, такъ что партіи Елизаветы Петровны, подкапывавшейся подъ „нѣмецкую партію“, и къ которой примкнулъ также испытанный дипломатъ и интриганъ французскій посланникъ Де ла Шетарди, нетрудно было свергнуть Бироновщину вмѣстѣ со всѣми „Антоновичами“, и 6 Декабря 1741 года регентша—мать, мужъ ея и маленькій царь Иванъ VI были заключены въ темницу, а Императрицей и Самодержицей всея Россіи была объявлена Елизавета Петровна, дочь Петра Великаго и послѣдняя изъ Романовыхъ, въ женской линіи.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ПОСЛѢДНЯЯ ИЗЪ РОМАНОВЫХЪ.

Елизавета Петровна была набожна—повидимому. Она исполняла церковныя предписанія буквально и съ разсчетомъ, чтобы всѣ это знали. Она даже обнаруживала необыкновенное почитаніе къ духовнымъ. За это духовенство прозвало ее „Врагомъ Вельзевула и всѣхъ его слугъ“ и отпускало ей грѣхи, въ которыхъ она купалась. Она притѣсняла и преслѣдовала армянъ и татаръ, изгоняла изъ Россіи евреевъ, какъ враговъ Христовыхъ, и отъ этого торговля сильно страдала.

6 Мая 1742 года Елизавета короновалась въ Москвѣ. Архіепископъ Новгородскій поднесъ ей на подушкѣ мантію и корону, которыя она сама на себя возложила. Было роздано по этому случаю много наградъ, и отмѣнена смертная казнь. Отмѣнивъ смертную казнь, Елизавета Петровна за то увеличила число наказаній плетьми и розгами. Ея жестокая натура находила удо-

вольствіе въ частыхъ присужденіяхъ къ отрѣзаанію языка, носа или ушей и къ ссылкѣ клейменныхъ на каторжныя работы.

Голова ея была занята пустяками и пустыми удовольствіями. Она была страшно лѣнива и мѣсяцами не занималась дѣлами. Въ похотливости и развратѣ она не знала мѣры. Многіе радовались, что царица „истинно-русская“, и что управленіе ея было національное. Она брала въ любовники только русскихъ и награждала ихъ высшими должностями въ государствѣ. Она выписала къ русскому Двору молодого принца Карла-Петра-Ульриха Гольштейнскаго, сына ея покойной сестры, и объявила его 18 Ноября 1742 года Великимъ Княземъ и наслѣдникомъ русскаго престола. Онъ принялъ православіе и подъ именемъ Петра III Ѳедоровича (отецъ его былъ Карлъ Фридрихъ) впослѣдствіи занялъ русскій престолъ, ставъ родоначальникомъ нынѣшнихъ „Романовыхъ“.

При Елизаветѣ могущественное вліяніе имѣлъ бывшій цирюльникъ и фельдшеръ Іоганнъ Германъ Лестокъ, ея „лейбъ-медикъ“, „дѣйствительный тайный совѣтникъ“ и генералъ-директоръ медицинской канцеляріи и съ 1744 года — графъ. Онъ окружилъ интригами всѣхъ министровъ, вмѣшивался во всѣ политическіе вопросы, ничего въ нихъ не понимая.

Открытый врагъ Англіи и Австріи, онъ горячо заступался за дружбу Россіи съ Пруссіею и Франціею, которая ему выдавала за это пенсію въ 15000 дукатовъ; но по разсѣянности онъ ваялъ также и отъ англійскаго посланника 600 фунтовъ стерлинговъ.

Противникомъ его при Елизаветѣ Петровнѣ былъ государственный вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ (выходцы изъ Шотландіи). Графъ Бестужевъ-Рюминъ былъ дурнаго характера, игрокъ и пьяница, „комедьянтъ“, который ссылался на свою дурную память, мѣняя сообщенія иностранныхъ пословъ изъ чернаго на бѣлое. Онъ, не стѣсняясь, даже платилъ свои карточные долги австрійскими и англійскими монетами и заставилъ таки Елизавету заключить союзъ съ Англійскимъ королемъ Георгомъ II-мъ. Тогда французскій и прусскій посланники соединились съ Лестокомъ и нашли себѣ союзницу въ лицѣ интригантки Княгини Іоганны Ангальтъ-Цербстской, Готторпской принцессы, которая пріѣхала въ Россію вмѣстѣ со своею дочерью Софіею-Фридерикой.

Софія-Фредерика Готторпская приняла православіе 9 Іюля 1744 года и наречена Екатериною Алексѣевной и невѣстой наслѣдника русскаго престола принца Гольштейнскаго Петра Ѳедоровича.

Комбинація эта принадлежитъ Фридриху Великому; сама Екатерина Алексѣевна впослѣдствіи тоже стала

называться „Великой“ и сдѣлалась родоначальницей нынѣшнихъ „Романовыхъ“:

Петръ Ѳедоровичъ Гольштейнскій и Екатерина Алексѣевна Готторпъ образовали въ брачномъ союзѣ династію Гольштейнъ-Готторпскую, отъ которой идутъ по сіе время Романовы!...

Значеніе Россіи по отношенію къ Европѣ понизилось за время царствованія Елизаветы Петровны. Внутреннее развитіе пошло назадъ.

Благодаря сближенію Россіи съ Франціей, Дворъ и такъ называемое „общество“ офранцузились внѣшнимъ образомъ, и хотя эта цивилизація была только поверхностная, и „высшее общество“ оставалось невѣжественнымъ, но она совершенно отдѣлила и отдалила какъ Дворъ такъ и общество отъ народа.

Съ 1749 года любовникомъ царицы Елизаветы былъ камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ часто измѣнялъ ей—и тогда происходили между царицей и соперницами страшныя „сцены“. Этотъ же Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ поклонникъ стиховъ и наукъ. Онъ основалъ въ 1755 году въ Москвѣ, первый въ Россіи, Университетъ, въ которомъ онъ былъ „куратором“ (попечитель) и который оставался безъ всякаго значенія и вліянія на культурную жизнь Россіи; въ 1758 году была основана Академія Художествъ — какъ предметъ роскоши.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Во главѣ Академіи наукъ, гдѣ все время были одни нѣмцы, былъ поставленъ президентомъ 18-ти лѣтній графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, который, разумѣется, не имѣлъ никакого понятія о томъ, что ему тамъ дѣлать. Дѣлавшій все за него Тепловъ писалъ учителю Разумовскаго Струбе: „Академія—безъ академиковъ, Университетъ безъ студентовъ, предписанія не имѣютъ авторитета, и во всемъ—одна смута".

Шуваловъ, правда, переписывался съ Вольтеромъ; но въ то время какъ Вольтеръ отъ него получалъ матеріалы для исторіи Петра Великаго, Шуваловъ получалъ изъ Франціи—посуду и платье...

Въ „метрополіи" Петра Великаго развился, въ періодъ женскаго царствованія Елизаветы Петровны, фаворитизмъ особаго сорта:

На высшія и главныя мѣста выдвигались послѣдовательно всѣ любовники Елизаветы. Ея любовники правили Россіею и отрѣзывали себѣ „лучшіе куски"...

Еще въ 1731 году малороссъ Алексѣй Разумовскій, придворный пѣвчій, понравился Елизаветѣ, и когда ея возлюбленный, сержантъ Шубинъ, за неосторожныя откровенія былъ наказанъ плетьми и, послѣ того какъ ему вырѣзали языкъ,—сосланъ въ Сибирь, мѣсто его запялъ Разумовскій. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій „управлялъ имѣніями" Елизаветы. Потомъ онъ сталъ камеръ-юнкеромъ, камергеромъ, генералъ-лейте-

нантомъ и оберъегермейстеромъ. Она ему подарила имѣнія и фабрики и выписала въ Петербургъ его мать, казацкую вдову. „Разумиху“, какъ звали сокращенно казачку, одѣли въ придворное платье, намазали, напудрили и оставили дожидаться въ одной изъ залъ дворца пріема Елизаветой. Когда Разумиха очутилась передъ большимъ зеркаломъ и увидала тамъ свою придворную фигуру, она вообразила что это Императрица, и что передъ нею стоитъ Елизавета — она бухнулась на колѣни!

Ее сдѣлали таки придворной дамой, но она чувствовала себя при дворѣ „не въ своей тарелкѣ“ и уѣхала назадъ въ Малороссію.

Осенью 1742 года Елизавета Петровна обвѣнчалась тайно въ селѣ Перовѣ съ Алексѣемъ Разумовскимъ; ихъ вѣнчалъ царскій духовникъ Дубянскій.

Съ этого времени Алексѣй Разумовскій сталъ всесильнымъ.

Въ 1744 году Алексѣй Разумовскій и братъ Кириллъ были возведены въ потомственные графы.

Въ сентябрѣ 1749 года Елизаветѣ понравился Шуваловъ Иванъ Ивановичъ. Много лѣтъ продолжалось взаимное соревнованіе Разумовскаго и Шувалова.

Разумовскій всетаки оставался „главнымъ мужемъ“ Елизаветы и жилъ при ней. Она продолжала осыпать Разумовскихъ титулами и богатствомъ. Кириллъ Разу-

мовскій былъ сдѣланъ Гетманомъ Украйны, гдѣ онъ царствовалъ неограниченно. Въ 1756 году Елизавета произвела Алексѣя въ генералъ-фельдмаршалы, на что онъ наивно заявилъ: „Ты можешь меня, Лиза, и въ фельдмаршалы производить, но никогда изъ меня не сдѣлаешь и простаго полковника“.

Кромѣ Ивана Ивановича Шувалова, любовниками Елизаветы Петровны были и другіе Шуваловы, родственники его Александръ Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, которыхъ Елизавета сдѣлала потомственными графами.

Рядомъ съ дворомъ Елизаветы Петровны былъ и „молодой дворъ“: наслѣдникъ престола, Великій Князь Петръ Ѳедоровичъ Гольштейнскій выросъ неразвитымъ; онъ любилъ общество лакеевъ съ ихъ низменными удовольствіями и боялся, какъ чумы, серьезной мысли. Уже молодымъ человѣкомъ онъ могъ цѣлые часы играть съ оловянными „солдатиками“ или мучить животныхъ. Жена его, великая княгиня Екатерина Алексѣевна (будущая Екатерина Великая), была на годъ моложе его и смотрѣла на него, какъ на дитя. Они не были счастливы въ супружествѣ. Она рано развила свой умъ чтеніемъ; въ 15 лѣтъ она читала уже все, что ей попадало, между тѣмъ какъ Петръ почти ничего не читалъ.

Какъ только мать Екатерины уѣхала обратно въ Германію, она отвернулась отъ Пруссіи, стала разыгрывать изъ себя русскую и сблизилась съ Бестужевымъ-Рюминымъ. Она стала все больше и больше интересоваться политикой и отъ скуки сочиняла планы реформъ. Она нашла себѣ подругу по духу въ лицѣ кн. Екатерины Романовны Дашковой, которая была моложе ея, но такъ же любознательна и такъ же, какъ она, стремившаяся къ реформамъ.

Екатерина Алексѣевна Гольштейнская, будущая императрица, нашла также и „любовь“, къ которой она стремилась всѣмъ духомъ и тѣломъ, не имѣя и съ этой стороны удовлетворенія отъ Петра Ѳедоровича. Въ 1753 году она нашла любовь въ объятіяхъ своего камергера Сергѣя Васильевича Салтыкова, а съ 1756 года утѣшителемъ явился польскій графъ Станиславъ Понятовскій.

Петръ утѣшался въ это время „писанной красотой“ сестры Дашковой, Елизаветы Романовны Воронцовой.

Царица Елизавета Петровна умерла также, какъ и мать ея, отъ водянки — послѣдствія пьянства. Она умерла въ присутствіи обоихъ Разумовскихъ 5 Января 1762 года, и вмѣстѣ съ ней окончилась, въ прямой линіи, династія Романовыхъ.

II.

ГОЛЬШТЕИНЫ

(ТОЖЕ РОМАНОВЫ).

ПЕТРЪ III ѲЕДОРОВИЧЪ ГОЛЬШТЕЙНСКІЙ.

Принцъ Гольштейнскій, переименованный въ Петра Ѳедоровича, игралъ такую печальную роль при Елизаветѣ и былъ настолько въ тѣни, что всѣ были удивлены, когда Петръ III Ѳедоровичъ началъ свое царствованіе цѣлымъ рядомъ реформъ, которыя, конечно, свелись ни къ чему, благодаря ихъ плохому выполненію, и которыя были „сочинены“ его тайнымъ секретаремъ Волковымъ. Онъ уничтожилъ торговыя монополіи, застѣнокъ и тайную канцелярію, простилъ раскольниковъ, которыхъ преслѣдовала Елизавета Петровна. Онъ хотѣлъ, въ духѣ Петра Великаго, отнять у духовенства приписанныя къ нимъ имѣнія и даже собирался отдѣлить церковь отъ Государства... Онъ возвратилъ изъ ссылки знаменитаго Бирона, графа Лестока, и графъ Минихъ также возвратился въ овчинномъ тулупѣ, ко-

торый онъ носилъ въ Пелыми, при чемъ его привѣтствовали 32 внука.

Плохо было только положеніе его супруги, императрицы Екатерины Алексѣевны (будущая Екатерина II), которую Петръ III не любилъ. Она впрочемъ платила Петру за эту нелюбовь и вознаграждала себя сторицею: Послѣ графа Понятовскаго, она взяла на его мѣсто „сѣвернаго красавца“ Григорія Григорьевича Орлова, сердцеѣда по призванію. „Страстная любовь“ соединила ихъ, и 22 Апрѣля 1762 года отъ этого союза родился сынъ — Алексѣй Григорьевичъ, который получилъ вскорѣ фамилію Бобринскаго, воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ и въ Ноябрѣ 1796 года получилъ потомственное графство. Потомки этого „Бобринскаго“ занимали высшія должности, и внукъ его А. А. Бобринскій теперь Оберъ-Гофмейстеръ.

Петръ обращался съ Екатериною презрительно и удвоилъ свое вниманіе къ „фрейлинѣ“ Елизаветѣ Воронцововой.

Французскій полномочный министръ Баронъ Бретейлъ писалъ во Францію въ февралѣ 1762 года:

„Екатерина все болѣе и болѣе располагаетъ къ себѣ русскихъ. Никто строже ея не соблюдаетъ церковныя предписанія (послѣ смерти Елизаветы). Предписанія эти многообразны и полны суевѣрій, надъ которыми

она, конечно, смѣется. Но духовенство, равно какъ и народъ вѣрятъ въ ея глубокую печаль по скончавшейся императрицѣ и ставятъ это ей въ большую заслугу.

Она строго соблюдаетъ всѣ церковные праздники, всѣ посты и религіозные обряды, которымъ въ Россіи удѣляютъ большое вниманіе".

На Государственномъ обѣдѣ 20 Іюня, которымъ праздновалось заключеніе „вѣчнаго мира" между Петромъ III Ѳедоровичемъ Гольштейнскимъ (онъ же Романовъ) и королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Великимъ, Петръ обозвалъ свою супругу (будущую Екатерину Великую) дурою.

Съ этого момента, угрожаемая къ тому же заключеніемъ въ монастырь, подобно царицѣ Евдокіи, Екатерина со своими друзьями только и думала, что о государственномъ переворотѣ.

Большою помощницею въ этомъ дѣлѣ была ея подруга, умная и дѣятельная княгиня Дашкова. Самъ же Петръ III только и дѣлалъ, что отталкивалъ отъ себя и народъ, и войско. Передъ солдатами онъ носилъ прусскую форму; въ перстнѣ онъ носилъ портретъ Фридриха Великаго, котораго онъ открыто называлъ своимъ господиномъ, а волю его—волею Господней.

Иностранные послы считали его дѣйствія поступками сумасшедшаго. Такъ что Екатеринѣ Алексѣевнѣ не-

трудно было подготовить и выполнить государственный переворотъ.

Кромѣ возлюбленныхъ Екатерины, къ ней примкнули командиръ конной гвардіи и конференцъ-министръ князь Волконскій, сынъ придворнаго шута Анны, камергеръ князь Барятинскій и многіе другіе; особенно важно было сообщничество архіепископа Новгородскаго, который поручилъ своимъ монахамъ и попамъ проклинать въ народѣ и казармахъ язычника—царя.

Денегъ и обѣщаній Екатерина также не жалѣла.

30 Іюня Петръ видѣлся съ нею въ послѣдній разъ въ Ораніенбаумѣ, и когда, 7 Іюля, одинъ изъ заговорщиковъ, полковникъ Пассекъ былъ арестованъ, тогда княгиня Дашкова и братья Орловы рѣшили, что пора дѣйствовать, пока еще не поздно.

Княгиня Дашкова послала Алексѣя Орлова въ Петергофъ, чтобы тотъ отвезъ Екатерину въ Петербургъ. На пути къ нимъ присоединился Григорій Орловъ и князь Барятинскій, съ которыми Екатерина отправилась въ казармы закупленнаго Измайловскаго полка. Привели полковыхъ поповъ, и гетманъ Разумовскій преклонилъ передъ ней колѣна вмѣстѣ со всѣмъ полкомъ: „Да здравствуетъ Матушка Екатерина!“

Матушка Екатерина не останавливалась на полдорогѣ и поѣхала дальше въ Казанскій Соборъ, гдѣ архіепископъ Дмитрій Новгородскій молился уже за „Само-

державную Екатерину II и Великаго Князя Павла Петровича".

Екатерина поѣхала въ Зимній Дворецъ, куда она вытребовала сына Павла; архіепископъ привелъ войско къ присягѣ въ вѣрности Екатеринѣ, которая съ балкона показала толпѣ наслѣдника Павла и приняла поздравленія сената, синода и Двора, какъ царица Екатерина II.

Всѣ отпали отъ Петра III.

Вмѣстѣ съ Екатериною праздновали ея побѣду Французское и Австрійское посольства, которыя раздавали водку.

Екатерина пустила въ народъ сказку, будто Петръ хотѣлъ ее отравить и приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы переворотъ не потерпѣлъ ущерба.

Царскій манифестъ отъ 9 Іюля, сочиненный Тепловымъ и распространенный во всемъ государствѣ, ловко эксплоатируетъ невѣжество и простоту народа, играя на струнахъ религіозныхъ и ненависти къ пруссакамъ, что окончательно должно было убить Петра Ѳедоровича, хотя Екатерина Алексѣевна была та же пруссачка но съ ловкимъ умомъ — поэтому она стала „Матушка Екатерина".

Матушка Екатерина одѣла форму временъ Петра Великаго, которую ей далъ офицеръ Семеновскаго полка Талызинъ; когда она замѣтила, что ей недостаетъ пор-

тупéи, къ ней подскочилъ рослый вахмистръ и далъ ей свою.

Его звали Потемкинымъ, и съ этого момента карьера его была сдѣлана.

Петръ III оставался бездѣятельнымъ въ Петергофѣ. Стали приходить гонцы изъ Петербурга—одинъ многозначительнѣе другого; старый Минихъ совѣтовалъ ему сейчасъ же отправиться со своей свитой въ Петербургъ, другіе совѣтовали бѣжать къ войскамъ въ Нарвѣ, или въ Голгштейнъ, въ Финляндію, Украйну и т. д.

Петръ наконецъ рѣшился на поѣздку въ Кронштадтъ, но Адмиралъ Талызинъ отдалъ приказъ не принимать его на судна, а маленькой флотиліи угрожали изъ крѣпости. Петръ долженъ былъ повернуть оглобли и поѣхалъ въ Ораніенбаумъ.

Одинъ за другимъ покинули его — сначала канцлеръ Воронцовъ, потомъ безхарактерный генералъ-фельдмаршалъ князь Трубецкой — и всѣ привѣтствовали „царицу“.

Напрасно Минихъ поджигалъ его къ отпору, напрасно то же самое совѣтовали ему его Гольштейнскіе солдаты —онъ писалъ малодушныя письма къ своей вѣроломной бунтовщицѣ и просилъ разрѣшить ему послѣ того, какъ онъ откажется отъ престола, поѣхать съ подругой Воронцовой и со своимъ генералъ-адъютантомъ Гудовичемъ обратно въ Гольштинію. Его трусливыя

просьбы оставались безъ отвѣта. — Его измѣнническій камергеръ Измайловъ арестовалъ его 10 Іюля въ Ораніенбаумѣ, принудилъ его написать актъ отреченія отъ престола, который онъ тотчасъ же передалъ Григорію Орлову и вице-канцлеру князю Голицыну, и отвезъ своего плѣнника въ Петергофъ. Изъ Петергофа „бывшаго царя“ отвезли въ замокъ Рошшу (недалеко отъ Петергофа), и его Гольштейнскіе солдаты были обезоружены.

Екатерина совершила 11 Іюля свой торжественный въѣздъ въ Петербургъ. Рядомъ съ ней ѣхалъ Григорій Орловъ. Вечеромъ при Дворѣ онъ открыто велъ себя какъ „фаворитъ“, и во всѣхъ императорскихъ дворцахъ Петербурга ему было отведено помѣщеніе.

На Григорія Орлова, его семейство и другихъ участниковъ заговора посыпались, какъ изъ рога изобилія, царскія милости и дары; приверженцы Петра были заключены въ темницѣ, арестовали также и метрессу или „фаворитку“ Петра III Воронцову, которую, послѣ „лишенія ордена“ Екатерины, отослали къ отцу.

Екатерина, какъ „литераторша“, сочиняла въ это время прокламаціи, которыя должны были вытравить всякую память о „бывшемъ царѣ“ и возвеличить ее за его счетъ.

Петръ еще жилъ; но нашлись услужливыя руки, чтобы его совсѣмъ стереть съ лица земли:

Пока отсылали въ Пруссію Гольштейнскихъ солдатъ, Алексѣй Орловъ далъ Петру III яду въ винѣ, и послѣ отвратительныхъ издѣвательствъ надъ нимъ того же Орлова, князя Барятинскаго и Теплова, несчастный Петръ скончался 17 Іюля.

Манифестъ возвѣстилъ „вѣрному“ народу, что императоръ Петръ III въ Бозѣ почилъ отъ геморроидальныхъ коликъ, и при полномъ церемоніалѣ онъ былъ похороненъ рядомъ съ несчастной регентшой Анной Леопольдовной въ Александровской Лаврѣ, а не въ Петропавловскомъ Соборѣ, какъ другіе государи.

Хотя Екатерина прямо не заказывала умерщевленія Петра, но была серьезно рада и признательна убійцамъ. Княгиня Дашкова оплакиваза это убійство, какъ помраченіе славы своей подруги и сказала Екатеринѣ:

„Madame, это слишкомъ неожиданная смерть для Вашей и моей славы“. Орловы за эту фразу поклялись въ смертельной враждѣ Дашковой—и сдержали клятву.

Екатерина прикидывалась удрученной смертью супруга и разыгрывала эту комедію артистически.— Она чувствовала себя свободной отъ всѣхъ узъ и стѣсненій, полновластной распорядительницей въ громадномъ государствѣ и не думала, конечно, передавать корону своему сыну Павлу, какъ думали наивные изъ ея приверженцевъ.

ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСѢЕВНА „ВЕЛИКАЯ“.

Хотя „Матушка Екатерина“ умѣла, какъ никто, привораживать къ себѣ людей, и ея привѣтливость и любезность магически дѣйствовали на многихъ, тѣмъ не менѣе характеръ ея вліянія на людей былъ далеко не обворожительный. Когда она желала кого нибудь привлечь или расположить къ себѣ, она не допускала чьихъ либо другихъ правъ, которыя могли бы ей противостоять. Чтобы „властвовать“, она не останавливалась ни передъ какими средствами, дурными или мало благородными.

Хотя она и обмѣнивалась съ Вольтеромъ перепиской, въ которой воспѣвались гимны свободѣ и „правамъ человѣка“, но прежде всего Екатерина обожала свою собственную особу, для славы которой Европа и Азія должны были служить пьедесталомъ... Она въ совершенствѣ соединяла въ себѣ „куртизанку“ и „императрицу“.

Екатерина дѣйствительно хотѣла ввести въ Россіи цивилизацію, но гдѣ культура не находила для себя почвы, она желала видѣть внѣшность цивилизаціи и истинную культуру—замѣнить видимой.

Со своими государственными людьми, друзьями и любимцами она совѣщалась и переписывалась о разныхъ планахъ, реформахъ и устроеніяхъ. Она встрѣчала, конечно, на этомъ пути трудныя препятствія, подобно Петру I, въ косности русскаго народа и его боязни и недовѣріи къ „новшествамъ“. „Одолѣніе этихъ препятствій, какъ она писала въ 1769 году скульптору Фальконэ, должно возвеличить мою славу“. То, что она считала полезнымъ, она „прививала“ русскимъ. Жизнь ея дѣлилась на двѣ части: одну она отдавала „управленію“, другую—„любви“.

Для умственнаго кокетства и политическихъ собесѣдованій она имѣла придворныхъ философовъ; но для любви она предпочитала русскихъ „гренадеровъ“.

Она управляла Россіею, потому что она разыгрывала русскую.—Нѣмка по происхожденію и характеру, она сдѣлалась русской повелительницей, „Матушкой Екатериной“, да еще Великой. Изъ разсчета Екатерина постоянно льстила русскимъ, по природѣ ей чужимъ.

Россія была во главѣ всѣхъ ея плановъ и мыслей. Она окружала себя почти исключительно русскими и,

какъ часто она ни мѣняла своихъ любовниковъ, она почти всегда брала ихъ среди русскихъ.

Екатерина была воплощеніемъ космополитизма, несмотря на весь ея русскій тонъ, — поэтому она стояла далеко отъ національнаго фанатизма и религіозныхъ преслѣдованій; она заботливо почитала религіозные обряды, но дѣлала это, конечно, изъ разсчета, въ обмѣнъ за услуги, которыя ей оказывала православная церковь послѣ переворота 1762 года. Религія была для нея вопросомъ внѣшнимъ и оказывалась полезной для управленія народной душой и держанія народа въ повиновеніи.

Хотя она и называла себя главою православной церкви, но „Матушка Екатерина“ не допускала эту самую церковь вліять на свѣтскія дѣла и прекрасно умѣла держать алтарь позади трона...

Григорій Орловъ могъ требовать отъ своей возлюбленной царицы, что угодно — онъ тотчасъ получалъ. Тогда „сѣверный красавецъ“ подумалъ, отчего бы ему не раздѣлять съ царицей и престолъ,—и старикъ Бестужевъ-Рюминъ поддержалъ его своей хитростью, сочинилъ даже отъ имени народа челобитную къ Екатеринѣ, дабы она соизволила вторично сочетаться бракомъ; но канцлеръ Воронцовъ, гетманъ Разумовскій, Панинъ, Чернышевъ и другіе рѣшительно воспротивились вожделѣніямъ Орлова — и дѣло „не выгорѣло“.

4-го Октября 1764 года послѣдовало въ Москвѣ коронованіе Екатерины съ такой же торжественностью, какъ при коронаціи Елизаветы Петровны. Была заказана корона съ 58 брилліантами и 75 большими жемчугами, стоившая 2 милліона рублей. Въ числѣ первыхъ милостей и повышеній, связанныхъ съ коронаціонными празднествами, послѣдовало возведеніе Орловыхъ въ графское достоинство.

Заговоры однако не прекращались: они теперь имѣли цѣлью сверженіе Екатерины и воцареніе на ея мѣсто заключеннаго въ Шлиссельбургской крѣпости Ивана VI, котораго многіе заговорщики предлагали на ея мѣсто, Екатерина считала его безпокойнымъ для себя претендентомъ и рѣшила его убрать съ своего пути. Былъ отданъ приказъ, чтобы при малѣйшей попыткѣ освободить Шлиссельбургскаго узника, былъ немедленно убитъ самъ Иванъ VI

16 Іюля 1764 года, когда лейтенантъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Мировичъ сдѣлалъ попытку къ освобожденію несчастнаго Ивана, стража напала на спящаго Ивана VI Антоновича, которому тогда было 24 г., и убила его, ни въ чемъ неповиннаго — Его посадили въ крѣпость, когда ему не было двухъ лѣтъ. Царскій манифестъ отъ 28-го Августа возвѣстилъ народу объ „ужасномъ преступленіи, совершенномъ злодѣемъ Ми-

ровичемъ", въ доказательство чего послѣдній и былъ публично казненъ въ Петербургѣ 26 Сентября.

При Дворѣ Екатерины господствовалъ утонченнѣйшій французскій тонъ. Екатерина умѣла принимать и „божественно" бесѣдовала въ 1773 году съ Дидро и Гриммомъ въ роскошныхъ апартаментахъ Эрмитажа. Такіе свѣтскіе люди и знатоки придворной мудрости, какъ князь Линь и графъ Сегюръ были въ восторгѣ отъ обворожительной императрицы и любезнѣйшей женщины. И не только Екатерина жила въ атмосферѣ французскаго просвѣщенія, но и всѣ ея любимцы поддерживали постоянныя сношенія съ заграницей. Орловы, Потемкинъ, Зубовъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ предпочитали иностранныя сношенія русскимъ. У Воронцовыхъ можно было встрѣчать Лафермьера, Николаи, Рогерсона и Кастельчикала; графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, сынъ Гетмана, какъ ученикъ Шлецера, сдѣлался космополитомъ; Строгановъ и Нарышкинъ старались „быть французами", и Дворъ былъ уже близокъ къ тому, чтобы совсѣмъ потерять національную физіономію, когда разразившаяся французская Революція заставила испариться поклоненію.

Сношенія Россіи съ Западомъ вызвали „электрическіе токи", и, конечно, рядомъ съ дѣйствительными перемѣнами въ образѣ мысли и настроеніяхъ русской жизни было много — и даже больше всего видимаго,

и чисто внѣшняго, которое должно было испариться передъ страхомъ революціи. Екатерина могла цѣлые часы бесѣдовать съ Дидро или Гриммомъ о литературѣ, философіи, Государственномъ правѣ, политической экономіи, счастьѣ народовъ и о свободѣ, и ни минуты не задумывалась проводить въ жизнь обратное тому, что она проводила въ рѣчахъ и бесѣдахъ.

Нужно отдать справедливость, что работоспособность ея была „огромадная“, и съ шести часовъ утра до поздней ночи она устраивала, управляла — и писала указы, манифесты, проэкты и письма!..

Дворъ Екатерины былъ театромъ постоянныхъ интригъ и соперничествъ; возвышеніе и паденіе ея любовниковъ занимали всѣхъ; должность любовника стала придворной, дававшей права на квартиру въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ императрицей, на почести и доходы; эта должность требовала, конечно, и извѣстныхъ обязанностей...

Григорій Гридорьевичъ Орловъ, бывшій любовникомъ Екатерины при Государственномъ переворотѣ 1762 года, при своемъ скудномъ образованіи, поверхностности и грубомъ тщеславіи все еще былъ недоволенъ, хотя онъ былъ заваленъ почестями, званіями и богатствомъ.

Австрійскій Іосифъ II далъ ему титулъ князя, а Екатерина званіе „Свѣтлѣйшаго“. — Тутъ кстати замѣтить,

что большинство русскихъ графовъ и князей получали эти титулы отъ австрійскихъ или другихъ иностранныхъ государей: это тѣмъ понятнѣе, что это ничего имъ не стоитъ, а, какъ говорятъ французы: „Les petits cadeaux entretiennent de bonnes relations“, то есть, маленькіе подарочки поддерживаютъ хорошія отношенія.. Григорій Орловъ „со братьями“ получили съ 1762 по 1783 годъ 17 милліоновъ рублей деньгами и подарками и 45,000 живыхъ „душъ“ — крестьянъ. Это они стоили государству, конечно.

Князь Орловъ ей надоѣлъ, и въ 1772 году послѣ короткаго перерыва „междулюбовника“ Высоцкаго, настало царство любовника Александра Семеновича Васильчикова, по „рекомендаціи“ Панина.

Въ Маѣ 1774 года ему наслѣдовалъ въ любвеобильномъ сердцѣ Матушки Екатерины Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Потемкинъ былъ еще честолюбивѣе Орлова и интриганъ „чистой воды“. Онъ пріобрѣлъ безусловную власть надъ Матушкой, обращался съ ней грубо и сдѣлалъ себя необходимымъ для Екатерины, якобы оберегая ее отъ заговоровъ.

Несмотря на свои посредственныя способности, онъ старался забрать въ свои руки дѣла и сдѣлался совѣтникомъ и руководителемъ царицы. Онъ являлся какъ демонъ передъ ней и все болѣе отдалялъ ее отъ сына

Павла. Онъ искалъ руки Екатерины и, не добившись ея, сталъ добиваться получить въ свое распоряженіе Польшу, Курляндію—ненасытный въ своихъ вожделѣніяхъ. Она сдѣлала его графомъ, въ 1776 году.

Іосифъ II сдѣлалъ его княземъ, а за то, что онъ представилъ Екатеринѣ въ ложномъ свѣтѣ благосостоянія Таврическій полуостровъ (Крымъ), онъ получилъ въ 1787 году званіе Таврическаго. Его владычество стоило Екатеринѣ слишкомъ 50 милліоновъ рублей. Когда онъ пересталъ занимать умъ и сердце Екатерины, онъ льстилъ ея фантазіи воинственными картинами, которыя онъ ей рисовалъ, завоевательными проэктами и рискованными авантюрами. Онъ остался ея совѣтникомъ и вытѣснилъ Панина въ роли посредника или поставщика новыхъ любовниковъ, которыхъ онъ устранялъ' какъ только вліяніе на Матушку становилось для него опаснымъ.

Съ 1776 года любовникомъ былъ Генералъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, котораго Францъ II сдѣлалъ графомъ, но въ 1777 году Потемкинъ замѣстилъ его Сербомъ Зоричемъ, который не умѣлъ держаться на паркетѣ и въ 1778 году былъ замѣщенъ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ. Римскій Корсаковъ, по словамъ Екатерины, пѣлъ „какъ соловей“, но соловей измѣнилъ ей съ женой оберъ-камергера графа Строганова и былъ высланъ въ Москву. Князь Щербатовъ

жалуется, что Римскій-Корсаковъ, былъ развратитель женщинъ,—но Екатерина, конечно, въ развратителѣ не нуждалась...

Послѣ Римскаго-Корсакова „Генералъ-Адъютантомъ" Екатерины былъ адъютантъ Потемкина Александръ Дмитріевичъ Ланской. Онъ умеръ молодымъ, 26 лѣтъ, и Екатерина была въ отчаяніи. Пришлось ей пустить кровь и поспѣшно призвали Потемкина. Она оплакивала Ланского и соорудила на мѣстѣ его погребенія, на Царскосельскомъ кладбищѣ, храмъ во имя Казанской Божіе-матери. На мѣсто Ланского она взяла адъютанта Потемкина Александра Петровича Ермолова. За Ермоловымъ въ 1786 году послѣдовалъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Екатерина открыла его любовную связь съ княгиней Щербатовой, поженила ихъ и отправила Мамонова изъ Петербурга.

„Матушкѣ" Екатеринѣ было уже 60 лѣтъ — и она взяла къ себѣ въ любовника 22-хъ лѣтняго конногвардейскаго офицера Платона Александровича Зубова: по этому поводу острили, что она больше не беретъ адъютантовъ, но цала въ объятія философіи Платона и любитъ только платонически.

Зубовъ хорошо игралъ на скрипкѣ, и Екатерина позволила ему устраивать у себя квартеты и камерные концерты, — при чемъ она дожидалась знака Платона,

что концертъ кончился, чтобы аплодировать, настолько она сама въ музыкѣ ничего не понимала.

Самъ Потемкинъ не могъ уже удалить Зубова, какъ онъ ни бѣсновался, видя его вліяніе на Екатерину. Зубовъ вмѣшивался во всѣ государственныя дѣла, ничего въ нихъ не понимая; онъ сдѣлался орудіемъ въ рукахъ хитраго дипломата Маркова, обогатился самымъ недостойнымъ образомъ, съ 1792 года управлялъ иностранными дѣлами, въ 1793 былъ сдѣланъ графомъ, а въ 1796 году Францъ II его сдѣлалъ княземъ. Его хозяйничаніе значительно помрачило славу послѣднихъ годовъ Екатерины...

Впрочемъ и сама Екатерина въ первые же годы своего царствованія отреклась на дѣлѣ отъ своихъ хорошихъ словъ.

Слова ея: „Свобода, душа всего живого, безъ тебя все мертво. Я хочу повиновенія законамъ, а не рабовъ!“ остались словами.

Многочисленные государственные крестьяне, которыхъ она раздавала своимъ любимцамъ и любовникамъ, становились рабами. Царскій указъ запретилъ крестьянамъ жаловаться на своихъ господъ, а „господа“, напротивъ, могли своихъ крестьянъ ссылать въ Сибирь или сдавать въ солдаты...

Очень печально было отношеніе Екатерины къ ея сыну и наслѣднику престола Павлу Петровичу. Отно-

шенія становились все „холоднѣе“, и наконецъ Матушка и сынъ оказались лицомъ къ лицу врагами. Она причиняла ему много огорченій.

Павелъ любилъ своего отца и ненавидѣлъ мать, въ которой онъ видѣлъ убійцу Петра III, похитившую тронъ у отца и у него самого.

Павелъ, который находился съ 1760 года подъ руководствомъ и наблюденіемъ Панина, выросъ въ безправственномъ обществѣ, окруженный шпіонами Екатерины; юность его была отравленная. Ея любимцы и ея любовники могли безнаказанно его оскорблять, и его держали въ отдаленіи отъ всякихъ дѣлъ, касавшихся государственнаго управленія.

Панинъ ничего изъ своего руководства не сдѣлалъ, и приставленный къ Павлу дворянинъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ едва заботился объ его воспитаніи. Павелъ обладалъ хорошими качествами, былъ набоженъ и справедливъ и откровененъ и ненавидѣлъ господствовавшую при дворѣ его „Матушки“ развращенность, обнаруживалъ здоровые политическіе взгляды, былъ подобно своему отцу, поклонникъ Пруссіи и любилъ военщину. Его пороки однако переросли его добродѣтели, въ чемъ прежде всего виновато было шпіонство, которымъ окружала его мать.

Разсѣянный и нервный, быстро переходившій отъ симпатіи къ симпатіи, онъ былъ раздражителенъ, недо-

вѣрчивъ, отдавался во власть мнительности, съ ненавистью и отвращеніемъ смотрѣлъ изъ Гатчины, его любимой резиденціи, на Дворъ и правительство: Умъ его былъ одержимъ средневѣковыми видѣніями, и повсюду ему мерещились революціонеры.

Хотя онъ имѣлъ званіе Генералъ-Адмирала, онъ не смѣлъ даже ни разу побывать въ Кронштадтѣ. По выбору „матушки“ онъ женился въ 1773 году на Натальѣ Алексѣевнѣ Гессенъ-Дармштадской; его другъ графъ Андрей Кирирловичъ Разумовскій „перетянулъ“ жену Павла къ себѣ. Матушка обратила подозрѣніе Павла на соблазнителя, но въ 1776 году смерть Натальи Дармштадской разорвала „царственный“ союзъ. Павелъ скоро утѣшился и женился на Маріи Ѳедоровнѣ Вюртембергской, съ которой онъ имѣлъ много дѣтей. Его склонность къ камерфрейлинѣ жены Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой причиняла много огорченій Маріи Ѳедоровнѣ Вюртембергской, но повидимому Нелидова не сдалась на амуры царевича Павла—и отношенія ихъ остались платоническими; чтобы избавиться отъ преслѣдованій Павла, Нелидова на время удалилась въ монастырь.

Екатерина питала исключительную любовь къ старшему внуку, сыну Павла, Александру Павловичу, котораго она хотѣла посадить на престолъ вмѣсто Павла. Она рано выбрала ему въ жены Елизавету Алексѣевну

Баденскую. Екатерина преслѣдовала свой планъ — давать всѣмъ русскимъ великимъ князьямъ въ жены нѣмецкихъ принцессъ — это и по сіе время осталось домашней традиціей въ династіи Гольштейнъ-Готторпской, называемой по „другой традиціи“ и другимъ соображеніямъ, „Романовской“.

Хотя Александръ никогда не согласился съ намѣреніемъ бабки Екатерины посадить его на престолъ на мѣсто отца, тѣмъ не менѣе Павелъ неотступно подсматривалъ за нимъ. Екатерина составила бумаги, по которымъ Павелъ долженъ былъ быть лишенъ права на престолъ послѣ ея смерти и удаленъ въ замокъ Лоде, въ Эстляндіи; бумаги эти она передала на храненіе Гостударственному вице-канцлеру графу Безбородко.—Безбородко потомъ выдалъ бумаги Павлу для уничтоженія.

Чтобы привязать Швецію къ политикѣ Россіи, графъ Марковъ, ставленникъ Зубовыхъ, управлявшій иностранными дѣлами въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, завелъ переговоры о помолвкѣ вел. княжны Александры Павловны съ королемъ шведскимъ Густавомъ IV Адольфомъ. Король пріѣхалъ въ Петербургъ, празднества тянулись безъ конца, Марковъ составилъ брачный контрактъ, по которому будущая королева Шведская должна была оставаться въ православіи, и 21 Сентября 1796 г. весь русскій Дворъ былъ въ полномъ сборѣ около Ека-

терины Великой, сидѣвшей на тронѣ въ ожиданіи подписанія брачнаго контракта королемъ Шведскимъ. Король не подписалъ. Взбѣшенная Екатерина побила Маркова, сорвала съ себя корону и царскую мантію и въ изнеможеніи почти упала съ трона.

„Ударъ“ 21 Сентября сталъ уже забываться, и Екатерина въ своемъ кругѣ забавлялась въ Эрмитажѣ надъ своимъ первымъ шутомъ, камергерромъ Нарышкинымъ, когда 17 Ноября 1796 года настоящій и послѣдній ударъ свалилъ ее смертельно. Она умерла послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ безсознаніи, и лишенная языка.

Павелъ поспѣшилъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Матушки Екатерины, со своимъ любимцемъ Ростопчинымъ изъ Гатины въ Петербургъ, не скрывая своей радости. Смерть Екатерины давала ему новую жизнь, онъ былъ, наконецъ, свободенъ и дѣлался государемъ Россіи.

ПАВЕЛЪ I ПЕТРОВИЧЪ.

Мало людей такъ близко знало наслѣдника Павла Петровича, какъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, его камеръюнкеръ, по выраженію Чарторыжскаго—„единственный умный человѣкъ, бывшій при Павлѣ до его воцаренія“. Ростопчинъ писалъ о Павлѣ въ Сентябрѣ 1796 года):

„Онъ лопается отъ нетерпѣнія и ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о моментѣ когда онъ будетъ на престолѣ“. Этотъ моментъ наступилъ.

Въ одномъ углу комнаты, гдѣ лежала покойная императрица Екатерина, хныкалъ князь Зубовъ, только что бывшій всемогущимъ „любимцемъ“, которому генералъ Голенищевъ-Кутузовъ приготовлялъ и подавалъ кофе въ постель, и который заставлялъ весь Дворъ почтительно дожидаться, пока онъ дѣлалъ свой туалетъ. Этого Зубова теперь всѣ избѣгали, какъ чумы, равно

какъ—Алексѣя Орлова, котораго недавно всѣ такъ боялись.

Съ первыхъ же дней своего царствованія Павелъ заявилъ себя деспотомъ, одержимымъ маніей цезарскаго величія. Была устроена настоящая охота на жителей Петербурга изъ за французскаго костюма, который былъ тогда въ модѣ—круглая шляпа, фракъ, длинный жилетъ, высокій воротникъ и широкій галстухъ, — и который Павлу казался признакомъ Якобинскаго духа. Тысячи жителей бѣжали безъ шляпъ въ разодранныхъ платьяхъ, полураздѣтые домой; нѣкоторые сопротивлялись полицейскимъ и драгунамъ и получали кулачные и палочные удары...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ радовался, когда могъ сдѣлать что нибудь обратное тому, что дѣлала его мать Екатерина. Его высокомѣріе выражается въ слѣдующихъ его словахъ:

„Въ Россіи только тотъ знатенъ, съ кѣмъ я говорю—и только въ то время, пока я съ нимъ говорю“.

Когда онъ совершалъ свой „выѣздъ“, всѣ экипажи должны были останавливаться и сидѣвшіе въ нихъ вылѣзать, чтобы на колѣняхъ, будь то въ снѣгу или въ грязи, свидѣтельствовать ему высокопочитаніе.

Печать и театръ были подъ строжайшимъ надзоромъ; ввозъ книгъ и музыкальныхъ произведеній изъ Европы былъ воспрещенъ. Русскіе должны были вернуться изъ

заграницы, и ни одинъ французъ не имѣлъ права въѣзда въ Россію, если его паспортъ не былъ подписанъ однимъ изъ Бурбоновъ.

Какъ бы въ отмщеніе своей „Матушкѣ", Павелъ издалъ 16 апрѣля 1797 года законъ о престолонаслѣдіи, по которому Россійскій престолъ переходилъ по наслѣдству — а не по назначенію, какъ было отъ Петра Великаго—старшему по мужской линіи; и только когда всѣ нисходящія отъ Павла мужскія линіи исчезнутъ, престолъ можетъ перейти въ женскую линію.

При погребеніи его матери Екатерины Великой онъ велѣлъ перенести гробъ его отца Петра III изъ Александроневской Лавры и положить его рядомъ съ Екатериной въ Петропавловскомъ Соборѣ. По этому случаю произошла страшная сцена у Павла съ убійцей его отца Петра III, графомъ Алексѣемъ Орловымъ-Чесменскимъ. Павелъ приказалъ, чтобы графъ Орловъ шелъ позади гроба Петра III и несъ его корону. Полупьяный Орловъ побѣжалъ къ оберцеремоніймейстеру Валуеву, обругалъ его, думая, что это было его распоряженіе и свалился съ ногъ. Когда Дворъ собрался въ Лаврѣ, Павелъ сейчасъ замѣтилъ, что другой несъ корону и спросилъ Валуева, почему это не Орловъ; на данный ему отвѣтъ, что Орловъ по нездоровью ослабѣлъ, Павелъ взялъ подушку съ короною и сказалъ

„Орловъ долженъ нести ее въ наказаніе“. Орловъ шатаясь, поддерживаемый другими, могъ нести корону позади гроба своей жертвы только до Зимняго Дворца. Петръ III и Екатерина II положены рядомъ въ Петропавловскомъ Соборѣ. Орловъ долженъ былъ сейчасъ же покинуть Петербургъ.

6 Апрѣля 1797 года Павелъ I короновался въ Москвѣ вмѣстѣ съ супругой, царицей Маріей Ѳедоровной. По случаю коронаціи Павелъ подарилъ своимъ приближеннымъ слишкомъ 82,000 крестьянъ.

Павелъ былъ, подобно своему отцу Петру III, поклонникъ всего прусскаго. Онъ отмѣнилъ удобную форму для военныхъ, замѣнивъ ее прусскою, и ввелъ опять „косу“ и „пудру“, сдѣлавъ изъ военныхъ пугала.

Всѣ были въ отчаяніи; Суворовъ сказалъ, по поводу этой формы, что что пудра — не порохъ, коса — не штыкъ и русскій не нѣмецъ—и за это его выслали домой въ Новгородскую губернію, гдѣ онъ могъ свободно ѣздить верхомъ на палкѣ съ деревенскими мальчишками, звонить на колокольнѣ, читать въ церкви псалтирь—и пѣть на клиросѣ. Павелъ запретилъ офицерамъ, бывшимъ въ свитѣ Суворова, имѣть какія либо сношенія съ нимъ, и когда Суворовъ заявилъ въ 1798 году, что въ мирное время онъ не нуженъ, Павелъ далъ ему отставку. Такъ какъ при этомъ не

было сказано: съ правомъ ношенія формы, то старый чудакъ торжественно похоронилъ свою форму и ордена.

Одинъ изъ современниковъ царствованія Павла I пишетъ:

„Въ нѣсколько часовъ былъ опрокинутъ государственный и правовой строй; всѣ пружины государственной машины поломаны и попорчены, все опрокинуто вверхъ дномъ и такъ оно оставалось четыре года".

Высшія мѣста въ Государствѣ получали люди, которые едва умѣли читать, совершенно необразованные и не имѣвшіе даже никогда случая видѣть что нибудь, что относится къ государственному управленію или устройству. Они знали только Гатчину и Гатчинскія казармы.

Лакей генерала Апраксина Клейнмихель получилъ назначеніе обучать военному искусству фельдмаршалловъ. Шесть или семь находившихся тогда въ Петербургѣ фельдмаршалловъ сидѣли за столомъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго лакея, который на ломанномъ русскомъ языкѣ излагалъ тактику посѣдѣвшимъ въ бояхъ генераламъ.

Павелъ постоянно занимался мелочами, изъ за мелочей били солдатъ немилосердно, и во всемъ онъ былъ страшно ограниченъ.

Совершенно также безцѣльны были его маневры и дислокаціи войскъ: Онъ, напримѣръ, перевелъ Сибирскій драгунскій полкъ изъ Дербента въ Тобольскъ, куда полкъ прибылъ послѣ тяжелыхъ потерь и лишеній—всѣ лошади пали — черезъ два года.

Многіе пали жертвами его вспышекъ, и деспотизмъ его доходилъ часто до крайнихъ предѣловъ. Любимцы его играли не малую роль въ развитіи его сумасбродства. Лучшимъ еще, во многихъ отношеніяхъ, изъ любимцевъ Павла былъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, котораго онъ вскорѣ сдѣлалъ президентомъ военной коллегіи, хотя тотъ ничего не понималъ въ военномъ управленіи. Павелъ скучалъ безъ Ростопчина, который его развлекалъ шутками и выкрутасами. Онъ много разъ впадалъ въ немилость и опять выплывалъ. Ростопчинъ былъ неограниченнаго честолюбія, льстилъ и поддерживалъ всѣ капризы Павла и достигъ въ 1799 году графскаго титула, а въ Октябрѣ того же года былъ сдѣланъ президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Ростопчинъ, не краснѣя, связался съ Иваномъ Павловичемъ Кутайсовымъ. Кутайсовъ былъ турокъ, попавшій въ русскій плѣнъ въ 1770 году и крещенный,—цирюльникъ, потомъ камердинеръ и гардеробщикъ Павла, который къ нему очень благоволилъ. Въ 1799 г. Кутайсовъ сталъ графомъ, а въ 1800 году оберштальмейстеромъ императора Павла I. Суворовъ часто забав-

лялся надъ Кутайсовымъ: Когда въ 1799 году Павелъ послалъ Кутайсова на встрѣчу „Италійскому побѣдителю", Суворовъ прикинулся, будто не знаетъ карьеры Кутайсова и сталъ его распрашивать, какъ онъ дошелъ до такого высокаго положенія. Когда ему Кутайсовъ все разсказалъ, Суворовъ позвалъ своего камердинера и сказалъ ему: „Трошка, я тобѣ каждый день говорю, чтобы ты не пьянствовалъ и не вороваль и ты не слушаешь меня. Посмотри на этого барина: онъ былъ также камердинеромъ, какъ ты, но такъ какъ онъ никогда не былъ пьянъ и никогда не воровалъ, то вотъ онъ теперь оберштальмейстеръ Его Величества, кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ и графъ! Старайся подражать такому примѣру!"... Въ другой разъ Суворовъ встрѣтился съ Кутайсовымъ въ корридорѣ Зимняго Дворца. Какъ только Суворовъ увидалъ Кутайсова, онъ низко поклонился до пояса находившемуся въ корридорѣ истопнику. Внѣ себя отъ удивленія, Кутайсовъ спрашиваетъ Суворова—„Что вы дѣлаете, князь? Вѣдь это истопникъ!" — „Ради бога, отвѣтилъ Суворовъ, ты графъ, а я князь; при царской милости ты не знаешь, какимъ большимъ бариномъ онъ можетъ стать, а потому надобно напередъ стать съ нимъ въ хорошія отношенія".

Актриса Шевалье, метресса Кутайсова, которую онъ „порекомендовалъ" и Павлу, завладѣла имъ: она откры-

то продавала мѣста и титулы. Паленъ также пользовался ею; Паленъ доставилъ Кутайсову прекрасныя имѣнія въ Курляндіи и заставилъ Кутайсова подсматривать и подслушивать за Павломъ, такъ что ему доносили каждое слово, сказанное Павломъ.

Государственный канцлеръ Безбородко управлялъ Павломъ черезъ Кутайсова, который, конечно, въ политикѣ, какъ и во всемъ другомъ, былъ совершеннѣйшій невѣжда.

Нелидова, предметъ страстей Павла, хорошо обращалась съ Кутайсовымъ и неоднократно отвращала отъ него гнѣвъ Павла; въ благодарность, Кутайсовъ работалъ „противъ нея“ и доставилъ Павлу метрессу Анну Петровну Лопухину. Она была красивой дѣвушкой, дочь сенатора, тайнаго совѣтника Петра Васильевича Лопухина. Она очень понравилась Павлу, который сдѣлалъ ее въ Сентябрѣ 1798 года камерфрейлиной, отца ея произвелъ въ генералъ-прокурора сената и одарилъ ее и ея семейство, не подозрѣвая, что Анна служила цѣлямъ Кутайсова. Онъ выстроилъ для нея дворецъ рядомъ съ Зимнимъ дворцемъ — дворецъ этотъ сгорѣлъ въ 1809 году — и далъ ей „рангъ“ непосредственно за великими княгинями. Въ одинъ прекрасный день отецъ Лопухиной поручилъ ей выпросить для него у Павла титулъ графа. Влюбленный монархъ при этой просьбѣ воскликнулъ:

„Ты хочешь быть графиней? Хорошо, да будешь ты княгиней", и произвелъ генералъ-прокурора со всѣмъ его нисходящимъ потомствомъ въ княжескоѳ достоинство, съ прибавленіемъ затѣмъ титула „Свѣтлѣйшаго".

Такъ какъ Анна любила темнокрасный цвѣтъ, то Павелъ сдѣлалъ этотъ цвѣтъ цвѣтомъ арміи, Двора и рыцарей Іоаннитскаго ордена, котораго онъ состоялъ гроссмейстеромъ. По розовому цвѣту перчатокъ своей возлюбленной Анны онъ велѣлъ выкрасить въ розовый цвѣтъ Михайловскій дворецъ.

Узнавъ о склонности Анны къ князю Гагарину, онъ поженилъ ихъ въ 1800 году, но продолжалъ свои отношенія къ ней, сдѣлавъ ее „статсъ-дамой".

Рядомъ съ Ростопчинымъ и Кутайсовымъ Павлу былъ особенно дорогъ страшилище, отъ имени котораго содрогалась вся Россія десятки лѣтъ, Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Аракчеевъ оставался, несмотря на „высокія степени", которыхъ онъ достигъ въ теченіе четырехъ царствованій, по существу и по своимъ вкусамъ унтеръ-офицеръ. Тиранъ и низкій передъ высшими, онъ наказывалъ ничтожнѣйшіе проступки варварскимъ образомъ, мучилъ бѣдныхъ солдатъ днемъ и ночью; изъ директора кантонистовъ въ Гатчинѣ былъ сдѣланъ, при восшествіи на престолъ Павла, военнымъ губернаторомъ Петербурга; въ 1797 году баропомъ, въ 1799 году генералъ-квартирмейстеромъ арміи, инспекторомъ

всей артиллеріи и въ Маѣ того-же года — графомъ. Онъ ввелъ въ арміи страшную жестокость, били даже офицеровъ. а простыхъ солдатиковъ били иногда до смерти. Аракчеевъ былъ, конечно, безъ всякаго образованія и ненавидимъ всѣми. Тайно онъ преслѣдовалъ каждаго, кто ему становился поперекъ дороги, былъ трусъ и въ основаніи золъ. Онъ также неоднократно впадалъ въ немилость Павла. Злѣйшимъ его врагомъ былъ балтіецъ Паленъ, который сыгралъ большую роль въ судьбѣ Павла I-го.

Петръ Людвигъ (Петръ Алексѣевичъ) фонъ-деръ Паленъ былъ участникомъ присоединенія Курляндіи къ Россіи, пріобрѣлъ расположеніе князя Зубова и сдѣлался губернаторомъ Курляндіи. Игрокъ, безнравственный, вѣроломный и притомъ храбрый до самозабвенія, онъ пріобрѣлъ расположеніе и довѣріе Павла, который его сначала уволилъ, потомъ опять взялъ, покровительствуемаго Кутайсовымъ. Въ 1798 году Паленъ получилъ мѣсто Генерала-Кавалеріи, въ Августѣ того-же года—мѣсто военнаго губернатора Петербурга, которое до него занимали Аракчеевъ и Буксгевденъ, потомъ сдѣланъ Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи и въ мартѣ 1799 года графомъ. Паленъ имѣлъ въ своихъ рукахъ, какъ Генералъ-Директоръ почтъ, всѣ государственныя и частныя тайны и располагалъ въ этой и другихъ должностяхъ невѣроятною силою и авторитетомъ. Онъ

большею частью правилъ Павломъ, какъ хотѣлъ, и готовилъ при этомъ неустанно его свержение.

Паденіе Павла было неминуемо.

Офицерство прежде всего слишкомъ терпѣло отъ обращенія Павла и смѣшнаго положенія, въ которое онъ ихъ ставилъ.

Шведскій посланникъ того времени писалъ своему королю:

„Павелъ гонитъ офицеровъ, какъ будто онъ имѣлъ дѣло съ лакеями. Послѣдній остатокъ того, что называютъ „esprit de corps“ теряется при такомъ состояніи. У кого есть еще немножко чести, тотъ долженъ покидать армію и Дворъ“.

Генералъ Саблуковъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ:

„Наказанія становятся такъ часты, что теряютъ всякое значеніе. Всѣ полицейскіе и арестные дома переполнены арестантами. Неудивительно, что очень много офицеровъ выходитъ въ отставку. Кто оставался на военной службѣ, бывалъ всегда въ большой опасности, и родственники офицеровъ находились постоянно въ гревогѣ. На всѣхъ—какъ будто гора какая лежитъ“. Онъ разсказываетъ, что, отправляясь на парады, офицеры брали всегда съ собою нѣсколько сотенъ рублей, чтобы не очутиться безъ денегъ въ случаѣ внезапнаго заключенія.

Павелъ сослалъ въ Сибирь 12000 офицеровъ и чиновниковъ, которые были возвращены Александромъ I-мъ. При смерти Павла въ Петропавловской крѣпости содержалось 900 заключенныхъ.

Чѣмъ сумасброднѣе и деспотичнѣе становился Павелъ, тѣмъ больше работали тайная полиція и цензура. Его попытки исправить государственные финансы ни къ чему не привели, конечно, и въ бюджетѣ установился постоянный дефицитъ.

Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, министръ финансовъ при Павлѣ, не могъ, при всей своей честности и при всемъ стараніи, отрубить голову гидрѣ финансовой, неурядицы.

Правительство Павла боролось неустанно противъ господствовавшихъ во Франціи революціонныхъ ученій и не пускало русскихъ заграницу, равно какъ иностранцевъ въ Россію, что сильно отражалось на торговлѣ Россіи.

Павелъ становился съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе невмѣняемымъ, и вспышки его бѣшенства становились все чаще.

Жена его, царица Марія Ѳедоровна Вюртембергская, и дѣти питали къ нему и страхъ и ненависть въ одно и то же время. Павелъ не довѣрялъ Маріи Ѳедоровнѣ и, къ собственному несчастью, заперъ входъ въ свою спальню отъ покоевъ императрицы въ только что от-

строенномъ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ онъ жилъ съ семействомъ (подъ его спальней жила Гагарина). Поговаривали о намѣреніи Павла заарестовать царицу и великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Что Павелъ недовѣрялъ и своимъ сыновьямъ, видно изъ того, что за нѣсколько часовъ до того, какъ его убили, онъ заставилъ ихъ принести вторично присягу въ вѣрности передъ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ въ дворцовой церкви.

Его сумасбродства и изступленія все болѣе переходили въ сумасшествія, и „ужасный конецъ“ казался лучше чѣмъ ужасъ безъ конца...

Паленъ высказался вскорѣ послѣ убіенія Павла, сенатору Гейкингу:

„Намъ надоѣло быть орудіемъ его тиранiи, и такъ какъ мы видѣли, что его сумасшествіе росло съ каждымъ днемъ и стало переходить въ ужасъ, то намъ оставалась альтернатива: или освободить всѣхъ отъ этого ужаса, или самимъ вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, можетъ быть, сдѣлаться жертвами ближайшаго приступа его бѣшенства“.

Выполненію заговора на жизнь Павла I помогъ цѣлый рядъ „паденій“ ближайшихъ къ нему людей:

15 Ноября 1800 года палъ Панинъ, лишенный своихъ должностей и сосланный въ декабрѣ въ свое имѣніе. 4 марта 1801 года былъ сосланъ въ свое имѣніе бли-

жайшій его другъ Ростопчинъ, на котораго обратился гнѣвъ Павла. Удаленіе Ростопчина пришлось какъ нельзя болѣе кстати для цѣлей комплота: мѣсто Ростопчина занялъ, одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, графъ фонъ-деръ Паленъ, ставшій президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и генералъ-почтъ директоромъ, сохранивъ при томъ всѣ свои прежнія должности. Аракчеевъ тоже впалъ въ немилость и былъ высланъ, такъ что Паленъ, руководитель заговора, избавился въ лицѣ удаленныхъ Ростопчина и Аракчеева отъ четырехъ зоркихъ и опасныхъ для него глазъ. Палену всетаки приходилось „работать“ съ чрезвычайною осторожностью, чтобы не быть открытымъ, такъ какъ Павелъ и ему не довѣрялъ. Лишенный близости Ростопчина, онъ чувствовалъ себя не въ безопасности и писалъ ему:

„Ты мнѣ нуженъ, пріѣзжай обратно поскорѣе!“, и къ Аракчееву Павелъ отправилъ такой же призывъ. Но опасаясь, что Аракчеевъ можетъ его смѣнить, Паленъ подстроилъ разныя препятствія къ отправленію курьера къ Аракчееву и ускорилъ устраненіе Павла на два дня. Такъ что Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ, когда Павелъ былъ уже мертвый, — его горе было искреннее и дикое: онъ увѣрялъ Александра Павловича, что отецъ его никогда не палъ бы жертвою заговора, если-бы онъ, Аракчеевъ, былъ при немъ, и что только черезъ его трупъ мятежники-бы добраться до Павла.

Ростопчинъ также опоздалъ прибытіемъ: онъ уже въ Москвѣ узналъ о „внезапной смерти“ Павла, которая его не удивила, но онъ также увѣрялъ, что безъ его отсутствія при дворѣ, Павелъ еще жилъ бы. Ростопчинъ во всю жизнь обнаруживалъ свое отвращеніе къ убійцамъ Павла, несправедливо причисляя къ нимъ и Панина.

Александръ не зналъ, что готовится убійство, но далъ свое согласіе на „устраненіе“ Павла съ престола. Получивъ обѣщаніе Александра содѣйствовать „устраненію“, Паленъ легко навербовалъ сообщниковъ среди офицеровъ Семеновскаго полка, въ которомъ Александръ Павловичъ былъ шефомъ; среди множества офицеровъ разныхъ полковъ, высланныхъ и опять возвращенныхъ; въ особенности цѣнно было для Палена сообщничество братьевъ Зубовыхъ и генерала Бенигсена. Паленъ зналъ ненависть Зубовыхъ противъ Павла и ихъ вліяніе въ гвардіи.

Павелъ подозрѣвалъ о существованіи заговора и 19 марта устроилъ Палену сцену, отъ которой тотъ ускользнулъ, какъ ужъ, но поспѣшилъ выполненіемъ заговора, чтобы самому не пасть. Характеръ заговора былъ военный, духовенство на этотъ разъ не принимало участія.

Въ заговоръ были посвящены сенаторы и генералы, между послѣдними командиры Преображенскаго и Се-

меновскаго гвардійскихъ полковъ, князь Голицынъ и Депрерадовичъ, также командиръ Кавалергардскаго полка Уваровъ, возлюбленный княгини Лопухиной, матери метрессы Павла.

Паленъ назначилъ ночь съ 23 на 24 марта 1801 года для выполненія заговора. Вечеромъ позаботились, чтобы исполнители кроваваго заговора были „подъ шумкомъ“ и могли-бы дѣйствовать не размышляя. Заговорщики подготовили военныя подкрѣпленія, а, по совѣту Палена, Павелъ отпустилъ стражу изъ Михайловскаго дворца.

Въ полночь съ 23 на 24 марта 1801 г. около 60 офицеровъ отправились безшумно къ Михайловскому дворцу, генералъ Талызинъ велѣлъ батальону Преображенцевъ стать подъ ружья, по случаю обнаружившихся въ городѣ безпорядковъ, а въ Михайловскомъ дворцѣ стали Семеновцы; кавалерія должна была охранять доступъ къ Михайловскому дворцу. Наружная стража была обезоружена и со всякими хитростями добрались до спальни Павла. Разбуженный шумомъ, Павелъ вскочилъ съ постели: онъ отказывался отречься, какъ того требовали отъ него князь Зубовъ и Бенигсенъ, хотѣлъ взять оружье, и дѣло дошло до кулачной стычки. Князь Яшвиль и Скарятинъ закололи шпагой Скарятина упавшаго на полъ Павла, послѣ того какъ Зубовъ его тяжело ранилъ ударомъ кулака...

АЛЕКСАНДРЪ I.

Съ нескрываемой радостью Петербуржцы привѣтствовали скоро распространившееся извѣстіе о кончинѣ Павла I, — это возвѣщало о концѣ сумасброднаго „правленія“; знакомые и незнакомые обнимались на улицахъ. Первымъ дѣломъ сбросили съ себя „костюмы“, которые Павелъ насильно напялилъ на всѣхъ: „Косы исчезли, пишетъ одинъ современникъ; длинные штаны, круглыя шляпы и обыкновенные сапоги появились безнаказанно на улицахъ. Можно было ѣхать цугомъ. Явилась жизнь и движеніе... въ противоположность гробовой тишинѣ, такъ долго царившей“.

И та же радость, то же чувство спокойствія и человѣческаго достоинства господствовали во всемъ государствѣ; разсчитывали тѣмъ болѣе на возвратъ Екатерининскихъ порядковъ, что въ своемъ манифестѣ Александръ I обѣщалъ „править въ духѣ своей бабки“. Графъ Алексѣй Орловъ, жившій въ изгнаніи въ Дрезденѣ, ликовалъ, узнавъ о кончинѣ Павла I и писалъ

Воронцову въ Лондонъ, будто и Дрезденцы „отъ мала до велика радовались безконечно“. Онъ вернулся въ Россію, куда Александръ вернулъ и всѣхъ изгнанныхъ Павломъ.

Заграницей дѣйствительно радовались перемѣнѣ правленія въ Россіи.

Никто не могъ бы сказать, однако, чѣмъ будетъ Александръ I Павловичъ для Россіи. Воспитаніе его было номинально въ рукахъ графа Николая Ивановича Салтыкова, умственно человѣка незначительнаго и къ роли воспитателя совершенно неподходившаго. Заботясь о своемъ обогащеніи и устройствѣ участи своихъ дѣтей, Салтыковъ имѣлъ смѣшную фигуру въ должности воспитателя и имѣлъ очень мало вліянія на своихъ воспитанниковъ Александра и Константина Павловичей. Ихъ „подгувернеромъ“ и дѣйствительнымъ воспитателемъ былъ съ 1783 года швейцарецъ Лагарпъ, теоретическій поклонникъ человѣческой свободы, безъ религіозныхъ или политическихъ предразсудковъ, обожатель французской литературы и идей Ж. Ж. Руссо—и посредственныхъ способностей. Онъ пріобрѣлъ любовь своихъ воспитанниковъ и повліялъ на „мягкую“ натуру Александра, державшую отпечатокъ этого вліянія на всю его жизнь. Лагарпъ сдѣлалъ изъ Александра чувствительнаго мечтателя, „безъ глубины“, проповѣдника человѣчества въ пустынѣ, и подобно Екатеринѣ II

бившаго на видимость, стремившагося ослѣплять; со скрытымъ сердцемъ, и, какъ говорилъ о немъ Наполеонъ I — „византіецъ“. Лагарпъ не возбудилъ и не развилъ въ Александрѣ стремленія къ совершенствованію и познаніямъ; онъ придерживался сентиментальной программы Екатерины, и такимъ образомъ явились въ результатѣ воспитанія—поверхностность, расплывчатость чувствъ, неосновательныя и безпорядочныя знанія и самообожаніе Александра I.

Положеніе Александра было не изъ легкихъ, такъ какъ онъ находился между бабушкой, которая его обожала и хотѣла посадить на престолъ, минуя сына—и отцомъ своимъ, который подозрительно наблюдалъ за нимъ и не смѣлъ при его воспитаніи проронить даже слова: такимъ образомъ Александръ рано сталъ на путь двойственности, скрытности, двуязычія и ложныхъ „минъ“.

Отецъ его Павелъ былъ душою и тѣломъ „человѣкъ парада“, но Александръ обнаруживалъ мало склонности къ военщинѣ, хотя въ царствованіе Павла и командовалъ Семеновскимъ полкомъ.

Его ранній бракъ съ добрѣйшей по душѣ принцессою Елизаветой Алексѣевной Баденскою обѣщалъ самыя счастливыя перспективы—парочка была очаровательная. такъ какъ Александръ былъ красивый юноша, а принцесса—сама любезность. Однако, вскорѣ счастье ихъ

было помрачено горемъ и печалью: послѣ ранней смерти двухъ дочерей, супруги оставались бездѣтными. Александръ измѣнилъ своей безгранично преданной принцессѣ и отдался чарамъ другихъ женщинъ.

Между ними больше всѣхъ его приворожила кн. Марія Антоновна Святополкъ-Четвертинская, очень красивая полька, которая была съ 1781 года фрейлиной при дворѣ Екатерины. Она была однихъ лѣтъ съ женой Александра, Елизаветой, и вышла замужъ за оберъ-егермейстера Нарышкина.

Въ то время какъ Александръ былъ у ногъ Четвертинской-Нарышкиной, братъ его, великій князь Константинъ Павловичъ, также женатый, „обожалъ“ сестру ея кн. Жанету, которая также была фрейлиной. Константинъ хотѣлъ даже развестись съ женою, чтобы жениться на Жанетѣ, но царская семья не допустила этого,

Отъ связи Александра I съ Маріею Четвертинскою было трое дѣтей, изъ которыхъ Софія, родившаяся въ 1806 году, уже невѣстою умерла отъ чахотки. Двое другихъ умерли раньше.

Мы знаемъ какъ Александръ взошелъ на престолъ; онъ никогда не могъ забыть, что онъ взошелъ черезъ трупъ отца.

Въ особенности молодому монарху было тяжело встрѣчать на каждомъ шагу убійцъ Павла, которые еще даже нѣкоторымъ образомъ были его попечителями.

Князь Зубовъ, графъ Паленъ и Бенигсенъ образовали какъ бы „тріумвиратъ", отъ котораго онъ не смѣлъ еще сейчасъ отдѣлаться, но не безъ основанія разсчитывалъ на ихъ взаимное соперничество и разъединеніе. По предложенію Зубова, Александръ опять поставилъ графа Панина Государственнымъ вице-канцлеромъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, которымъ до того управлялъ гр. Паленъ. Послѣдній считалъ свою власть надъ Александромъ достаточно упроченной, обнаруживалъ мало такта, много самомнѣнія и сталъ вскорѣ для Александра очень неудобнымъ. Императрица — мать ненавидѣла Палена, какъ зачинщика убійства Павла, и Паленъ охотно отдалилъ бы отъ нея сына, чтобы свободнѣе стать первымъ министромъ.

Но мать и сынъ любили другъ друга, и Панинъ тоже сталъ на сторону матери, когда предсталъ вопросъ: кто долженъ очистить мѣсто — мать или Паленъ? 29 іюня Александръ передалъ Палену на парадѣ приказъ, чтобы онъ немедленно удалился въ свои имѣнія въ Курляндіи, и дневнымъ приказомъ онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ должностей. Роль Палена была окончена. Въ то же время Марія Ѳедоровна добилась удаленія „въ свои имѣнія" и князя Зубова; Бенигсенъ, который оставался одинъ и избѣгалъ всякихъ сношеній съ правящими кругами (онъ участвовалъ въ заговорѣ про-

тивъ Павла изъ мести, за то что онъ былъ въ свое время высланъ Павломъ), также былъ удаленъ Маріей Ѳедоровной. Такимъ образомъ „троица“, которая была въ союзѣ съ Александромъ при „устраненіи“ Павла, была удалена отъ Двора и выслана изъ Петербурга. Оставался Панинъ, который радовался довѣрію Александра, тѣмъ болѣе, что въ „Михайловской катастрофѣ“ онъ былъ менѣе виновенъ, чѣмъ самъ Александръ; хотя онъ первый при жизни Павла поднялъ вопросъ о регентствѣ. Александръ далъ ему управленіе иностранными дѣлами. Однако Александръ недолго довѣрялъ ему и заставилъ его также поплатиться за убійство Павла. Въ 1801 году онъ заставилъ Панина подать въ отставку, а въ 1804 году Панинъ былъ удаленъ изъ Петербурга. Всѣ попытки Панина къ оправданію остались безрезультатными, какъ при Александрѣ I, такъ и въ слѣдующее царствованіе Николая I.

Такъ какъ Александръ I не былъ человѣкомъ, который могъ бы самостоятельно править, то прежній тріумвиратъ вскорѣ былъ замѣненъ новымъ:

Поклонники новыхъ идей, друзья юности Александра, образовали этотъ „неоффиціальный комитетъ“, въ которомъ Александръ интимно обсуждалъ и рѣшалъ съ ними важнѣйшія государственныя дѣла — это были: графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, Николай Николаевичъ Новосильцевъ и польскій князь Адамъ

Чарторыжскій. Они были съ Александромъ „въ одинаковомъ тонѣ“, одинаково мало знали въ государственныхъ вопросахъ и старались замѣнять отсутствіе познаній въ государственной мудрости доброй волей и вдохновленіями. Насмѣшники называли этотъ комитетъ „Comité de salut public“.

Ближе всѣхъ къ Александру I былъ Строгановъ. Воспитанный во Франціи и поклонникъ Мирабо, онъ даже считался Екатериною за революціонера, пока онъ не разсѣялъ ея предубѣжденій—и сталъ твердою ногою при Дворѣ. Онъ не обладалъ блестящимъ умомъ и былъ слишкомъ неоснователенъ для политики; но былъ человѣкъ чести, съ добрымъ сердцемъ. Его политическимъ идеаломъ, вслѣдствіе изученія Монтескье, была Англійская конституція и англійскій строй. Онъ дѣлилъ большое довѣріе Александра и Едизаветы съ женою своей Софіею Владиміровной, урожденной Голицыной. Александръ ухаживалъ за красивой Строгановой и добивался „интимнаго довѣрія“, но она ему указала на путь добродѣтели и чары его законной супруги.—Говорятъ, что и онъ и Елизавета были ей за это „вѣчно благодарны“.

Гораздо даровитѣе былъ Новосильцевъ, который поспѣшилъ изъ Англіи въ Петербургъ, какъ только Александръ I взошелъ на престолъ. Старорусская партія ненавидѣла его, какъ почитателя англійскихъ учре-

жденій, хотя онъ держалъ за „торіевъ“ и былъ мало либераленъ. Императрица — мать была ему привержена и въ своемъ завѣщаніи отъ 27 Ноября 1827 года рекомендовала его Николаю I-му.

Александръ былъ привязанъ къ князю Адаму Чарторыжскому, который надѣялся использовать свое вліяніе для дѣла Польши.

Рядомъ съ неоффиціальнымъ комитетомъ большое вліяніе на Александра I имѣли его учитель Лагарпъ, который до 1802 года жилъ въ Петербургѣ, Кочубей, Голицынъ и Аракчеевъ.

Гр. Викторъ Павловичъ Кочубей былъ также „просвѣщенный“ другъ англійскаго строя, имѣлъ много хорошихъ качествъ, но мало энергіи и работоспособности; онъ получилъ воспитаніе въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ—и русскія дѣла ему оставались чуждыми.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ другъ дѣтства Александра и сотоварищемъ его игръ, какъ воспитывавшійся при дворѣ. Онъ былъ любимѣйшимъ собесѣдникомъ Александра и проводилъ вечера у царской четы, гдѣ онъ талантливо передразнивалъ чужія рѣчи и ужимки, обнаруживая большую склонность и способность къ сатирѣ. Къ сожалѣнію, онъ былъ мало образованъ и очень ограниченныхъ познаній; вольтеріанецъ — онъ вдругъ сталъ „солиднымъ“ человѣкомъ, обуздалъ свой языкъ, пересталъ надсмѣ-

хаться надъ религіозными вещами и даже сдѣлался набожнымъ. Ставши суевѣрнымъ, онъ постоянно чувствовалъ надъ собою силу чудеснаго и наконецъ впалъ въ мистицизмъ.

Аракчеевъ былъ въ глазахъ Александра, когда онъ еще былъ великимъ княземъ, отвратительнымъ человѣкомъ; но, ставъ Государемъ, Александръ былъ того убѣжденія, что если-бы Аракчеевъ былъ при Павлѣ, послѣдній не былъ бы убитъ — и потому держалъ при себѣ постоянно эту мрачную личность, какъ личную свою охрану.

Съ чисто азіатскою преданностью, любимецъ Павла привязался къ стопамъ Александра I, и хотя вначалѣ его авторитетъ при авторитетѣ „неоффиціальнаго комитета“ былъ ничтоженъ, тѣмъ не менѣе онъ понемногу проложилъ дорожку къ сердцу Александра, сталъ его злымъ демономъ, назывался „батюшкой“—и нѣкоторыми считался какъ единственный другъ Александра I-го.

Съ перваго дня своего царствованія Александръ I взялся за реформы. Первымъ дѣломъ онъ заявилъ, что насиліе можетъ быть примѣняемо только тогда, когда оно вытекаетъ изъ закона. Поэтому онъ уничтожилъ „экспедицію тайныхъ дѣлъ“, ссылавшую въ Сибирь и заключавшую людей въ казематы не только безъ закона, но и безъ объясненія причинъ. Цензура была смягчена, можно было ввозить книги изъ заграницы, и былъ

снятъ запретъ на въѣздъ иностранцевъ въ Россію и отправленіе русскихъ заграницу. Умѣрили налоги и немного ограничили расходы по Двору.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ стоялъ на очереди во время царствованія Александра I. Въ февралѣ 1803 года царскимъ указомъ разрѣшено освобожденіе крестьянъ по временному соглашенію между помѣщиками и крестьянами. Александръ I и не многіе сочувствовавшіе освобожденію крестьянъ хотѣли освободить ихъ безъ надѣленія крестьянъ землею — и ничего не вышло, конечно. Между этими „освободителями“ былъ и тотъ самый князь Меньшиковъ, который при Николаѣ I и Александрѣ II былъ **противникомъ** освобожденія. Ростопчинъ писалъ князю Циціанову: „Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ хочетъ освободить крестьянъ, если они у него купятъ землю — навѣрное онъ хочетъ опять поступить на службу, или желаетъ получить нѣсколько аршинъ синей ленты (орденъ Св. Андрея). Но увы! онъ получилъ только табакерку“... Державинъ и Карамзинъ были рѣшительными противниками освобожденія. И государственный совѣтъ считалъ освобожденіе крестьянъ безполезнымъ. Адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, очень интересовался этимъ вопросомъ, предложилъ въ 1818 году освободить крестьянъ за личный выкупъ и составилъ интересный **тарифъ выкупа:**

„Размѣръ выкупа долженъ зависѣть отъ возраста освобождающихся крестьянъ.—Дѣти моложе двухъ лѣтъ и старцы за 60 лѣтъ освобождаются безплатно. Ребенокъ отъ 2 до 5 лѣтъ платитъ за свое освобожденіе 100 рублей; взрослые до 40 лѣтъ платятъ, если желаютъ освободиться, 2000 руб., а до 60 лѣтъ — 500 руб.“

По этому тарифу во всей Россіи могло бы освободиться около ста крестьянскихъ семействъ.

Въ 1823 году была запрещена продажа „душъ“ безъ земли. Государство не должно было впередъ дарить крестьянъ „въ награду за заслуги“, и купцы не могли имѣть крѣпостныхъ — это право давалось только дворянству.

Александръ I интересовался и торговлею Россіи. При немъ Одесса, управляемая герцогомъ Ришелье, стала первымъ торговымъ пунктомъ Южной Россіи, и Таганрогъ пришелъ въ цвѣтущее состояніе.

Въ 1803 году капитаны Адамъ Крузенштернъ и Лисянскій предприняли, по желанію Александра, первое русское путешествіе вокругъ свѣта. Попытка завязать торговыя сношенія съ Японіею, Китаемъ и т. д. при этомъ осталась безъ успѣха въ виду замкнутости этихъ государствъ для чужестранцевъ. Въ 1804 году Рѣзановъ напрасно старался въ Японіи по тому же вопросу, и когда въ іюнѣ 1811 года Василій Михайловичъ Головнинъ высадился на островъ Кунаширъ, японцы

взяли его въ плѣнъ и продержали его съ его спутниками 2 года подъ крѣпкимъ замкомъ.

Русское просвѣщеніе при Александрѣ стояло на низкой ступени. Онъ раздѣлилъ Россію на шесть учебныхъ округовъ (которые и теперь существуютъ): Петербургскій, Московскій, Дерптскій (теперь Рижскій, Харьковскій, Казанскій и Виленскій' во главѣ которыхъ были поставлены „попечители", долженствующіе пещись о народномъ просвѣщеніи. Большею частью это были „видныя" лица; напримѣръ, въ Вильнѣ князь Чарторыжскій, въ Москвѣ князь Голицынъ. Университеты въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ были обновлены.

Еще Павелъ, возвратившій права Остзейскимъ провинціямъ, приступилъ къ возстановленію, закрытаго въ 1710 году въ Перновѣ, когда то знаменитаго университета Густава Адольфа — и Александръ I открылъ въ 1802 году университетъ въ Дерптѣ. Въ 1804 году были открыты университеты въ Казани и Харьковѣ, а въ 1819 году — въ Петербургѣ. Александръ думалъ также открыть университеты въ Тобольскѣ и Устюгѣ. Для военныхъ открыты были кадетскіе корпуса и училища.

Для „управленія" государствомъ и расправы были при старыхъ царяхъ приказы. Петръ Великій замѣнилъ ихъ коллегіями, а Александръ I учредилъ

министерства. Первые въ Россіи министры были еще при Павлѣ I: князь Куракинъ—Удѣловъ и князь Гагаринъ—Торговли, но министерствъ до Александра не было. По проэкту Новосильцева было учреждено въ 1802 году 8 министерствъ: Военное, Морское, Иностранныхъ Дѣлъ, Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Торговли и Народнаго просвѣщенія (оно же завѣдывало и Духовными дѣлами) и Комитетъ министровъ. Военнымъ министромъ былъ назначенъ Генералъ отъ инфантеріи Сергѣй Кузьмичъ Вязьмитиновъ, человѣкъ безъ таланта и безъ вліянія. Морскимъ министромъ былъ сдѣланъ адмиралъ Мордвиновъ, человѣкъ способный, но черезъ три мѣсяца его „спихнулъ“ Чичаговъ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ вмѣстѣ со званіемъ Государственнаго канцлера достались графу Воронцову. Первымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей. Первый министръ Юстиціи былъ поэтъ Державинъ—очень плохой юристъ, которымъ правилъ Новосильцевъ. Первымъ министромъ финансовъ былъ графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, человѣкъ „безукоризненнаго характера“. Графъ Николай Петровичъ Разумовскій взялъ портфель торговли: при немъ взяточничество чиновниковъ было всѣмъ извѣстной тайной,—онъ позволилъ имъ грабить и самъ увеличилъ свое большое состояніе. Наконецъ министер-

ство Народнаго Просвѣщенія досталось бывшему любовнику Екатерины II, графу Завадовскому: въ молодости онъ былъ суфлеромъ при Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ. Онъ сходилъ за ученаго, но въ дѣйствительности, конечно, зналъ очень мало. Его совѣтникомъ и руководителемъ былъ, учитель Александра, Муравьевъ, такъ что роли мѣнялись:

Муравьевъ былъ суфлеромъ, а суфлеръ былъ министромъ.

Для законодательства и „высшаго управленія“ дѣлами Государства Александръ создалъ въ 1801 году Государственный Совѣтъ. То есть, создалъ и организовалъ государственный Совѣтъ Сперанскій. Назначалъ членовъ Государственнаго Совѣта — Государь. Въ 1810 году число членовъ Государственнаго Совѣта было всего 35, а впослѣдствіи число это больше чѣмъ удвоилось. Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта состоитъ Государь, но онъ назначаетъ вмѣсто себя „предсѣдательствующаго“. Открытіе Государственнаго Совѣта состоялось 13 Января 1810 г., на которомъ Государь произнесъ рѣчь, сочиненную тѣмъ же Сперанскимъ.

Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій былъ сынъ деревенскаго священника, учился въ семинаріи и служилъ секретаремъ при Генералъ-Прокурорѣ Сената князѣ Куракинѣ. Потомъ онъ былъ Статсъ-Секретаремъ и на-

конецъ первымъ секретаремъ Государственнаго Совѣта, то есть, „Государственнымъ Секретаремъ“. Онъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ довѣріе Александра, для котораго онъ былъ необходимъ и съ 1807 года былъ его глав. помощникомъ. Онъ былъ выдающихся способностей и имѣлъ, по выраженію оффиціальныхъ историковъ, „Государственный умъ“ (Государственному секретарю полагается и умъ имѣть Государственный). Онъ былъ главнымъ работникомъ при созданіи министерствъ, преобразованіи Сената и наконецъ создателемъ Государственнаго Совѣта. Его значеніе въ Государственномъ Совѣтѣ было таково, что ни одинъ министръ не садился, пока не являлся на засѣданіе Сперанскій, Онъ фактически былъ первымъ министромъ Россіи и создателемъ русской бюрократіи.

Аракчеевъ и тысячи другихъ смотрѣли, конечно, съ завистью на исключительное положеніе, которое занималъ „поповичъ“ Сперанскій, но самъ Аракчеевъ долженъ былъ сознаться своему сердечному другу Клейнмихелю:

„Еслибы мнѣ да треть ума Сперанскаго, то я былъ бы великимъ человѣкомъ“.

Созданіе Государственнаго Совѣта было шагомъ впередъ отъ самодержавія къ монархіи; но Александръ I, сдѣлавшій этотъ шагъ, былъ слишкомъ ненадеженъ Какъ объ немъ сказалъ историкъ Шильдеръ:

„Все, что дѣлалъ, онъ дѣлалъ на половину; онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы править самому и еще слишкомъ силенъ, чтобы дать править другимъ".

Либеральныя созданія Александра давно уже колебались. Онъ постоянно сожалѣлъ о реформахъ, которыя онъ предпринялъ подъ руководствомъ Сперанскаго и мѣшалъ ихъ проведенію; онъ видѣлъ въ созданіи министерствъ прегрѣшеніе противъ своего долга — передать своимъ наслѣдникамъ неприкосновеннымъ наслѣдіе неограниченнаго самодержавія, полученное имъ отъ его предковъ (точь въ точь аргументы нашего царя батюшки!). Онъ оплакивалъ созданіе Государственнаго Совѣта. Довѣріе къ Сперанскому выродилось въ негодованіе, и изъ благорасположенія родилось отвращеніе... Сперанскій не былъ „придворнымъ"; напротивъ, былъ открытаго характера и правдивъ до неосторожности. Въ разговорахъ и письмахъ онъ высказывался о качествахъ и недостаткахъ „повелителя", что передавалось Александру въ извращенномъ и преувеличенномъ видѣ.

Какъ смѣетъ слуга Самодержца говорить о его „узкомъ горизонтѣ", о невнимательности Александра при докладахъ его совѣтниковъ и даже о его „изнѣженности"! Недовѣрчивый, самолюбивый и влюбленный въ себя Александръ менѣе всего могъ простить такое дерзкое сомнѣніе въ его исключительномъ величіи; въ честно-

сти Сперанскаго онъ сталъ видѣть пренебреженіе къ его дружбѣ, измѣну, хотя онъ отлично зналъ, что у Сперанскаго никогда не могла бы родиться мысль объ измѣнѣ. Сперанскій, какъ мы сказали, имѣлъ много враговъ. Карамзинъ одинъ изъ его главныхъ противниковъ, передалъ черезъ великую княгиню Екатерину Павловну Ольденбургскую Государю Александру I свою записку: „Старая и новая Россія въ политическомъ и бытовомъ отношеніи“, которая осуждала либеральныя идеи Александра и изображала всеобщее недовѣріе къ реформаторской политикѣ Сперанскаго. Реакціонеръ Карамзинъ съигралъ въ этомъ случаѣ некрасивую роль и сѣялъ на „благодарную почву“. Аракчеевъ, Ростопчинъ, Гурьевъ и др. говорили, конечно, въ томъ же духѣ. „Общественное мнѣніе“ было въ высокой степени напряженія наканунѣ войны съ Наполеономъ, и все что было непріятнаго въ дѣйствіяхъ правительства сваливали на Сперанскаго. Его даже называли измѣнникомъ, продавшимъ будто Государственныя тайны агентамъ Наполеона, и недоставало только искры, чтобы поджечь костеръ. Александръ хотѣлъ уже разстрѣлять Сперанскаго. 28 марта онъ послалъ за академикомъ Парротомъ, который нашелъ Александра въ очень возбужденномъ состояніи, и спросилъ его мнѣнія по этому дѣлу. Парротъ былъ настолько пораженъ, что онъ далъ свой письменный отвѣтъ только черезъ день. Въ этомъ

отвѣтѣ онъ говорилъ, чтобы Александръ пощадилъ Сперанскаго, и что если Сперанскій виновенъ—что для него Паррота не доказано — то пусть его Александръ предастъ законному суду (Александръ получилъ это письмо 30 марта). Александръ пожертвовалъ Сперанскимъ „общественному мнѣнію“. Когда Сперанскій вышелъ изъ его кабинета 29 марта, онъ, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ на щекахъ слезы Александра. Александръ ему крикнулъ въ догонку, когда Сперанскій былъ уже въ дверяхъ: „Еще разъ прощай, Михаилъ Михайловичъ!“, И сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ его арестовали. Того же 29 марта Александръ лишилъ Сперанскаго всѣхъ его должностей и выслалъ его въ Нижній-Новгородъ. Народъ, или толпа, ликовала. Праздновали паденіе Сперанскаго, какъ „первую побѣду надъ французами“. Въ Нижнемъ-Новгородѣ у Сперанскаго побили стекла, и чиновники сторонились отъ него' какъ отъ зараженнаго; полиція, напротивъ, бережно „охраняла“ его. Сперанскій обнаруживалъ большую силу духа. Самый тщательный обыскъ въ его бумагахъ не далъ никакихъ основаній для его обвиненія, и все таки его таскали въ Пермь, откуда онъ послалъ оправдательные мемуары Александру, умоляя разрѣшить ему „остатокъ его горестныхъ дней“ дожить въ маленькомъ имѣньицѣ его единственной дочери, въ Новгородской губерніи. Въ 1816 году вышелъ указъ, объявлявшій его

свободнымъ отъ всякихъ обвиненій, и онъ былъ губернаторомъ Пензенской губерніи. Въ 1819 году онъ былъ Генералъ-губернаторомъ Сибири.

Графъ Аракчеевъ, правитель — любимецъ, былъ самъ управляемъ Меттернихомъ. Аракчеевъ „охранялъ“ Александра глазами Аргуса и „желѣзная полиція“ его держала въ ужасѣ всею Россію. Когда Александръ уѣзжалъ заграницу Аракчеевъ управлялъ государствомъ на правахъ неограниченнаго полномочія. Гатчинскій унтеръ-офицеръ оставался апостоломъ неограниченной власти и безсловеснаго повиновенія; реакція никогда не имѣла орудія болѣе слѣпаго и болѣе „безповоротнаго“.

Александръ, который давно уже предавался мистицизму и не забывалъ смерти отца, сталъ меланхолическимъ и все болѣе недовѣрчивымъ. Въ Тропау Меттернихъ ему передалъ въ преувеличенныхъ краскахъ первое извѣстіе о возстаніи въ Семеновскомъ гвардейскомъ полку. Возстаніе это было вызвано грубостью и жестокостью одного полковника. Александръ однако увидалъ въ этомъ бунтѣ духъ французскихъ и испанскихъ тайныхъ обществъ.

Въ 1817 году Александръ поставилъ во главѣ „народнаго просвѣщенія“ Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Съ этого момента русское просвѣщеніе обращается въ мракобѣсіе или „обскурантизмъ“; въ 1824

году министромъ народнаго просвѣщенія или умопомраченія сталъ адмиралъ Шишковъ, который объявилъ, что образованіе совершенно безполезно для низшихъ классовъ. Несмотря на то, что онъ много путешествовалъ, Шишковъ былъ человѣкъ съ очень узкимъ горизонтомъ и врагъ всякихъ реформъ. Онъ усилилъ цензуру и ввелъ въ университетахъ ту же систему умопомраченія: было запрещено читать лекціи по естественнымъ наукамъ и изгналъ изъ университетовъ, при помощи попечителей Рунича и Магницкаго, всѣхъ свободомыслящихъ историковъ, филологовъ. Такъ же расправились и съ представителями медицинскихъ и математическихъ наукъ, которыхъ даже привлекли къ суду за распространеніе опасныхъ для религіи и государства идей. Поѣздки заграницу стали по возможности ограничивать и стѣснять.

И тѣмъ не менѣе, просвѣщеніе врывалось въ Россію сильными лучами. Основались общества „Бесѣда“ и „Арзамасъ“, въ которыхъ писатели и поэты: Крыловъ, Вяземскій, Жуковскій, Пушкинъ боролись за просвѣщеніе. Особенно большую роль сыграла въ это время зарождавшаяся и развивавшаяся періодическая печать: „Вѣстникъ Европы“, „Московскій Меркуръ“, „Русскій Вѣстникъ“, „Сынъ Отечества“. И всѣ они были тогда противъ французовъ, въ чемъ виноватъ былъ, конечно, Наполеонъ... Ростопчинъ тогда писалъ

„Свѣтъ никогда не будетъ имѣть покоя, пока будутъ существовать французская нація и Парижъ. Въ Rue Richelieu должна трава расти, а въ Palais Royal слѣдуетъ охотиться за дикими зайцами. Въ 1814 и 1815 гг. упустили прекрасный случай лишить Францію возможности вредить Европѣ".—И далѣе про Францію: „Здѣсь нуженъ режимъ сумасшедшихъ домовъ — сумасшедшія рубашки и палка".

Александръ очень цѣнилъ Пушкина, пѣвца „Руслана и Людмилы" и творца „Евгенія Онѣгина", но свободомысліе Пушкина закрыло ему всѣ дороги. Пушкинъ говорилъ открыто о порокахъ правительства, въ особенности противъ Аракчеева — и его выслали, сначала въ Бессарабію, а затѣмъ на Кавказъ и въ Крымъ.

Аракчеевъ, одна изъ главныхъ опоръ Александра, работалъ въ это время „во славу". Онъ устроилъ военныя поселенія, которыя должны были „сплавить" солдата съ мужикомъ, такъ чтобы мужикъ сдѣлался солдатомъ, а солдатъ землепашцемъ; но такъ какъ солдатъ и безъ того уже былъ мужикъ, то дѣло сводилось къ тому, что всѣ мужики стали солдатами. Мужика подвергали „военной дисциплинѣ", то есть, поркѣ и скулобитію, стригли ему голову и бороду, и онъ долженъ былъ своихъ дочерей выдавать за солдата, по жребію. Таково было хитроумное государственное учрежденіе „военныхъ поселеній". Первый опытъ

съ Аракчеевскими поселеніями былъ сдѣланъ въ Смоленской губерніи, второй въ 1819 году въ Новгородской губерніи, гдѣ уже въ 1824 году начались безпорядки и востанія. Еще большія возстанія поднялись въ губерніяхъ Херсонской, Харьковской и Екатеринославской, гдѣ хотѣли осчастливить Аракчеевской системой и казаковъ — и здѣсь разыгрывались страшныя кровавыя сцены.

Самъ Аракчеевъ былъ въ лапахъ жены матроса Настасьи Федоровны Шумской; для нея онъ изгналъ, свою жену — и въ Петербургѣ и въ Грузинѣ, его имѣніи Новгородской губерніи, цѣловали руку этой непотребной женщины, которая тиранила всѣхъ и самого Аракчеева. 22 Сентября 1825 года мужики убили ее, пока Аракчеевъ ѣздилъ на инспекцію—и онъ чуть съума не сошелъ. Онъ писалъ Александру, что онъ лишился постояннаго друга и не хотѣлъ больше ѣхать въ Петербургъ. Александръ писалъ ему письма полныя сочувствія, пролилъ, въ письмахъ по крайней мѣрѣ, слезы о Настасьиной смерти и 4 октября умолялъ Аракчеева сохранить себя для отечества.

На время, пока судили убійцъ Настасьи, Аракчеевъ удалился въ монастырь, чтобы оплакивать своего „единственнаго друга“ и больше не занимался „государственными дѣлами“... При Николаѣ I „Змѣй Горы-

нычъ", какъ народъ и солдаты звали Аракчеева, вылѣзъ на свѣтъ вмѣстѣ съ военными поселеніями.

Меланхолія все болѣе и болѣе завладѣвала Александромъ I-мъ и, полный смутныхъ предчувствій, онъ покинулъ Петербургъ осенью 1825 года, чтобы сопровождать свою больную жену на югъ Россіи. 23 сентября пріѣхали въ Таганрогъ, и здѣсь Александръ получилъ извѣстія о заговорѣ. Все болѣе и чаще вставали въ его душѣ воспоминанія о томъ, какъ онъ сталъ Государемъ; онъ видѣлъ и чувствовалъ охлажденіе къ нему народа, который говорилъ о наводненіи Петербурга, какъ о наказаніи Божьемъ. Онъ звалъ къ себѣ Аракчеева, который, не смотря на его настоянія и настоянія лейбъ врача, не пріѣзжалъ. 1-го декабря 1825 года умеръ Александръ I въ Таганрогѣ отъ тифозной лихорадки, 48 лѣтъ. Тѣло его перевезли въ Петербургъ, гдѣ онъ похороненъ въ Петропавловскомъ Соборѣ.

Аракчеевъ воздвигъ Александру I-му прекрасный памятникъ въ Грузинѣ...

НИКОЛАЙ I.

По закону о престолонаслѣдіи, созданному Павломъ I, за смертью Александра I, не оставившаго наслѣдника, престолъ переходилъ къ слѣдующему сыну Павла, Константину Павловичу. Но Константинъ еще при жизни Александра заявлялъ ему, что онъ не желаетъ царствовать, а желаетъ развестись съ своею законною супругою, чтобы жениться на полькѣ графинѣ Грудзѣ-Грудницкой. Іоганна Грудна-Грудницкая была образована, набожна и красива. Константинъ Павловичъ узналъ ее, будучи намѣстникомъ Варшавы, и три года ухаживалъ за нею, добившись ея согласія на бракъ съ нимъ. Александръ, съ своей стороны, включилъ условіемъ своего согласія на этотъ бракъ, чтобы Константинъ отказался за дѣтей, могущихъ быть отъ брака его съ Іоганной, отъ правъ престолонаслѣднія. Но Константинъ вскорѣ заявилъ Александру, что ему очень непріятно имѣть свою подпись подъ такимъ актомъ, и

что онъ предпочелъ-бы этотъ актъ разорвать и видѣть брата Николая Павловича провозглашеннымъ наслѣдникомъ Россійскаго престола. На это Александръ I ему отвѣтилъ: „Это не идетъ, Николай еще слишкомъ молодъ—это вскружило бы ему голову. Его надо постепенно къ тому приготовить. Знаешь что? Напиши мнѣ объ этомъ письмо“. Только въ 1823 году въ Варшавѣ Александръ далъ отвѣтъ на письмо Константина, разорвалъ первый актъ и утвердилъ отреченіе Константина отъ престола.

Только въ августѣ 1819 года Александръ въ первый разъ далъ понять Николаю, что онъ можетъ быть будетъ его наслѣдникомъ, вмѣсто Константина. Графиня Іоганна пріобрѣла уваженіе Александра, который замѣтилъ ея хорошее вліяніе на Константина, и по его приказанію Св. Синодъ развелъ 1 Апрѣля 1820 года „цесаревича Константина“ съ Анной Ѳедоровной Саксенъ Кобургъ-Саальфельдской; царскій манифестъ отъ того же числа утвердилъ разводъ и разрѣшилъ новый бракъ, добавляя, что въ случаѣ бракосочетанія члена царской фамиліи съ особой, не принадлежащей къ императорскимъ или королевскимъ фамиліямъ, таковая особа никогда не можетъ получить права члена царской фамиліи, и дѣти отъ такого брака не имѣютъ права на престолонаслѣдіе. Получивъ такія „бумаги“, Константинъ 24 Мая того же года сочетался моргана-

натическимъ бракомъ съ панной Іоганной Грудна-Грудницкой. Государь Александръ Павловичъ тогда подарилъ Константину большія Ловичскія имѣнія въ Варшавской губерніи и возвелъ свою belle-soeur съ ея нисходящимъ потомствомъ въ князья Ловичскіе. Бракъ былъ изъ счастливыхъ. — Когда Константинъ представлялъ свою новую жену Іоганну княгинѣ Радзивиллъ, онъ сказалъ ей: „Это моя жена; я былъ медвѣдемъ, она изъ меня сдѣлала человѣка". Въ Россіи были не довольны тѣмъ, что наслѣдникъ престола женился на полькѣ: опасались, что опять наступятъ времена Лже-Дмитрія. Вскорѣ распространилась молва, что великій князь Константинъ отказался отъ престолонаслѣдія. 28 Августа 1823 г. Александръ подписалъ манифестъ, сочиненный митрополитомъ Филаретомъ, въ которомъ Николай назначался наслѣдникомъ престола вмѣсто Константина. Манифестъ этотъ, конечно, пока не былъ обнародованъ и сохранялся не въ государственномъ Совѣтѣ, а подъ покрываломъ алтаря въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, оставаясь государственной тайной. Хотя Александръ иногда намекалъ Николаю объ ожидающемъ его положеніи и, уѣзжая въ Таганрогъ, далъ ему порученіе принимать извѣстное участіе въ дѣлахъ, но никогда рѣшительно не высказывался Николаю по этому вопросу.

На воспитаніе Николая, рядомъ съ его матерью,

вліяла воспитательница и обергофмейстерина, графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, балтійская нѣмка; изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ былъ также и гувернеръ его, генералъ графъ Ламздорфъ. Образованіе Николая было „небольшое". Онъ учился немного политической экономіи, греческому и латинскому языкамъ; французскому языку и исторіи училъ его Dupuget, который внушилъ ему „основательно" ненависть къ французской и всякимъ вообще революціямъ.

Николай объяснялся свободно по нѣмецки, и говорилъ легко по французски; со многими друзьями переписывался по французски и пользовался французскимъ языкомъ преимущественно въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Николай любилъ исторію и мало интересовался искусствами. Душою и тѣломъ солдатъ, Николай исключительно любилъ военное. Александръ I старательно держалъ его подальше отъ политики и государственныхъ дѣлъ. Скромно и уединенно, вдали отъ жизни Двора, Николай служилъ при жизни Александра I своему военному призванію. Онъ жилъ въ Аничковскомъ Дворцѣ, окруженный многочисленною семьею, которую ему дарила прусская принцесса Александра Ѳедоровна Онъ видѣлъ свою общественную жизнь въ гарнизонной службѣ. Будучи государемъ, онъ сказалъ однажды лектору Фридриха Вильгельма IV, Шнейдеру: Я смотрю на всю человѣческую жизнь, какъ на служ-

бу, такъ какъ каждый служитъ—многіе, конечно, своимъ страстямъ, но солдатъ не долженъ имъ служить и даже едва можетъ служить своимъ потребностямъ...

Константинъ и Михаилъ Павловичи узнали о смерти Александра I, 7 Декабря 1825 г., въ Варшавѣ. Константинъ отказался принять привѣтствія и заявилъ, что онъ передалъ свои права на престолъ брату Николаю, принесъ тутъ же присягу „Государю Николаю“ и заставилъ всѣхъ присягнуть Николаю Павловичу.

Въ Петербургъ извѣстіе о смерти Александра I пришло 9 Декабря, и Николай заставилъ всѣхъ чиновъ, Сенатъ, Государственный Совѣтъ и Гвардію присягнуть немедленно „Государю Константину I Павловичу“ и самъ присягнулъ ему въ Дворцовой церкви. Хотя царица — мать ему представляла, что онъ назначенъ на престолъ, онъ однако уклонялся и послалъ свою присягу Константину. Россія имѣла, такимъ образомъ, кратковременное, правда, счастіе обладать двумя царями.

Сенатъ разослалъ указъ по всѣмъ губерніямъ о приводѣ всѣхъ къ присягѣ „Государю Константину“, и всѣ правительственные акты исходили отъ имени Константина I, за котораго временно правилъ Николай. Но Константинъ оставался непреклоненъ въ своемъ отказѣ отъ престола, повторилъ этотъ отказъ Николаю въ нѣсколькихъ письмахъ и не трогался въ Петербургъ.

Тогда Николай поручилъ Сперанскому составить манифестъ о его восшествіи на престолъ, помѣченный 24 декабря, и 24 декабря переѣхалъ въ Зимній Дворецъ.

Это маленькое междуцарствіе посѣяло много смуты въ умахъ обывателей. Они не знали, кто царь Россійскій — Константинъ или Николай, и этимъ воспользовались „декабристы“, чтобы объявить переворотъ открытымъ.

Декабристы двинули войска арміи и флота, бывшія въ заговорѣ, на Николая, толпа къ нимъ присоединилась—и „бунтъ“ начался. Николай сталъ на конѣ передъ Зимнимъ Дворцемъ, съ Преображенцами и другими войсками. Декабристы осадили Сенатскую площадь и убивали или ранили офицеровъ и солдатъ, не присоединявшихся къ нимъ. Провозглашали имя „Константина“, а многіе—„Конституцію“, понимая подъ этимъ именемъ „жену Константина“. Первый пушечный залпъ былъ данъ съ Галерной улицы по распоряженію вел. князя Михаила Павловича, стоявшаго рядомъ съ Николаемъ. По улицамъ потекла кровь, декабристы не отступали, а Николай наступалъ. Генералъ-губернаторъ Петербурга графъ Милорадовичъ былъ убитъ, и митрополита тоже встрѣтили выстрѣлами. Кровавая бойня закончилась „побѣдою“ Николая, и нѣсколько сотъ человѣкъ „декабристовъ“ арестовали. Александръ I взошелъ на „прародительскій“ престолъ черезъ трупъ своего отца;

Николай I взялъ „кровавую ванну“, прежде чѣмъ надѣть на себя корону. Въ памятный день 26 декабря Николай молился ежегодно въ церкви Зимняго дворца, опоясанный мечемъ „вѣрнаго боярина“ Милорадовича.

Послѣ побѣды Николая I, тюрьмы, темницы и крѣпости переполнились „вѣрноподанными“. Обыски открыли сѣти заговоровъ, и процессъ декабристовъ длился мѣсяцы. Пятеро изъ стоявшихъ во главѣ были казнены 25 Іюля: Рылѣевъ, Пестель, Бестужевъ-Рюминъ, Сергѣй Муравьевъ—Апостолъ и убійца Милорадовича Каховскій. Остальные были „разсортированы“ по каторгамъ и ссылкамъ.

Чтобы показать всему міру, что отреченіе его было добровольное, Константинъ Павловичъ присутствовалъ при коронаціи Николая I въ Москвѣ 3 сентября 1826 г., и оба брата трогательно бросились въ объятіи другъ друга. По просьбѣ Константина, Николай даже повторилъ—и 24 мая 1829 года Николай I и жена его Александра короновались еще въ Варшавѣ, какъ „король и королева польскіе“. Николай I былъ автократъ или „самодержецъ“ съ головы до ногъ и считалъ своимъ назначеніемъ править единовластно. Для этого ему нужна была, конечно, слѣпо повинующаяся бюрократія, и поэтому даже гражданское управленіе находилось нѣкоторымъ образомъ подъ наблюденіемъ его Генералъ-адъютантовъ. Тяжелымъ гнетомъ надъ умственной

жизнью страны висѣла строгая цензура, такъ какъ еще болѣе, чѣмъ Александръ I въ послѣднюю половину его царствованія, Николай I боялся свободной мысли, какъ призрака революціи.

Россія была въ тискахъ полиціи и шпіоновъ.

Во главѣ „Третьяго отдѣленія" канцеляріи Его Величества стоялъ гр. Бенкендорфъ, прибалтійскій нѣмецъ, сопровождавшій Николая 26 декабря на Сенатской площади, и съ тѣхъ поръ ставшій для Николая „дорогимъ". Бенкендорфъ былъ человѣкъ очень ограниченный, но держалъ въ своихъ рукахъ всю тайную полицію, неотлучно былъ при Николаѣ, и Николай про него сказалъ: „Меня еще можно замѣнить въ Россіи, а Бенкендорфа некѣмъ". Понемногу однако Николай поставилъ рядомъ съ Бенкендорфомъ креатуру Аракчеева, Клейнмихеля, что раздосадовало Бенкендорфа, и онъ въ 1844 году отказался отъ своей должности. Его мѣсто занялъ гр. Орловъ—гладкій царедворецъ и другъ „старины глубокой". Хотя Николай часто обращался съ нимъ, какъ со школьникомъ, тѣмъ не менѣе могущество Орлова превосходило силу любого перваго министра. Все дрожало передъ „Третьимъ Отдѣленіемъ".

Новѣйшее образованіе было въ глазахъ Николая I лишнею роскошью, и съ 1848 года онъ почти „задушилъ" печать и университетскую жизнь. Либеральная мысль не пропускалась черезъ границу. Шишковъ

былъ какъ министръ народнаго просвѣщенія, по душѣ Николая, при Ливенѣ (1828—33) университетская жизнь какъ будто немного поднялась, а преемникъ его Сергѣй Уваровъ лишилъ преподаваніе всякой свободы, убилъ всякую охоту къ ученію и обученію, рабски повиновался Николаю и преслѣдовалъ Пушкина смертельною ненавистью.

Послѣ 1848 года даже самъ Уваровъ показался Николаю слишкомъ либеральнымъ оттого, что тотъ не убилъ окончательно университеты. За нимъ слѣдовали „радѣтели просвѣщенія“ кн. Ширинскій-Шихматовъ и Норовъ, которые окончательно заморозили Университеты.

Острякъ князь Меньшиковъ по поводу министра народнаго просвѣщенія Норова сказалъ: „Прежде у насъ просвѣщеніе тащилось, какъ лѣнивая лошадь, но все-таки на четырехъ ногахъ, а теперь оно тащится на трехъ ногахъ да еще съ Норовомъ“.

Въ придворной жизни при Николаѣ I немыслимо было господство фаворитовъ, такъ какъ никто изъ друзей или довѣренныхъ Николая не господствовалъ надъ нимъ. Онъ любилъ Адлерберга, и когда тотъ заболѣлъ въ походѣ 1828 года, Николай особенно заботился о „своемъ Эдуардѣ“, какъ онъ его звалъ; но онъ никогда не допускалъ его до „политическаго воздѣйствія“. Адлербергъ, ставшій графомъ съ 1847 года, былъ всегда

одинаковаго мнѣнія съ Николаемъ, никогда не говорилъ о реформахъ, ненавидѣлъ все либеральное и приходилъ въ ужасъ при одной мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Послѣ смерти министра Двора и Удѣловъ князя Петра Михайловича Волконскаго, для котораго Николай создалъ это министерство, и который, съ поддержкой министра финансовъ Канкрина, часто давалъ Николаю деньги, Адлебергъ былъ сдѣланъ въ 1852 г., министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ.

Дибичъ, котораго Николай въ 1827 г. сдѣлалъ графомъ, былъ ему очень дорогъ. Онъ переписывался съ нимъ „сердечно“, какъ съ начальникомъ Главнаго Штаба; когда Дибичъ заболѣлъ въ походѣ 1829 года, Николай писалъ ему, что его болѣзнь безпокоитъ его больше, чѣмъ сама чума.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ, правнукъ „всесильнаго“ Меньшикова, Генералъ-адъютантъ, адмиралъ и съ 1836 года морской министръ, былъ очень любимъ Николаемъ, но въ „свѣтѣ“ его боялись за его острый языкъ.

Для Аракчеева, любимца Павла и Александра, не было мѣста въ сердцѣ Николая. Уже 26 декабря 1825 года, когда Аракчеевъ появился въ Зимнемъ Дворцѣ со своимъ мрачнымъ взоромъ, всѣ его сторонились, и Николай принялъ его отставку. Николай не переносилъ

своеволія Аракчеева и его „побочнаго“ сынка флигель-адъютанта Шумскаго. Вскорѣ Николай отнялъ у Аракчеева и управленіе „военными поселеніями“.

Солдаты страшно много работали въ этихъ поселеніяхъ и спали на сырой глинистой землѣ; многіе заболѣвали и умирали. И хотя они между собою ворчали, и ночью часто изъ лагеря слышны были стоны и вздохи, однако они шли домой съ пѣніемъ и музыкой, чтобы угодить ротному и избѣжать строгихъ наказаній. Посѣтителямъ и пріѣзжавшимъ любоваться на эти поселенія показывали все, конечно, въ розовомъ свѣтѣ. Возникали безпорядки въ военныхъ поселеніяхъ, но они желѣзной рукой „прекращались“... Только при Александрѣ II были уничтожены эти позорныя поселенія.

Въ семейной жизни Николаю повезло: у него было десять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ умерло трое Остались 4 сына: Александръ, Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи и 3 дочери. Старшая дочь Марія Николаевна вышла замужъ за герцога Лейхтенбергскаго, что Николаю казалось „мезальянсомъ“, и хотя онъ далъ Лейхтенбергскому при женитьбѣ титулъ „Императорскаго Высочества“, а въ 1852 году всему нисходящему отъ Маріи потомству добавилъ еще титулъ князя Романовскаго, онъ всетаки хотѣлъ, чтобы дочь его не иначе титуловалась оффиціально, какъ „великая княгиня Марія Николаевна“. Она была

красива и образована и съ 1852 года до смерти оставалась „президентшей“ академіи художествъ. По смерти ея мужа, Лейхтенбергскаго, она вышла замужъ за графа Строганова, штальмейстера. Тѣмъ болѣе Николай, гордый выше всякой мѣры, хотѣлъ, чтобъ его вторая дочь Ольга, его bijou—какъ онъ ее звалъ—вышла замужъ за царствующую особу. Правда, она любила блестящаго гусарскаго офицера князя Барятинскаго, но Николай послалъ его въ Кавказскую армію, а Штутгардскій посланникъ князь Горчаковъ сосваталъ бѣдную Ольгу съ наслѣдникомъ Вюртембергскаго престола, который (т. е. наслѣдникъ, конечно) былъ ей несимпатиченъ. За то сватъ Горчаковъ сдѣлалъ карьеру и сталъ впослѣдствіи „послѣднимъ“ Государственнымъ канцлеромъ. Что онъ скверно „сваталъ“, это онъ доказалъ, и какъ дипломатъ, на Берлинскомъ конгрессѣ. Этого дипломата мѣтко охарактеризовалъ въ тридцатыхъ годахъ бывшій этрусскій король Карлъ-Людвигъ, когда Горчаковъ былъ русскимъ представителемъ во Флоренціи. Онъ его назвалъ Monsieur le „surchargé“ d'affaires, такъ какъ онъ всегда имѣлъ видъ нѣженки и переутомленнаго дѣлами, и сказалъ про него:

„Si vous le saignez, vous aurez de l'encre, si vous l'ecorchiez, vous trouveriez des dépêches“, то есть: „если бы г. Горчакову пустили кровь, изъ него потекли бы чернила, а если вы ему снимете кожу, то найдете переписку“.

Севастопольскій разгромъ потрясъ самодержевіе и величіе Николая до основанія. Въ русскомъ народѣ произошло разочарованіе и—„маленькая перемѣна“. Казалось непонятнымъ, что чужія войска, пріютившіяся въ одномъ углу Крыма, держали всю Святую Русь въ страхѣ. Было потеряно довѣріе къ Николаю и его системѣ. Ропотъ и недовѣріе вызывали теперь строгости, которыя терпѣливо сносились, пока Николай былъ „героемъ“ и игралъ удачно свою роль. Но когда кулачное геройство разрѣшилось разгромомъ, всѣ отъ него съ ненавистью отвернулись и причину всѣхъ несчастій свалили на него же.

Отъ „красавца“ Николая осталась одна тѣнь. Но онъ съ мужествомъ однако былъ еще на послѣднемъ смотру башкирцевъ, схватилъ гриппъ и умеръ 2 марта 1855 года, оставивъ Россіи и сыну своему Александру тяжелое наслѣдство.

АЛЕКСАНДРЪ II.

Когда Александръ Николаевичъ родился въ Кремлѣ, въ 1818 году, отецъ его еще не былъ наслѣдникомъ престола, и ему самому ничто не предвѣщало сидѣть на тронѣ. Это значительно повліяло на ходъ его воспитанія. Такъ какъ Николай чувствовалъ на себѣ недостатки воспитанія, лишеннаго системы, и полуобразованія, то онъ своего первенца хотѣлъ избавить отъ такихъ недостаковъ. Первымъ воспитателемъ Александра Николаевича былъ генералъ Мердеръ, котораго Николай очень любилъ. Мердеръ пользовался любовью своего воспитанника, но онъ самъ былъ не блестящаго образованія; онъ сдѣлалъ изъ Александра хорошаго солдата, хотя Александръ не обнаруживалъ большаго восторга къ военному дѣлу.

Въ 1826 году Николай передалъ руководство воспитаніемъ наслѣдника Александра поэту Василію Андрее-

вичу Жуковскому, который готовился къ этой дѣятельности въ Швейцаріи у Песталоцци.

Жуковскій составилъ учебно-воспитательный планъ для Александра, по которому изъ его ученика долженъ былъ выйти не ученый, а ясный умъ, съ „человѣческими“ понятіями; онъ долженъ былъ обладать не излишними познаніями, а только тѣми, которыя понадобятся ему, какъ „властелину страны“ — большое значеніе поэтому, конечно, придано было исторіи. Жуковскій съ Мердеромъ хорошо ладили, но считали себя „недостаточными“ для выполненія высокой задачи: пригласили „главнымъ руководителемъ“ воспитанія генерала Ушакова, который ни малѣйшаго вліянія въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ. Жуковскій вліялъ на то, чтобы изъ Александра не вышелъ исключительно „военный“ человѣкъ, такъ какъ „народъ“ не полкъ, а отечество — не казарма. Никто не имѣлъ такого вліянія на образованіе характера и міросозерцанія Александра II, какъ Жуковскій. Александръ усвоилъ себѣ „внутреннее“, душевное міросозерцаніе Жуковскаго; во всю свою жизнь онъ оставался „мягкимъ“, расположеннымъ къ добродушію; но недостаточно окрѣпшій въ убѣжденіяхъ, Александръ былъ доступенъ внѣшнимъ и внутреннимъ аффектамъ.

10 Сентября 1831 года, послѣ смерти Константина, Николай далъ своему первенцу Александру титулъ „Великаго Князя-Цесаревича“, а 4 Мая 1834 года, то

есть, на шестнадцатомъ году, Александръ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и Генералъ-Атаманомъ Казачьихъ войскъ, главнокомандующимъ Гвардейскимъ Корпусомъ и проч. и проч. Путешествія по Россіи и заграницей должны были завершить его воспитаніе, и Арсеньевъ подготовилъ его по географіи и статистикѣ.

Въ 1837 году Александръ въ сопровожденіи Жуковскаго и его учителя, генерала Кавелина, отправился въ Сибирь. Онъ тамъ видалъ многихъ изъ декабристовъ, говорилъ съ ними и писалъ объ нихъ отцу. Николай принялъ во вниманіе ходатайства сына и разрѣшилъ нѣкоторымъ декабристамъ, осужденнымъ на вѣчное поселеніе въ Сибири, поступить рядовыми въ Кавказскую армію, другимъ—переселеніе въ большіе города Сибири; заключеніе Тургенева было сокращено, а Герцену, который студентомъ былъ сосланъ въ Вятку, позволили поселиться во Владимірѣ.

„Третье отдѣленіе“ слѣдило однако внимательно и за самимъ Александромъ.

Александръ видѣлъ въ „отчьемъ Государствѣ“ такую массу злобоупотребленій и неустройства, что интересовался всякими проэктами къ ихъ устраненію; въ особенности его заинтересовали записки Валуева о преступленіяхъ правительства.

Утвердившись на престолѣ своихъ предковъ, Александръ II занялся прежде всего реформированіемъ „гни-

лой арміи". Князь Муравьевъ-Карскій былъ назначенъ президентомъ коммиссіи, занявшейся „изслѣдованіемъ" злоупотребленій въ арміи, и въ результатѣ которой было въ 1859 году смѣщеніе многихъ „высшихъ чиновъ". Въ 1856 году Александръ амнистировалъ польскихъ эмигрантовъ, которымъ было дозволено вернуться въ Россію, возстановивъ ихъ въ гражданскихъ правахъ и разрѣшивъ имъ даже вступить въ Государственную службу черезъ три года, но очень немногіе воспользовались амнистіей.

Коронація Александра II въ Москвѣ, 7 Сентября 1856 г., стоила 18 милліоновъ рублей, что послѣ тяжелыхъ денежныхъ жертвъ народа на Крымскую кампанію 1853 — 1856 гг. было отнюдь не рыцарскимъ для него подаркомъ. За то „милостивымъ манифестомъ" были сложены нѣкоторыя наказанія и неоплатныя недоимки; возвращена также свобода декабристамъ, за „нѣкоторыми исключеніями".

„Гниль" была не только въ арміи и флотѣ, гдѣ Севастопольская война вскрыла вѣками сочившіяся раны—гниль была во всемъ государственномъ организмѣ, въ особенности въ арміи многочисленныхъ чиновъ, правящихъ бѣдной Россіею, — до министровъ включительно. Въ Россіи всѣ подкупны, сказалъ откровенно одинъ государь, кромѣ меня, потому что мнѣ этого не нужно.

Въ русско-турецкой компаніи участіе въ хищеніяхъ принималъ и братъ государя Александра II Николай Николаевичъ, „главнокомандующій“. Александръ II велѣлъ прекратить процессъ передъ военнымъ судомъ въ Одессѣ, во избѣжаніе скандала—и заплатить.

Такія явленія естественно подрывали всякое довѣріе къ правительству, его авторитетъ. Насиліе потеряло престижъ. Недовольство было всеобщее. Никто не желалъ болѣе заступиться за азіатское могущество царя. Ненависть къ существующему порядку лжи и хищеній распространилась даже и на такого „добраго“ монарха, какъ Александръ II, потому что онъ олицетворялъ эту самодержавную монархію, подъ скипетромъ которой творятся такія дѣла и беззаконія.

Можетъ быть, еслибы чиновникамъ больше платили, они не были бы такъ безчестны, но для этого и денегъ не хватало — финансы государства были въ плохомъ состояніи. Долги все росли.

Для крестьянскаго вопроса настали новыя времена, прежнія идеи устарѣли: нельзя уже было защищать принципъ рабства или крѣпостнаго права, какъ во времена Шишкова, Державина и Карамзина; и Мордвиновскій проэктъ пропорціональнаго выкупа крестьянъ „по возрасту“ не прошелъ бы.

Въ Россіи было уже много людей, которые признавали невозможнымъ освобожденіе крестьянъ безъ на-

дѣленія ихъ землею. Тогда выступаетъ на сцену Александръ II — и ему приписываютъ честь и славу освобожденія крестьянъ, о которомъ такъ много говорили и писали, и которое давнымъ давно „назрѣло".

Какъ только пало крѣпостное право, „націоналисты" или славянофилы, центръ которыхъ былъ въ Москвѣ, выступили съ своими вожделѣніями—похерить „западное" образованіе и западныя идеи и зажить подъ чистымъ славянскимъ небомъ, благо у насъ есть милліоны мужиковъ—свой свободный народъ! 20 Сентября 1862 года въ Новгородѣ торжественно передъ всѣмъ царскимъ домомъ (изъ нѣмецкаго тѣста) праздновалось основаніе Россіи, и Александръ II при сей оказіи принялъ на себя преважный видъ старѣйшины громадной Славянской народной семьи...

Онъ щедро раздавалъ ордена австрійскимъ славянамъ, что произвело въ Австріи дурное и полукомическое впечатлѣніе.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ извѣстенъ, какъ панславистъ, далъ своему сыну даже имя чешскаго патрона—Вячеслава. Правительство любезничало и перемигивалось съ Панславистами; Горчаковъ задумалъ уже съ помощью панславизма „раздѣлить" Австрію и поживиться за этотъ счетъ на ближнемъ Востокѣ.

Александръ своими „реформами" возбудилъ много

надеждъ и умовъ, не удовлетворивъ ихъ; онъ, подобно Гетевскому ученику въ Фаустѣ, самъ испугался передъ стремленіями, которыя онъ вызвалъ и рано усталъ, начавъ только преобразованія. Онъ опасался разнуздать угрожающіе „элементы“, но всѣ эти элементы опасны только во тьмѣ.

Александръ II тьмы не разсѣялъ. Александрь перенесъ много покушеній на свою жизнь. Первое покушеніе Каракозова въ лѣтнемъ саду было въ 1866 году. Графъ Муравьевъ, бывшій предсѣдателемъ коммиссіи, занимавшейся разслѣдованіемъ этого покушенія, хотѣлъ раздуть дѣло въ цѣлый заговоръ съ „развѣтвленіями“, желая впутать своего смертельнаго врага Великаго Князя Константина Николаевича, но Александръ не поддался, — и пострадала бѣдная печать, ограниченная рескриптомъ 13 Мая.

На мѣсто кн. Долгорукаго, шефомъ 3-го отдѣленія былъ назначенъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, который пріобрѣлъ такое вліяніе, что его, шутя, называли „Петръ IV“.

Хотя Шуваловъ принималъ всѣ мѣры, чтобы предотвратить второе покушеніе, оно все таки „состоялось“ въ Парижѣ, 6 Іюля 1867 г., когда Александръ II возвращался съ Наполеономъ III-мъ съ парада. Стрѣлялъ Березовскій. Борьба между третьимъ отдѣленіемъ и рево-

люціонными элементами не прекращалась, а росла, дѣвая каждый день новыя жертвы.

Наслѣдникъ престола, старшій сынъ Александра II, Николай Александровичъ, способный и „либерально“ подготовленный, выросъ подъ руководствомъ графа Строганова, бывшаго попечителя Московскаго Округа, и умеръ въ Ниццѣ въ 1865 году, будучи 22 лѣтъ.

Права его на престолонаслѣдіе и невѣста его принцесса Дагмара Датская, нынѣшняя вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, перешли къ младшему брату Александру Александровичу.

Семья Александра II была многочисленная, но любовь его къ законной супругѣ съ годами ослабѣла. и „чувствительнаго“ монарха тронула красота молодой кн. Екатерины Долгорукой. Александръ навѣщалъ ее ежедневно; послѣ покушенія 1880 года она переѣхала въ Зимній Дворецъ и жила тамъ подъ одной крышей съ „императрицей Маріей Александровной“.

3 Іюля 1880 года императрица Марія скончалась, и Александръ рѣшилъ узаконить положеніе кн. Долгорукой и дѣтей, которыхъ онъ съ ней имѣлъ: сына Георгія и двухъ дочерей Ольгу и Екатерину, женившись на ней „морганатически“ въ Августѣ 1880 года, причемъ Долгорукая приняла фамилію „княгини Юрьевской“. Онъ думалъ еще найти счастіе въ семьѣ незадолго передъ своею печальною кончиною.

Политическія причины отдаляли Александра II отъ его сына и наслѣдника престола Александра III. Послѣдній, подобно другимъ наслѣдникамъ престоловъ, былъ „противъ отца“, заискивалъ въ одно и то же время у націоналистовъ и у конституціоналистовъ, возбудилъ много надеждъ у славянофиловъ и изувѣровъ—и никогда не былъ популяренъ. Онъ не былъ рожденъ для престола и не готовился къ нему—поэтому въ его воспитаніи было много „недочетовъ“. Онъ питалъ отвращеніе къ вороватости, царившей вокругъ—вплоть до царской семьи, не могъ забыть скандальныхъ хищеній своего дядюшки Николая Николаевича въ турецкую войну 1877 г. Онъ помнилъ слова Александра II, который ему сказалъ:

„Боюсь, что въ этой честной компаніи мы съ тобою только вдвоемъ честные люди“. Въ общемъ, Александръ II хорошо относился къ семьѣ и къ окружающимъ.

Сынъ друга его отца, Адлербергъ, принялъ изъ рукъ стараго Адлеберга министерство Двора и Удѣловъ и былъ вліятельнѣйшимъ другомъ Александра II. Его звали даже „Александромъ III-мъ“ и Александръ II часто платилъ его долги. Братъ его Николай Адлербергъ былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Могущество Адлерберговъ закончилось съ царствованіемъ Александра II, такъ какъ Александръ III уволилъ брать-

евъ Адлербергов въ первые же мѣсяцы своего царствованія.

Александръ II былъ добраго, какъ мы сказали, но не сильнаго характера, легко давалъ собою править, слушалъ всяческіе совѣты и поступалъ обыкновенно подъ впечатлѣніемъ послѣдняго; а что совѣтники его часто были неумные или недостойные люди — это никого не удивитъ.

Александръ II, въ противоположность своему наслѣднику Александру, не боялся покушеній: онъ въ этомъ отношеніи прошелъ, что называется, хорошую школу. Послѣ покушенія Соловьева въ 1879 году, Александръ II сталъ непрерывною „цѣлью“ террористической партіи. Александръ образовалъ тогда Генералъ Губернаторства въ Москвѣ, Варшавѣ и Кіевѣ, съ неограниченными полномочіями и далъ такія же права генералъ-губернаторамъ Петербурга, Харькова и Одессы—Гурко, Лорисъ Меликову и Тотлебену.

Тысячи были арестованы, много было казней, и въ Петербургѣ всѣ дома стали подъ „охраной“.

Покушенія продолжались.

„Исполнительный комитетъ“ объявилъ 4-го декабря 1879 года:

Александръ II — главная опора реакціи, узурпаторъ народныхъ правъ, главный виновникъ судебныхъ убійствъ и заслуживаетъ за всю

пролитую кровь, за всѣ причиненныя народу страданья — смерть.

Если Александръ откажется отъ своей власти и передастъ ее Собранію, избранному всеобщимъ свободнымъ голосованіемъ, то ему позволятъ уйти съ миромъ, и всѣ злодѣянія будутъ ему прощены.

26-го Января 1880 года „исполнительный комитетъ„ объявилъ свою программу:

Народное представительство, самоуправленіе, полная свобода совѣсти, слова, печати и т. д.

17 Февраля 1880 года взорвали динамитомъ столовую въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ долженъ былъ имѣть мѣсто парадный обѣдъ по случаю пріѣзда князя Болгарскаго; поѣздъ опоздалъ и жизнью поплатились 60 солдатъ дворцовой стражи, и 40 было раненныхъ.

Александръ уничтожилъ тогда Генералъ-Губернаторство Петербурга и учредилъ исполнительную коммиссію съ диктаторскими полномочіями Лорися Меликова, къ которому перешло и третье отдѣленіе.

Въ Коммиссію Александръ выбралъ либераловъ.

Подъ настроеніемъ полной анархіи Александръ II праздновалъ 2 Марта 1880 года 25-лѣтіе своего „благополучнаго царствованія на славу Россіи“!

3 Марта, то есть на второй день, Младецкій стрѣлялъ въ Лорисъ Меликова.

„Исполнительный комитетъ“ заявилъ, что не уступитъ поле сраженія, пока Александръ не передастъ власть въ руки народа, чтобы создать новый конституціонный строй.

Чтобы успокоить анархію, Лорисъ Меликовъ обратился къ хитрости и сталъ ухаживать за революціонерами, открылъ пересмотръ политическихъ процессовъ, освободилъ сотни жертвъ полицейскаго усердія и насилія и вернулъ многихъ изъ ссылки.

18 Августа Александръ уничтожилъ, всѣмъ ненавистное, третье отдѣленіе и тѣмъ закончилась дѣятельность исполнительной коммиссіи.

Покушенія продолжались и безпокойство росло.

Александръ, недовольный результатами своей государственной работы, понемногу удалялся отъ дѣлъ.

Лорисъ-Меликовъ, поддерживаемый наслѣдникомъ и облаченный неограниченной властью, правилъ Россіею.

Все настоятельнѣе слышались требованія конституціи!

Александръ II не думалъ, конечно, дать Россіи конституціи. Но недовольство захватило большіе круги населенія, и чтобы передъ свѣтомъ лишить почвы это недовольство, хитроумный Лорисъ посовѣтовалъ Александру II подарить населенію кое какія скромныя конституціонныя учрежденія и даже созвать въ Петербургъ депутатовъ отъ земствъ для совмѣстнаго съ

ними обсужденія реформъ. Словомъ, точь въ точь—нынѣшнія Думы, съ которыми обсуждаются реформы, и которыя заставляютъ молчать, когда они разсуждаютъ не такъ, какъ правительство...

Проэктъ этой пародіи на конституцію Александръ II предложилъ на обсужденіе совѣта министровъ, на которомъ присутствовали и великіе князья.

25 Февраля 1881 года Александръ II подписалъ Указъ о дарованіи этихъ великихъ милостей и утромъ 1 Марта приказалъ напечатать его въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"; въ то же утро ему доложили объ открытіи слѣдовъ новаго заговора. Онъ ожидалъ благихъ результатовъ отъ напечатанія Указа и, успокоенный, отправился на воскресный парадъ въ Михайловскій манежъ.

На возвратномъ пути въ Зимній Дворецъ бомба, брошенная въ него, разорвала его на части.

АЛЕКСАНДРЪ III.

Печальное было „восшествіе на престолъ“ Александра III.

Чего не далъ ему опытъ жизни, что оставалось пробѣлами въ его подготовкѣ къ роли „властителя“ страны, сразу заполнилось сознаніемъ, что онъ былъ передъ истерзаннымъ трупомъ своего отца, котораго онъ считалъ либераломъ, — теперь Александръ III не будетъ больше кокетничать съ противниками самодержавія. Онъ будетъ „очень самодержавенъ“ и мстить за убійство Александра II-го.

Россія ожидала коренной реформы, конституціи, но эти ожиданія должны были скоро разсѣяться: Александръ III далъ себѣ слово никогда не давать своего согласія на конституцію или даже „конституціонно-подобныя“ учрежденія. Послѣдній заготовленный Александромъ II указъ остался историческимъ лоскутомъ бумаги, и Александръ III все болѣе и болѣе утверж-

дался во мнѣніи, что никакого иного пути для Россіи, кромѣ абсолютнаго самодержавія, нѣтъ.

Манифестъ Александръ III отъ 10 Мая 1881 года звучалъ такъ повелительно и самодержавно, что для „мечтаній“ не оставалось мѣста. Времена колебаній Александра II въ сторону свободы и полумѣръ къ утвержденію „порядка“ прошли.

Утвержденіе порядка крѣпкою рукою, хотя бы то былъ порядокъ кладбища, рисовалось впереди, какъ государственный идеалъ Александра III. Въ немъ заговорила даже кровь покойнаго дѣда—Николая I.

Какъ и Николай I, онъ былъ хорошій семьянинъ — и не дурно игралъ на віолончели.

Мужикъ онъ былъ здоровый и никакихъ другихъ талантовъ, тѣмъ болѣе какихъ либо даже признаковъ „государственнаго мужа“, за нимъ не водилось.

Чтобы не оставить Россію безъ заботливаго монарха, на случай удачнаго на него покушенія, котораго онъ постоянно боялся, онъ назначилъ своего братца Владиміра регентомъ, такъ какъ наслѣдникъ Николай былъ еще несовершеннолѣтній.

Такъ какъ манифестъ Александра III-го отъ 10 Мая вышелъ безъ вѣдома даже Лорисъ-Меликова, Милютина и пр., то всѣ „либеральные“ министры вышли понемногу въ отставку—и поступили въ домъ призрѣнія

государственныхъ старцевъ и инвалидовъ, именуемый „Государственнымъ Совѣтомъ“.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ Александръ III сдѣлалъ графа Игнатьева, котораго турки прозвали „отцомъ лжи“. Онъ былъ поклонникъ панславизма. Игнатьевъ былъ въ большомъ фаворѣ у Александра III, который считалъ его необходимымъ для своей безопасности. Назначеніе его министромъ удивило всѣхъ. Въ назначеніяхъ Александра „Исполнительный комитетъ“ увидалъ объявленіе открытой войны.

Въ Мартѣ 1881 года Александръ III назначилъ своего любимца, генерала Баранова, градоначальникомъ Петербурга, но онъ оказался такимъ бездарнымъ. что въ Августѣ того же года онъ былъ смѣщенъ и посланъ губернаторомъ въ Архангельскъ (губернаторомъ, какъ извѣстно, можетъ быть и бездарность).

25 Ноября стрѣляли въ генерала Черевина, который былъ буйнаго нрава, вѣчно пьянъ и—пользовался вѣсомъ при Дворѣ: онъ особенно старался о возстановленіи могущества „третьяго отдѣленія“.

Покушенія на Александра III довели его небольшой умъ до крайняго ожесточенія. Начались преслѣдованія евреевъ въ 1881 и 1882 годахъ, закончившіяся погромами. Погромщики и грабители тогда же угрожали:

„Позавтракаемъ жидами, пообѣдаемъ помѣщиками, а къ ужину скушаемъ поповъ“. По всей странѣ про-

шелъ духъ огрубѣнія и звѣрства, плоды котораго мы и теперь пожинаемъ.

Изъ страха за свою особу и безопасности ради, Александръ III долго не хотѣлъ короноваться, но пришлось уступить требованіямъ Двора, и 27 Августа 1883 года въ Москвѣ его „помазали“ и короновали.

Одинъ изъ храбрыхъ генераловъ, Скобелевъ, въ это время разъѣзжалъ по Европѣ и угрожалъ, за шампанскимъ, въ союзѣ съ Франціей разнести всѣхъ. Славянофилы видѣли въ Скобелевѣ восходящаго героя, но герой постыдно умеръ въ Москвѣ въ увелесительномъ учрежденіи, „въ союзѣ съ франціей“, какъ говорятъ...

Игнатьевъ со Скобелевымъ безъ сомнѣнія дѣла бы надѣлали и втравили бы Россію въ убійственную войну. Воинственному Игнатьеву поэтому страшно хотѣлось занять мѣсто, покинувшаго за дряхлостью постъ канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ, Горчакова. Но мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ занялъ Гирсъ, и Игнатьевъ, раздасадованный, вышелъ въ отставку.

11 Іюля мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, по рекомендаціи Каткова, занялъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія, затмившій много русскихъ умовъ „классической системой“, [граф]ъ Дмитрій Толстой. Онъ былъ также панславистъ и пользовался вліяніемъ при Александрѣ III.

При помощи Толстого Александръ „понажалъ“ на

балтійскихъ нѣмцевъ и на поляковъ, желая выжать изъ нихъ всякій духъ національнаго, чтобы сдѣлать ихъ истинно-русскими людьми во имя... того же національнаго.

Россія — для русскихъ оказалась остроумной формулой.

Александръ III надѣялся за счетъ просвѣщенія и прогресса, которымъ онъ объявилъ анаѳему, расположить къ себѣ русскихъ людей, въ особенности — темныхъ русскихъ людей. Онъ сталъ гнать изъ Россіи „иностранное", изводилъ иностранцевъ всевозможными стѣсненіями и преслѣдовалъ западноевропейскую культуру. Этимъ путемъ онъ надѣялся достигнуть званія народнаго властителя, стать отцомъ своихъ русскихъ людей Онъ только не доглядѣлъ, что время теперь уже не подходящее для московскаго царя—батюшки, и что никакими государственными или полицейскими мѣрами культуры изъ страны не вытравишь.

Въ его сумасбродныхъ идеалахъ и мракобѣсіи укрѣплялъ его ближайшій совѣтникъ—его собственный Аракчеевъ — Константинъ Побѣдоносцевъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Побѣдоносцевъ съ Іоанномъ Кронштадскимъ завладѣли грѣшною душою Александра III и сдѣлали его ханжею, въ чемъ не погрѣшалъ до него ни одинъ изъ „Гольштейновъ" (Романовскихъ). Самъ оберъ-прокуроръ, хотя и съ юридическимъ

образованіемъ, былъ въ объятіяхъ церковной схоластики и душилъ, насколько это отъ него зависѣло, малѣйшую свободу въ церковной или школьной жизни. Онъ былъ въ Россіи представителемъ обскурантизма или мракобѣсія, но заявилъ себя столпомъ и опорою православной Руси. Изъ Православія и Самодержавія, долженствовавшихъ защищать другъ друга („Кукушка и Пѣтухъ") сковали такое пугало, передъ которымъ всѣ, въ особенности инородцы и инославные, должны были падать ницъ, и это самое пугало будто бы даже должно было служить знаменемъ для славянства.

До чего не дойдетъ изступленный умъ!

Побѣдоносцевъ имѣлъ, конечно, сотрудниковъ на всѣхъ поприщахъ. На дипломатическомъ поприщѣ съ нимъ работалъ Моренгеймъ, посолъ въ Парижѣ; при Дворѣ—министръ Двора Воронцовъ-Дашковъ; по народному просвѣщенію онъ имѣлъ „аккуратнаго" сотрудника въ лицѣ Делянова.

Число епархій за эпоху царствованія Побѣдоносцева—Александра III возросло до 64, число монастырей до 774.

Александръ III становился все мрачнѣе и враждебнѣе ко всякой свободѣ. Онъ все боялся покушеній и жилъ уединенно въ Гатчинѣ, окруженный казаками. Гатчина представляла изъ себя настоящую крѣпость. На нѣсколько верстъ вокругъ день и ночь дежурили солдаты, сквозь

цѣпь которыхъ безъ разрѣшенія нельзя было пройти живымъ ни въ ту, ни въ обратную сторону. У всѣхъ входовъ и выходовъ дворца и парка, обнесеннаго крѣпостной стѣной съ бойницами, стояли опять таки солдаты съ заряженными ружьями, имѣвшіе приказъ стрѣлять во всякаго, кто сдѣлаетъ попытку проникнуть во дворецъ. Александръ боялся и подкоповъ и поджоговъ: поэтому часовые не спали день и ночь въ подвалахъ и на чердакахъ дворца.

Приняты были мѣры и на тотъ случай, если бы заговорщики вздумали поднести Александру отраву. За провизіей посылали каждый разъ въ другое мѣсто и къ другому лицу, причемъ поставщики никогда не знали, что у нихъ забираются припасы для царскаго стола. Не довѣряя поварамъ, Александръ распорядился, чтобы очередной поваръ и его помощники назначались ежедневно въ послѣдній моментъ внезапно и неожиданно для нихъ. При входѣ въ кухню повара и поваренки тщательно обыскивались дежурными офицерами. По распоряженію храбраго Александра, кто нибудь изъ его семьи постоянно дежурилъ на кухнѣ. — Турецкій султанъ, говорятъ, кушаетъ съ меньшими предосторожностями.

Когда Александръ III долженъ былъ ѣхать по желѣзной дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ полотна разставлялись сотни тысячъ войскъ. Тѣ деревни, которыя ле-

жали неподалеку отъ полотна, наглухо отрѣзывались. Обыскивалась каждая мужицкая хата, не ведетъ ли изъ нея подкопъ подъ рельсы. За недѣлю или двѣ до прохожденія царскаго поѣзда солдаты становились уже въ цѣпь и по другую сторону переѣзда. Въ послѣдніе три дня цѣпь стягивалась вплоть къ рельсамъ. Ружья заряжались огнестрѣльными патронами, солдаты становились спиной къ рельсамъ имѣли приказъ стрѣлять во всякаго, кто бы даже попытался приблизиться къ рельсамъ. Кромѣ того прибѣгали къ всевозможнымъ хитростямъ: мѣняля направленіе поѣздки, и войска разставлялись на всякій случай по различнымъ желѣзнымъ дорогамъ; въ другой разъ пускались съ промежутками одинъ за другимъ три вполнѣ одинаковыхъ царскихъ поѣзда, такъ чтобъ никто не зналъ, въ какомъ поѣздѣ находился царь, а то пускали нѣсколько дней подрядъ царскій поѣздъ, не давая никому примѣтить, въ какомъ поѣздѣ находится Александръ—онъ уже давно проѣхалъ, а солдатики стоятъ десятками тысячъ въ холодъ и зной и отдаютъ воинскія почести проходящимъ мимо пустымъ поѣздамъ...

Недостатка ни въ заговорахъ, ни въ покушеніяхъ на жизнь Александра III не было; но при Дворѣ составилась особая клика, нользовавшаяся страхомъ Александра и инсценировавшая время отъ времени „небольшія покушенія“, чтобы этимъ путемъ его больше запу-

гать—и подъ шумокъ обдѣлать свои дѣлишки. Высшіе чины полиціи и жандармеріи настолько полюбили щедроты Александра III, когда они въ началѣ его царствованія „постарались“, что, въ надеждѣ славы и отличій, они то и дѣло раскрывали заговоры, составленные ихъ наемниками.—Подымался радостный шумъ, чины и ордена сыпались какъ изъ рога изобилія; хорошо оплаченные подставные заговорщики шли на короткое время въ тюрьму и вскорѣ втихомолку освобождались.

Вѣчный трепетъ Александра III за свою жизнь и въ то же время необходимость скрывать этотъ трепетъ подъ маскою спокойствія и царственнаго величія сильно расшатали нервы его, такъ что онъ сталъ производить впечатлѣніе мрачнаго психопата, который не внушалъ къ себѣ сожалѣнія ввиду громаднаго вреда, причинявшагося „монархомъ“ населенію бѣдной страны.

Вслѣдствіе своей напуганности, Александръ III не любилъ появленія въ своемъ интимномъ кругу новыхъ лицъ, а по свойству всѣхъ ограниченныхъ людей, питалъ почти ненависть къ людямъ умнымъ; министровъ своихъ онъ держалъ въ почтительномъ отдаленіи, ограничивая свои отношенія съ ними дѣловыми докладами и выраженіемъ абсолютной воли, избѣгая серьезнаго выясненія рѣшаемаго вопроса.

Интимная его жизнь проходила въ кругу бездарныхъ пріятелей, среди которыхъ онъ чувствовалъ себя удоб-

но, какъ первый среди равныхъ ему по уму и образованію. Съ ними онъ сжился, какъ малоподвижные люди сживаются съ туфлями. Пріятели были всѣ тѣ же: Гр. Воронцовъ — Дашковъ, гр. Шереметьевъ, кн. Оболенскій, вѣчно хмѣльной Черевинъ. Въ числѣ его „умныхъ“ собесѣдниковъ, кромѣ умершихъ Каткова и Перовскаго, одно время былъ и „противоестественный“ князь Мещерскій. Онъ былъ единомышленникъ графа Эйленбурга, который такъ пострадалъ въ Германіи за свои „завиральныя идеи“. Мещерскій, однажды, увлеченный талантами горниста стрѣлковаго батальона императорской фамиліи, похвалилъ его царю и уговорилъ зачислить въ придворный музыкальный хоръ; царь внялъ гласу Мещерскаго и приказалъ графу Келлеру, командиру стрѣлковаго батальона, перевести горниста въ придворное вѣдомство.

Въ это время обнаружилась „преступная связь“ музыканта съ княземъ Мещерскимъ, и гр. Келлеръ направилъ дѣло къ прокурору. Прокуроръ не осмѣлился начать дѣло, не заручившись разрѣшеніемъ министра юстиціи Манассеина, который былъ въ отсутствіи, а осторожный Манассеинъ на запросную депешу отвѣчалъ приказомъ—отложить дѣло до его возвращенія; по пріѣздѣ же распорядился дѣлу хода не давать. Тогда сіятельный Мещерскій, вѣруя въ несокрушимость своего вліянія на Александра, пожаловался царю, что

графъ Келлеръ не только не исполнилъ царскаго приказа касательно горниста, но даже сталъ преслѣдовать „талантливаго музыканта“—Келлеръ былъ уволенъ. Но у него были большія связи, отставка его надѣлала много шума въ „высшемъ обществѣ“, и Константинъ Побѣдоносцевъ выступилъ адвокатомъ передъ царемъ!

Крестясь и отплевываясь, изложилъ великій евнухъ монарху всю срамную сторону поведенія Мещерскаго и говорилъ столь убѣдительно, что монархъ не только запретилъ пускать Мещерскаго къ себѣ и во дворцы великихъ князей, но даже приказалъ будто бы прекратить выдачу дальнѣйшей субсидіи на газету „Гражданинъ“.

Характерно, что редакторъ „Гражданина“ не обнаружилъ никакого смущенія передъ такимъ скандаломъ и съ неослабнымъ нахальствомъ продолжалъ проповѣдывать благочестіе и нравственность.

Дѣло это дало начало къ раскрытію цѣлаго „клуба противоестественниковъ“ въ Петербургѣ, членами котораго, какъ и въ Берлинѣ, были представители гвардіи и во главѣ ихъ братъ Александра III, Сергѣй Александровичъ.

Сергѣя тогда удалили изъ Петербурга и „въ наказаніе“ (для Москвы, должно быть) сдѣлали генералъ-губернаторомъ первопрестольной.

Къ этому времени относится созданіе Александромъ

особаго фамильнаго статута, который много крови испортилъ великимъ князьямъ. По этому статуту титулъ великаго князя съ прибавленіемъ „императорскаго высочества“ дается только дѣтямъ и внукамъ царей. Только они имѣютъ московскій гербъ въ щитѣ орла и получаютъ при крещеніи первый классъ всѣхъ русскихъ орденовъ, кромѣ Георгіевскаго, который можно получить только „передъ лицомъ врага“. Правнуки царя и ихъ старшіе сыновья носятъ по этому статуту титулъ „князя императорской крови“ съ прибавленіемъ „Высочества“. Они получаютъ ордена при совершеннолѣтіи, на 20-мъ году жизни. Младшіе сыновья правнуковъ царя и потомки ихъ по мужской линіи имѣютъ титулъ „князя императорской крови“ съ прибавленіемъ „свѣтлость“: становятся совершеннолѣтними въ 21 годъ и получаютъ ордена, какъ всѣ смертные. Указъ отъ 18 Іюня 1884 года подтвердилъ, кромѣ того, порядокъ престолонаслѣдія, установленный Павломъ I.

Можно представить себѣ, какую великую радость внесли эти свѣтлыя вѣсти объ орденахъ и правахъ великихъ князей въ жизнь русскаго народа!

Среди великихъ князей, однако, этотъ фамильный статутъ, сочиненный Александромъ III, произвелъ много переполоху, тѣмъ болѣе, что кромѣ чести убавлялись для нихъ соотвѣтственно и денежные притоки.

Интриги и злобствованія при Дворѣ принялъ острый

характеръ. Тогда Александръ, чтобы удовлетворить нѣкоторыхъ изъ великихъ князей, назначилъ ихъ на высокіе (съ „высокими“ окладами) и отвѣтственные посты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ надѣялся поднять въ народѣ чувство монархизма и „респекта“ передъ многочисленной царской семьей, которая до сихъ поръ славилась только бездѣльниками. Но „народъ“ оставался ко всему этому, конечно, равнодушнымъ, а интеллигенція потѣшалась, узнавъ внезапно, что въ царской семьѣ открылось такъ много талантовъ.

Великій Князь Владиміръ Александровичъ сталъ командующимъ войсками Петербургскаго военнаго округа. Великій князь Сергѣй Александровичъ, какъ мы уже сказали, попалъ изъ клуба „адмираторовъ“ въ администраторы, получивъ постъ Московскаго генералъ-губернатора. Великій князь Константинъ Константиновичъ сталъ президентомъ Академіи наукъ и т. д.

Были среди великихъ князей и такіе, которые не пользовались „благорасположеніемъ“ Александра III, какъ напримѣръ великій князь Михаилъ Михайловичъ, женившійся, „противъ воли главы“ царскаго дома, на Софіи Меренбергъ (графиня Торби).

Александръ былъ даже настолько разсерженъ, что приказалъ лишить великаго князя Михаила Михайло-

вича всѣхъ его титуловъ и воспретить ему жить въ Россіи.

Михалъ Михайловичъ поселился на Ривьерѣ.

Когда Александръ III умеръ, сдѣланы были попытки и небезуспѣшно въ пользу того, чтобы императоръ Николай „простилъ“ Михаила Михайловича и вернулъ ему великокняжескія почести...

Въ опалѣ при Александрѣ III была также семья княгини Юрьевской, второй морганатической жены Александра II. Александръ III, будучи еще наслѣдникомъ, былъ вмѣстѣ съ женой Маріей Ѳедоровной во главѣ „протестантовъ“, когда Александръ II объявилъ своимъ дѣтямъ и роднымъ, послѣ смерти жены Маріи Александровны, что хочетъ жениться законнымъ бракомъ на княжнѣ Долгорукой, нынѣ Юрьевской. Александръ III былъ сильно оскорбленъ за свою мать Марію Александровну, которая была вынуждена жить въ одномъ домѣ съ любовницей своего невѣрнаго супруга.

Къ тому же оба они и Александръ Александровичъ—онъ же Александръ III—и жена его Марія Ѳедоровна чрезвычайно тогда истосковались по власти и опасались, что вторая жена Александра II можетъ настолько повліять на него, что пожалуй Александръ II назначитъ своимъ наслѣдникомъ мальчика, рожденнаго ему княжной Долгорукой (Георій Юрьевскій). Воспрепятствовать браку наслѣдникъ Александръ и его супруга тогда не

могли, но добились того, что княжна Долгорукая, получившая ко времени ея брака съ Александромъ II титулъ „свѣтлости“ и имя княгини Юрьевской, подписала за себя и за своихъ дѣтей полное отреченіе отъ какой бы то ни было политической роли. Вступивъ на престолъ, Александръ III отомстилъ княгинѣ Юрьевской, изгнавъ ее и ея дѣтей изъ Зимняго Дворца и не оказывая имъ во все время своего царствованія никакихъ знаковъ вниманія. Онъ хотѣлъ даже лишить ихъ всякихъ средствъ къ существованію, но его предупредили, что, благодаря этому, пойдутъ несомнѣнно толки — и народъ узнаетъ о второмъ бракѣ его отца, тщательно скрытомъ отъ народа. Такъ до сихъ поръ княгиня Юрьевская и получаетъ содержаніе изъ многострадальныхъ народныхъ копѣечекъ...

Александръ III въ одинаковой мѣрѣ не любилъ какъ евреевъ, такъ и поляковъ, и прибалтійскихъ нѣмцевъ. Этимъ воспользовался Побѣдоносцевъ, чтобы рядомъ мѣропріятій заставить иновѣрцевъ примкнуть къ лону православной церкви.

Надъ поляками владычествовалъ любимецъ Александра генералъ Гурко. Когда онъ вышелъ въ отставку, Варшава выразила свой восторгъ иллюминаціей. Пока онъ оставался генералъ-губернаторомъ Привислинскаго края, онъ давалъ чувствовать жителямъ края нелюбовь къ нимъ Александра, оставаясь послушнымъ орудіемъ

въ рукахъ Побѣдоносцева. Тотъ же распорядился, чтобы православіе было вводимо въ краѣ!..

Не менѣе грубо расправлялся Александръ III и съ прибалтійскими нѣмцами. Результаты насильнаго руссификированія получились, конечно, обратные—и русскихъ боялись и ненавидѣли, но за то Дерптъ сталъ называться „Юрьевымъ“.

Поляки, лютеряне и евреи могли утѣшиться развѣ тѣмъ, что съ „настоящими“ русскими людьми Александръ III обращался не многимъ лучше. Если онъ и слышать не хотѣлъ не только что о конституціи, но даже о жалкомъ собраніи депутатовъ отъ земствъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ своей задачей отмѣну тѣхъ реформъ, которыя были введены Александромъ II. Онъ уничтожилъ Университетскій Уставъ 1863 года и приказалъ выработать новый, превратившій Университеты отчасти въ канцеляріи, отчасти—въ казармы. Академическая свобода была вполнѣ уничтожена, профессора назначались и смѣщались правительствомъ, лекціи подлежали цензурѣ, внутри университетовъ введенъ былъ шпіонскій надзоръ, студенты исключались и ссылались сотнями и тысячами.

Вся молодежь, вообще, была на плохомъ счету у Александра, вѣчно опасавшагося за свою жизнь и за свой тронъ. Но не только молодежь, а весь русскій народъ былъ переданъ во власть полиціи и жандармовъ.

Не существовало ни свóболы, ни неприкосновенности личности. Число полицейскихъ, жандармовъ и шпіоновъ возросло до колоссальныхъ размѣровъ. Власть администраціи нависла надъ страною, какъ кошмаръ. Судьи и суды поставлены въ полную зависимость отъ администраціи и правительства. Тюрьмы и крѣпости росли, точно грибы. По дорогѣ въ Сибирь шли пѣшкомъ или плыли на пароходахъ Добровольнаго Флота тысячи и десятки тысячъ.

Хотя Государственный Совѣтъ высказался противъ введенія института земскихъ начальниковъ, Александръ III своей властью наградилъ Россію этимъ позорнымъ учрежденіемъ:

Земскіе начальники являлись не только администраторами но и судьями, которые имѣютъ право присуждать крестьянъ къ розгамъ.

Пресса была задавлена и раздавлена, и еслибы Александръ III только могъ, онъ приказалъ бы уничтожить книгопечатаніе и сжечь всѣ существующія книги. Этобылъ кавалеръ, который немного опоздалъ своимъ рожденіемъ.

Когда Александръ заболѣлъ, онъ весьма мало нашелъ сочувствія къ себѣ, даже въ близко окружающихъ его. „По приказу свыше“, молебны о здравіи царя, конечно, служились повсемѣстно, но большинство желало его скорѣйшей кончины. Его перевезли въ Крымъ

и пригласили лучшихъ европейскихъ и русскихъ медиковъ. Былъ вызванъ Іоаннъ Кронштадскій; но ни медики, ни попъ—чудодѣй не могли спасти жизнь самодержавному монарху. Онъ видѣлъ, какъ отъ него уходятъ и жизнь и власть и со скрежетомъ зубовнымъ Александръ III отошелъ туда, гдѣ его ждали его вѣнценосные предки.

НИКОЛАЙ II.

Историки до сихъ поръ не установили въ точности— плакалъ ли Николай Александровичъ, когда отошелъ въ вѣчность его мрачный, и мрачной памяти, отецъ Александръ III. Достовѣрно извѣстно, что когда 26 лѣтній молодой человѣкъ, скромный, слабый и довольно безцвѣтный Николай II взошелъ на россійскій престолъ — онъ солнца не затмилъ.

Всѣ полагали, что онъ будетъ лучше своего предшественника, а общество было весьма не требовательнымъ; послѣ такого царя, какъ Александръ III, немногаго было достаточно, чтобы показаться добрымъ и симпатичнымъ... Говорили, что самая молодость царя дѣлаетъ его умъ и сердце болѣе открытыми новымъ мыслямъ и вѣяніямъ, болѣе воспріимчивымъ къ потребностямъ и запросамъ жизни; говорили, что онъ образованнѣе отца, что онъ проникнутъ болѣе современнымъ духомъ. — Забывали, что это еще немного: быть

образованнѣе Топтыгина III; забывали, что молодость—доступность вліяніямъ — палка о двухъ концахъ, и что въ атмосферѣ придворнаго преклоненія молодой, неумный, не самостоятельный, но унаслѣдовавшій упрямство отца, юноша, вознесенный на неестественную высоту, тѣмъ легче можетъ выработаться въ тупого самоувѣреннаго невѣжду, незамѣтно пляшущаго по чужой дудкѣ и воображающаго себя въ это время орудіемъ божественнаго промысла.

Николай II соединяетъ въ себѣ полное незнакомство съ бытомъ и потребностями „подвластнаго" народа съ отсутствіемъ всякаго желанія поучиться, приглядѣться, узнать этотъ народъ и потребности — ибо „даръ духа святаго", который онъ получилъ будто при „помазаніи" замѣняетъ ему всякія познанія: онъ „не учась, ученъ, коль прійдетъ въ восхищенье"! Надо было, чтобы Николая осѣнило нѣсколько такихъ „восхищеній", чтобы видно стало, что это за гусь. Голландски

Николай по складу своему мечтатель и не чуждъ сентиментальности. Тиранническая воля его отца, не терпѣвшаго въ семьѣ никакихъ противорѣчій, съ дѣтства ломила и гнула нѣсколько женственную и слабую натуру Николая. Свободные порывы сердца душились и вырывались съ корнемъ. Такъ, передъ бракомъ съ Алисой Гессенской, Николай, тогда еще наслѣдникъ, вздумалъ было распорядиться со своимъ сердцемъ

самъ, не справляясь съ этикетомъ, — и долженъ былъ отправиться лечиться отъ этой болѣзни въ то несчастное путешествіе, къ теченіе котораго онъ получилъ въ Японіи сабельную рану фанатика — полицейскаго. Эта сабельная рана была какъ бы прообразомъ той, еще болѣе жестокой сабельной раны, которую русскій царизмъ получилъ отъ той же Японіи.

Царствованіе Николая II вообще богато „пророческими“ эпизодами — и все кровавыми.

Николай оказался неудачникомъ на рѣдкость, и его царствованіе, зловѣще начавшееся Ходынской катастрофой, очевидно, зародилось подъ несчастной звѣздой. Это одинъ изъ „послѣдышей“ самодержавія. Не имѣя представленія о реальной жизни народа, Николай былъ лишенъ всякаго чувства мѣры и перспективы, и ему ничего не стоило принять за великую милость, за облагодѣтельствованіе всей страны самую жалкую побрякушку. Ему предоставляли писать „утѣшительно“ и „одобрительно“ на губернаторскихъ и министерскихъ докладахъ о мнимомъ благополучіи въ Россіи, о мнимыхъ успѣхахъ культуры и образованія, а прессѣ запретили царскія отмѣтки комментировать. Затѣмъ разыгралась комедія—шутка въ одномъ дѣйствіи: Гаагская конференція мира, которая должна была облагодѣтельствовать не только Россію, но и все человѣчество. На этомъ примѣрѣ особенно рельефно видно, до

какой степени раздвоился для царя міръ фантазіи и дѣйствительности.

Международная мирная конференція — и провоцирующая политика захватовъ на Дальнемъ Востокѣ, приводящая къ кровавымъ гекатомбамъ; „утѣшительно“ докладѣ о ростѣ школъ — и законъ о предѣльномъ обложеніи, кастрирующій культурно-просвѣтительную дѣятельность земства. Двѣ—три „показныя“ мѣропріятія преисполняютъ Николая чувствомъ умиленія передъ дѣлами рукъ своихъ, и онъ уже мечтаетъ о дружномъ хорѣ благодаренія, ему уже рисуются картины, какъ „подвластные ему народы“ устремляютъ къ нему сердца „Собравшихся къ его престолу.

И кроткихъ внявъ законовъ гласъ по желтосмуглымъ лицамъ долу
Ліяютъ „потоки слезъ изъ глазъ“.

Фигура Николая II скорѣе жалкая, чѣмъ „величественная“. Будь онъ не „царь“, а обыкновенный смертный, онъ безмятежно провелъ бы жизнь мирнымъ обывателемъ. Но судьбою, или глупостью людской, эта блѣдная обывательская фигурка вознесена на вершину общественной пирамиды; въ дрожащія руки „Николаши“ попали бразды управленія обширнымъ многомилліоннымъ государствомъ—и его слабая голова совершенно закружилась, отъ него отлетѣло всякое чутье реальности. Ему къ тому же внушили, что наитіе Божье, что

почившая на немъ благодать ставитъ его, какъ царя, превыше законовъ естества: Удивительно ли, что волна реакціи подхватила его и закружила, какъ ничтожную щепку?

Впрочемъ, рано или поздно Николай и безъ старыхъ волковъ реакціи пришелъ бы къ тому же результату. Историческое противорѣчіе между самодержавіемъ и ростомъ самосознанія народа ничѣмъ не замажешь и не уничтожишь. Придворная среда не можетъ воспитать царя, который бы рѣшился на политическое самоубійство — а только такое самоубійство, только отказъ отъ самодержавія можетъ вывести самодержца изъ двусмысленнаго и часто глупаго положенія.

Однажды, во время войны, два солдата бесѣдовали въ трактирѣ о политикѣ. Поводомъ послужило письмо, полученное однимъ изъ нихъ изъ Харбина и гласившее между прочимъ: „Милые мои братцы, мы такъ шибко отступаемъ подъ начальствомъ нашего командующаго, что Богъ дастъ къ Пасхѣ будемъ дома“

— Дай то, Господи! крестились солдаты. Авось, не пошлютъ насъ...

— И для ча... война? А?

— Слышалъ я, что война эта началась оттого, что царь — дуракъ... будто...

Не успѣлъ онъ выговорить это слово, какъ чья то сильная рука схватила его за плечо.

Въ ужасѣ солдатъ обернулся и увидѣлъ неизвѣстно откуда взявшагося полицейскаго.

—А-га! Такъ ты вонъ што! А пойдемъ-ка, братъ, въ участокъ, тамъ тебѣ покажутъ этакія рѣчи произносить...

Несчастный солдатъ отъ страха только зубами стучалъ. Товарищъ, желая прійти ему на выручку, обратился къ городовому:

— Ты, служивый, не понялъ: онъ говорилъ, молъ, что японскій царь дуракъ...

— Молчи, не суйся не въ свое дѣло... За кого меня почитаешь? Нешто я не знаю самъ, который царь дуракъ? Ежели дуракъ,—то значитъ нашъ... Пойдемъ-ка, братъ, въ часть... отвѣчалъ городовой.

Николай II до сихъ поръ только и дѣлалъ, что „игралъ дурака". По мѣрѣ того, какъ всюду росло къ нему неуваженіе, презрѣніе, ненависть, онъ, осыпаемый насмѣшками всего міра, все больше и больше ударялся въ мрачный мистицизмъ и приближается къ мрачному идеалу и состоянію папаши. Всюду онъ окруженъ кордонами и пикетами—войска и полиція, явная и тайная, въ формѣ и безъ формы.

Не весело ему, конечно, живется, особенно когда время отъ времени приходятъ извѣстія о томъ, что карающая рука революціи опустилась на одного, на дру-

того, на третьяго изъ „вѣрнѣйшихъ слугъ“ самодержавія.

Самодержавный Государь не смѣетъ жить въ столицѣ — у него есть свои „черты осѣдлости“, какъ у евреевъ, за которыя онъ не можетъ носу показать. По этому поводу разсказываютъ анекдотъ, что однажды Николай II, наскучившись своимъ Царскосельскимъ плѣномъ, переодѣвшись въ штатское платье, пошелъ бродить по окрестностямъ Царскаго Села безъ докучливой свиты. Долго бродилъ онъ и ему захотѣлось покурить, но увы! спички забыты дома. „Попрошу у кого нибудь при встрѣчѣ“, подумалъ Государь.

Вскорѣ ему встрѣтился старый еврей. „Онъ, конечно, не знаетъ меня; у него я спокойно попрошу“. Но Николай ошибся: еврей узналъ его, и подавая спичку, жалобно спросилъ:

— Васе Велицество, Васе Велицество, когда уже мнѣ и вамъ мозно будетъ жить въ Петербургѣ?

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше изъ заурядной фигуры Николая II, скорѣе наклоннаго къ мягкости и благодушію, начинаетъ въ силу желѣзной логики „глупаго положенія“ развиваться типичный тиранъ, въ одно и то же время жалкій и озлобленный.

Постояннымъ гостемъ въ его Дворцѣ оказывается Іоаннъ Кронштадскій; изъ устъ этого „фокусника“ льются потоки лампадной философіи, и Николай вши-

ваетъ новыя откровенія о сущности боговнушенныхъ задачъ царской власти. — Онъ обѣщаетъ, между прочимъ, что пока въ Россіи останется самодержавіе, въ нее не придетъ антихристъ.

Плеве увѣрялъ, что въ правительствѣ наибольшій антисемитъ — самъ царь. Извѣстенъ также эпизодъ со скрипачемъ Падеревскимъ: Николай выразилъ ему послѣ концерта въ Зимнемъ Дворцѣ свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела игра „русскаго". „Простите, Ваше Величество, отвѣтилъ Падеревскій, но я полякъ". Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ злобы Николая и обошелся Падеревскому высылкой въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться.

Со своими „вѣрными слугами" Николай II обращается также грубо. Когда Витте вынужденъ былъ оставить свой постъ, онъ горько жаловался, что „человѣка, который прослужилъ болѣе десяти лѣтъ министромъ, прогоняютъ, какъ лакея"...

Теперь „Николаша" гонитъ не министровъ, а Думы. Что онъ дальше будетъ дѣлать, этого онъ самъ, конечно, не знаетъ.

Раздраженная запуганность все чаще и чаще вызываетъ его на грубыя и нетактичныя выходки. Призракъ революціи не даетъ ему спать, а „конституція" приводитъ его въ скверное расположеніе духа.

При общей невѣжественности своей, слабохарактерности и легкомыслiи Николай не можетъ обойтись безъ какой нибудь „твердой руки“. Но есть пункты достаточно элементарные, чтобы „царская голова“ могла ихъ схватить, — и Николай II отлично усваиваетъ замашки турецкаго султана:

„Да развѣ я не самодержецъ?“

Пока не будетъ конституцiи, ограничивающей личную волю и капризы нашихъ султановъ, до тѣхъ поръ судьбы многомилліоннаго народа и обширной страны могутъ зависѣть отъ такой ничтожной единицы, какъ Николаша, имя же этимъ ничтожествамъ легiонъ.

Говорятъ, что за послѣднее время „идеалъ“ Николая II опредѣлился, наконецъ, и что онъ сказалъ, что хотѣлъ бы быть не только Николаемъ вторымъ, но и вторымъ Николаемъ.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ.

Наши „великіе князья“ всѣ „мелко плаваютъ“ и ничѣмъ, кромѣ какъ большими дебошами не отличались. Всѣ они наслѣдственно и по положенію много получаютъ народныхъ денегъ, но стараются, что можно, и сами стянуть изъ „казны“.

У всѣхъ въ памяти грандіозныя хищенія покойнаго Николая Николаевича „Старшаго“. Не менѣе извѣстна была и его любовница Числова, бывшая воспитанница театральнаго училища, или какъ это заведеніе называютъ—придворнаго гарема. Дѣйствительно, почти всѣ наложницы и любовницы „Дома Романовыхъ-Гольштейновъ“ вербуются изъ театральнаго училища по балетному отдѣленію: до того велика любовь „Романовыхъ“ къ хореографическому искусству!

Николай Николаевичъ Старшій водворилъ тогда Числову въ домѣ на Галерной, который выходилъ окнами противъ его дворца. И всякій разъ, когда эта госпожа

бывала готова принять своего повелителя, на окнѣ ея появлялись двѣ свѣчки, лакей немедленно докладывалъ „великому князю“, что въ городѣ пожаръ, — и его высочество, какъ „любитель“ подобныхъ зрѣлищъ, немедленно оставлялъ семью и отправлялся къ Числовой.

Однажды великая княгиня, жена его, отправилась съ жалобой на невѣрнаго супруга къ главѣ Гольштейновъ-Романовыхъ, тожъ-Императору Александру II. Достопамятенъ отвѣтъ послѣдняго, данный несчастной женщинѣ:

— Послушайте, вашъ мужъ въ полнотѣ силъ; ему нужна женщина, которая могла бы ему нравиться; теперь посмотрите же на себя, какъ вы одѣты! (О томъ, что княгиня не хороша собой, императоръ имѣлъ любезность умолчать).

Огорченная женщина пала духомъ, а Николай Николаевичъ, поощренный свыше, тѣмъ внимательнѣе сталъ къ Числовой, дѣтей которой въ метрикѣ приходской церкви Благовѣщенья велѣлъ записать своими и которой все больше и больше давалъ векселей. Вотъ эти то векселя и придали семейному роману государственное значеніе.

Не имѣя возможности ни продавать концессій, какъ это дѣлалъ его старшій братъ Константинъ Николаевичъ черезъ министра Рейтерна, ни даже получать по-

дарки за обѣщанія доставить таковыя, какъ это случилось съ младшимъ братомъ Михаиломъ на Кавказѣ, Николай Николаевичъ сталъ нуждаться въ деньгахъ. Одно присвоеніе государственной собственности въ видѣ отборныхъ лошадей Хреновскаго завода и обширныхъ земель на Дону не могло покрыть дефицита. Чтобы найти деньги, великій князь предложилъ тогдашнему министру Двора и Удѣловъ Адлербергу купить отъ него въ удѣлъ его бездоходное Минское имѣніе, которое онъ самъ пріобрѣлъ за ничтожную цѣну изъ числа секвестрованныхъ у поляковъ. Тотъ отказался. Свѣдѣнія о долгахъ великаго князя дошли до Александра II, и онъ потребовалъ брата къ себѣ въ Ливадію для объясненія. Государь предложилъ ему на выборъ: или уплатить его долги, доходившіе до 900.000 р., но съ тѣмъ, чтобы Числова была устранена, или оставить его на произволъ судьбы, если ему такъ дорога любовница. Николай Николаевичъ увертывался, хотѣлъ и деньги получить и Числову оставить за собою. Но тогда грянулъ громъ. Числову велѣно было арестовать. Для этого былъ посланъ изъ Крыма въ Петербургъ шефъ жандармовъ Потаповъ, который поручилъ производство ареста Трепову. Треповъ, до того времени нерѣдко дѣлавшій визиты Числовой, окружилъ ея квартиру цѣпью городовыхъ и, прикрикнувъ на арестантку, чтобы она не хныкала, посадилъ ее въ карету и отпра-

вилъ въ Лифляндію. Николай же Николаевичъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что его имѣніе взято за огромную сумму, но не въ удѣлъ, а въ казну, которая расплатилась, такимъ образомъ, за великокняжескіе долги. Этимъ окончилась первая часть романа.

Вторая часть этого романа началась посылкой къ Числовой адъютанта съ медальономъ, на которомъ брильянтами была отдѣлана надпись: „за 10 лѣтъ счастья, 1865—1875“. Потомъ вошло въ романъ новое лицо — писатель, гвардейскій офицеръ Крестовскій, за котораго великій князь Николай Николаевичъ хотѣлъ выдать Числову замужъ съ тѣмъ, чтобы ею уже пользоваться, какъ замужней женщиной. Женихъ охотно пошелъ на сдѣлку, пытался развестись съ своей женой, но этотъ проэктъ не удался, благодаря скандалу, устроенному передъ Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ родственниками госпожи Крестовской.

Тогда началось улучшеніе судьбы Числовой независимо отъ брака. Сначала ее перевезли изъ уѣзднаго города въ Ригу, а потомъ она появилась въ Кишиневѣ, какъ только Николай Николаевичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ южной арміей. Радость любовниковъ была такъ велика. что великій князь получилъ болѣзнь, отъ которой не могъ нѣсколько мѣсяцевъ ѣздить верхомъ. Затѣмъ послѣдовали переходы походнаго Двора великаго князя Николая Николаевича.

съ Числовой черезъ Прутъ, Дунай, Балканы—и тѣсныя сношенія влюбленной парочки съ агентствомъ „Грегеръ, Коганъ и Горвицъ", кормившимъ армію. Здѣсь уже великій князь черезъ агентство рвалъ себѣ большіе куски, и такъ какъ для раскрытія громадныхъ злоупотребленій агентства — поставщика пришлось бы вызвать въ судъ фельдмаршала Николая Николаевича, то распоряженіемъ брата, Александра II, дѣло было предано забвенію и стоило оно казнѣ около 7 милліоновъ рублей.

Такъ, покойной памяти, великій князь Николай Николаевичъ грабилъ народную казну.

А чтобы отблагодарить своему брату, Государю Александру и сдѣлать ему пріятный сюрпризъ, онъ погубилъ подъ Плевной нѣсколько тысячъ солдатъ, приказавъ имъ ко дню царскихъ именинъ взять приступомъ укрѣпленія, оказавшіяся неприступными.

Міръ праху твоему!

Старшій братъ Николая Николаевича, Константинъ Николаевичъ, по словамъ его собственнаго сына, имѣлъ двѣ страсти:

Честолюбіе и танцовщицу, но онъ былъ кромѣ того сильно корыстолюбивъ. Уже въ 1866 году онъ вошелъ во вкусъ хищничества и провелъ въ министры финансовъ своего чиновника Рейтерна, чтобы черезъ

его посредство торговать желѣзнодорожными концессіями.

Бывшій министръ путей сообщенія графъ Бобринскій подробно объяснилъ эту воровскую систему въ письмѣ къ Александру II послѣ выхода своего въ отставку; но за это Бобринскій отсидѣлъ 3 мѣсяца подъ арестомъ, а „братца Константина“ прогнать не посмѣли.

Другая сфера хищничества Константина Николаевича была Общество поземельнаго кредита, основанное подъ его покровительствомъ. Въ качествѣ Генералъ-Адмирала и „хозяина“ морскаго вѣдомства, великій князь Константинъ Николаевичъ обратилъ въ закладные листы этого общества всѣ суммы морской эмеритальной кассы, то есть, нѣсколько милліоновъ рублей; для приличія приложилъ немного и своихъ денегъ, послѣ чего всякій разъ когда бывалъ тиражъ, по которому вышедшіе листы оплачивались золотомъ, въ кассу мраморнаго дворца (Константина Николаевича) отправлялись мѣшки съ золотомъ, такъ что на биржѣ онъ являлся однимъ изъ главныхъ продавцеаъ золотой монеты.

Супруга его высочества, великая княгиня Александра Іосифовна исключительно занималась „любовью“, причемъ она культивировала свои благородныя страсти во всѣ „лопатки, возрасты, полы и состоянія“... Лѣтописецъ такъ описываетъ эту золотую эпоху:

„Взявъ свою Кору Пирль (Кузнецову) изъ Театраль-

„наго училища, Константинъ остался съ ней въ Петер-„бургѣ, а жену (Александру Іосифовну) прогналъ за-„границу шляться съ адъютантами, которыхъ она, жен-„щина сильная и страстная, доводитъ до истощенія".

Говорили, что поводомъ къ изгнанію Александры Іосифовны были излишне нѣжныя отношенія ея къ бывшей ея фрейлинѣ Анненковой. „Невѣроятности" такого рода случались съ Александрой Іосифовной и заграницей. Обыватели швейцарскаго города Веве (Vevey) разсказываютъ, что великая княгиня Александра Іосифовна во время своего проживанія тамъ въ „Pension Ermitage" имѣла недоразумѣніе съ двумя матерями дѣвочекъ 14 и 16 лѣтъ, и что матери этихъ дѣвочекъ получили отъ нея по 8 и 10 тыс. франковъ, чтобы не давать дальнѣйшаго слѣдствія этимъ скандальнымъ „недоразумѣніямъ".

Доживъ до глубокой старости, великая княгиня Александра Іосифовна естественно должна была сохранить много „пріятныхъ воспоминаній". Къ одному изъ такихъ воспоминаній должны были относиться, вѣроятно, и Штраусовскіе концерты въ Павловскѣ, резиденціи великихъ князей Константина Николаевича и супруги Александры Іосифовны. Маэстро Іоганнъ Штраусъ король вальсовъ, произвелъ въ свое время „сильное впечатлѣніе" на Александру Іосифовну, въ благодар-

ность за что она собственноручно вышила ему подтяжки...

Много лѣтъ спустя, уже передъ самой смертью почти Штрауса, она его выписала въ Павловскъ на „полконцерта“:

„Дай мнѣ наглядѣться, радость, на тебя!“

Яблоко отъ яблони... Отъ Константина и Александры родился сынъ великій князь Николай Константиновичъ, которому суждено было прославить домъ „Романовыхъ-Гольштейныхъ“ на почвѣ романтически—воровской“. Героиней великокняжескаго романа была американская авантюристка Фанни Лиръ, и закончился скандалъ ссылкой Николая Константиновича въ Туркестанъ и на Кавказъ, гдѣ онъ находится въ положеніи полусумасшедшаго человѣка. Желая съ своей стороны прославиться, Фанни-Лиръ написала по французски цѣлую книгу („Le roman d'une américaine en Russie“), гдѣ разсказываетъ объ этомъ романѣ въ семьѣ „Романовыхъ“, завершившемся тѣмъ, что герой великій князь стащилъ и заложилъ драгоцѣнные камни съ образа его матери Александры Іосифовны.

Герой романа великій князь Николай Константиновичъ по чертамъ своего характера и по всему складу является типичнымъ; въ своей наивности, образчикомъ нравственныхъ свойствъ „императорской фамиліи“; въ немъ выступаютъ замѣтные признаки фамильной дege-

нераціи. Мы поэтому остановимся на этомъ „бытовомъ“ романѣ подольше и въ нѣкорыхъ мѣстахъ заставимъ благовѣствовать героиню Фаннишъ.

Начать съ того, что героиня Фанни въ дѣтствѣ мечтала всегда объ Александрѣ Македонскомъ и Юліи Цезарѣ, а потому на маскарадномъ балу въ большой оперѣ, въ Пегербургѣ, познакомилась и сошлась съ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, который былъ высокаго роста и въ формѣ кавалергардскаго полка. Связь ихъ послѣ ужина, закончившагося въ гостинницѣ въ 6 часовъ утра, была закрѣплена слѣдующимъ документомъ, написаннымъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, который онъ подалъ Фанни со словами: „прочтите, подпишите и будьте моей женушкой.“

„Клянусь всѣмъ, что есть для меня священнѣйшаго „въ мірѣ, никогда и ни съ кѣмъ не говорить и не ви„дѣться безъ дозволенія моего августѣйшаго повели„теля. Обязуюсь вѣрно, какъ благородная американка, „соблюдать это клятвенное обѣщаніе и объявляю себя „душою и тѣломъ рабою русскаго великаго князя“.

(Слѣдуетъ подпись Фанни Лиръ).

Послѣ этого, какъ она подписала этотъ замѣчательный документъ, великій князь обнялъ свою „женушку“ и сказалъ:

— Милая моя, отнынѣ ты моя, и завтра я принесу тебѣ кольцо — запечатлѣть твое обѣщаніе.

Принесъ ли онъ кольцо неизвѣстно, но онъ подарилъ ей вечеромъ браслетъ, запиравшійся на ключикъ, который онъ подвѣсилъ къ своимъ брелокамъ—и остался обѣдать...

Черезъ нѣсколько дней Николай повезъ свою женушку въ мраморный дворецъ, гдѣ онъ жилъ со своимъ отцомъ Константиномъ Николаевичемъ; квартира Николая Константиновича была особнякъ съ отдѣльнымъ ходомъ.

Голубки ворковали.

Но черезъ два дня ихъ tête à tête былъ смущенъ извѣстіемъ:

„Великій князь—отецъ идетъ.“

„Куда дѣваться? спрашиваетъ героиня: въ комнатѣ была прекрасная кровать въ средневѣковомъ стилѣ; я впопыхахъ бросилась въ нее, задернула занавѣски и, уткнувши лицо въ подушку, притаилась. Къ несчастью, великій князь заинтересовался этой недавно купленной кроватью и приподнялъ занавѣски, чтобы взглянуть на нее.

— Это что за женщина? спросилъ онъ.

— Она пришла ко мнѣ съ подпиской по благотворительному дѣлу, отвѣчалъ великій князь — сынъ, и спряталась, испугавшись вашего прихода.

— А хорошенькая она?

— Нѣтъ, и старая и некрасивая.

Ну, такъ не стоитъ, значитъ, и смотрѣть.

И онъ ушелъ, но тотчасъ же вернулся со словами:

— А мнѣ кажется, что это американка; она, говорятъ, прехорошенькая; дай-ка я взгляну на нее.

— Нѣтъ, нѣтъ, папаша, она вся дрожитъ отъ страха и не покажется вамъ.

Наконецъ онъ ушелъ, и мы въ 5 часовъ ускакали на тройкѣ въ Павловскъ"...

Такъ трогательно описала Фанни-Лиръ сцену между двумя великими князьями — отцомъ и сыномъ.

Изъ дальнѣйшаго бытописанія видно, что великій князь Николай Константиновичъ былъ скупъ на малые расходы, дѣлалъ своей „женушкѣ" сцены изъ за 5-ти рублей и безразсчетно сыпалъ тысячами. Это было слѣдствіемъ воспитанія: получая до 20-ти лѣтняго возраста всего по 10 рублей въ мѣсяцъ, великій князь къ совершеннолѣтію вдругъ вступаетъ въ обладаніе всѣмъ своимъ состояніемъ — 200 тысячъ рублей ежегоднаго дохода, которое кажется ему неисчерпаемымъ. Члены императорской фамиліи не носятъ съ собою денегъ; дѣлая свои покупки, они оставляютъ въ магазинѣ записку, по которой расплачивается дворцовая контора. Поэтому они не знаютъ счета деньгамъ: бьются изъ за копѣйки и бросаютъ тысячи. Великій князь

Николай Константиновичъ былъ въ молодости несчастенъ. Его воспитатели — по большей части нѣмцы — утомляли его, мучили и даже били, вслѣдствіе чего онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ. Ему дозволяли питаться, какъ угодно, и любимымъ его питаніемъ сталъ чай съ хлѣбомъ. „Только послѣ многихъ ссоръ и раздоровъ съ нимъ, говоритъ Фанни Лиръ, мнѣ удалось заставить его измѣнить эту разслабляющую діэту на нормальную.

— Однажды, поссорившись съ нимъ, я слегка ударила его по щекѣ.

— Какъ вы осмѣлились, закричалъ онъ въ ярости, ударить великаго князя?!

Я сказала, что онъ для меня не великій князь, а мой любовникъ, который не долженъ забываться; онъ ушелъ изъ дому раздраженный, но вскорѣ возвратился и сказалъ:

— Какъ жаль, Фанни Лиръ, что не ты была моей воспитательницей".

„Я была ревнива, продолжаетъ Фанни Лиръ, и не таила этого, а онъ меня подзадоривалъ. Его старались уловить въ свои сѣти не только женщины моего круга, но и великосвѣтскія дамы, которыя принимали его въ своихъ будуарахъ въ соблазнительномъ дезабилье, полуоткрывавшемъ ихъ прекрасныя бѣломраморныя груди. Но онъ гнушался ими и не разъ, отдавая мнѣ ихъ письма, говорилъ:

— Эти съ виду нравственныя особы на самомъ дѣлѣ развратнѣе послѣдней потаскушки, и онѣ еще смѣютъ тебя осуждать!...“

„Наканунѣ Пасхи, повѣствуетъ героиня, я была въ Соборѣ, вся въ бѣломъ и со свѣчей въ рукахъ, какъ прочіе православные. Въ полночь архіерей, обратившись къ толпѣ, произнесъ: „Христосъ воскресъ!“ и началось христосованіе. Государь долженъ былъ цѣловаться съ публикой три часа сряду, отъ чего подъ конецъ походилъ лицомъ на мулата. Пасха въ Россіи не праздникъ умѣренности. Я приготовила у себя исполинскій egg-nogg, и этотъ американскій напитокъ такъ понравился, что князь Л... повалился на коверъ гостиной и проспалъ тутъ до утра“.

— Христова заутреня!

Въ 1872 году парочка была въ Вѣнѣ.

„Однажды, разсказываетъ Фанни, забравшись по глухимъ тропинкамъ парка въ одно изъ его укромныхъ мѣстечекъ, я завидѣла издали прекрасную, но грязную и плохо одѣтую цыганку, шедшую подъ руку съ мужчиной, показавшимся мнѣ знакомымъ. Я стала слѣдить за ними и услышала, какъ цыганка назначила rendez-vous въ 5 часовъ своему кавалеру, который оказался моимъ высокимъ и благороднымъ повелителемъ“— Это былъ великій князь. „Влюбленные“ поссорились, и ссора окончилась тѣмъ, что великій князь Николай

Константиновичъ далъ американкѣ Фанни пощечину и ушелъ, сказавъ, что покидаетъ ее навсегда. Фанни уѣхала въ Парижъ, но вскорѣ получила письмо отъ великаго князя, полное раскаянія и мольбы о примиреніи:

„Madame, пишетъ великій князь, не могу помириться съ мыслью о дурномъ впечатлѣніи, которое я произвелъ на Васъ передъ нашей послѣдней разлукой. Мой невозможный характеръ часто причинялъ Вамъ ужасныя страданія, и я даже удивляюсь, какъ Вы могли такъ долго переносить его"... Влюбленные опять сошлись и поѣхали изъ Вѣны путешествовать. Въ свитѣ великаго князя были:

1) Его докторъ и бывшій воспитатель-маленькій, толстый, круглый нѣмецъ въ очкахъ и съ брилліантовыми перстнями на рукахъ, которыми онъ постоянно любовался.

По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ же донесъ Государю о „связи" великаго князя съ Фанни, которыхъ онъ сопутствовалъ.

2) Адмиралъ изъ малороссовъ, другой воспитатель великаго князя, очень привязанный къ своему бывшему ученику. Онъ поражалъ своей невозмутимостью и во все время путешествія только однажды разгорячился, бросивъ на станціи тарелку въ голову слуги за то, что

тотъ не дозволилъ ему взять въ вагонъ остатки недоѣденнаго обѣда.

3) Адъютантъ великаго князя, человѣкъ полуслѣпой глазами и умомъ и вѣчно суетившійся, особенно во время обѣдовъ, къ которымъ онъ былъ очень неравнодушенъ.

4) Старый камердинеръ Савеловъ, приставленный къ великому князю. Онъ былъ казначеемъ великаго князя и велъ запись его расходамъ; ворчалъ на его расточительность и порицалъ желѣзныя дороги за то, что великій князь не могъ ѣздить по нимъ даромъ.

5) Другой слуга, подначальный первому.

6) Слуга доктора.

7) Служанка Фанни.

Слѣдуютъ Фанни и великій князь Николай Константиновичъ во главѣ всей компаніи...

По окончаніи путешествія, рѣшено было отправить великаго князя Николая Константиновича въ Хиву, для прославленія русскаго оружія и — разлученія его съ Фанни.

Прежде чѣмъ отправиться „въ походъ“—великій князь съѣздилъ въ Ниццу проститься со своей больной матерью, Александрой Іосифовной, и оттуда писалъ Фанни:

„Ницца, понедѣльникъ 29 Января 1873 г.

Милая моя женушка, тажело мнѣ безъ тебя: ты стала

для меня необходимостью, и я, кажется, умеръ бы отъ болѣе долгой разлуки съ тобою. Вообрази себѣ контрастъ. Въ среду въ Петербургѣ зима и снѣгъ, а въ воскресенье въ Ниццѣ жаръ, апельсины и фіалки. Такимъ представляется мнѣ нашъ переходъ отъ земной юдоли къ небу. Желаю только, чтобы въ ожидающихъ насъ горнихъ садахъ ты была всегда со мною и никто не могъ бы насъ разлучить"...

15 февраля того же года герой нашъ прощался въ Петербургѣ со своими родственниками и пригласилъ Фанни въ Петропавловскую крѣпость, чтобы вручить ей тамъ на прощаніе у гробницы Петра Великаго крестикъ, который онъ носилъ на себѣ. Николай и Фанни переходили отъ гробницы къ гробницѣ; передъ каждой онъ преклонялся и произносилъ нѣсколько словъ молитвы. У гроба Петра Великаго онъ вручилъ ей крестикъ и взялъ съ нея обѣщанія не забывать его.

Такъ какъ Хивинская кампанія не разлучила Николая съ Фанни, то по возвращеніи великаго князя въ Петербургъ, отецъ Николая рѣшилъ его женить. А такъ какъ, согласно обычаю, великіе князья передъ вступленіемъ въ бракъ должны обзавестись собственнымъ дворцомъ, то великому князю Николаю Константиновичу купили дворецъ у одной Петербургской княгини.

Эта княгиня была взбалмошная и распутная женщина, которая, благодаря тремъ послѣдолательнымъ бракамъ,

стала за деньги княгиней. Дворецъ, купленный за ничтожную цѣну, былъ построенъ и украшенъ ея вторымъ мужемъ великолѣпно. Великій князь былъ восхищенъ дворцомъ. Онъ покупалъ, продавалъ и обмѣнивалъ вещи для „окончательнаго устройства“ своего дворца. Онъ забиралъ все, что присылали купцы, а потомъ продавалъ купленное для новыхъ пріобрѣтеній. Ему уже не доставало его обычныхъ доходовъ; онъ продалъ всю коллекцію золотыхъ медалей за 3000 рублей.

Онъ ежедневно приносилъ какія нибудь новыя вещицы: флакончики, фарфоровыя собачки, статуэтки и т. д. Въ одинъ прекрасный день великій князь Николай Константиновичъ сказалъ своей Фанни:

— Слушай! у моей матери изъ образа украдено украшеніе изъ драгоцѣнныхъ камней, и въ кражѣ обвиняютъ моего адъютанта Евгенія. Если онъ не сможетъ оправдаться, то я вынужденъ буду сказать, что это я: меня арестуютъ, запрутъ, объявятъ сумасшедшимъ, а тебя обыщутъ и выгонятъ изъ Россіи.

„Ужасъ охватилъ меня, разсказываетъ Фанни Лиръ, но стараясь казаться спокойной, я крѣпко обняла его и поцѣловала“.

— И ты всегда будешь любить меня, не смотря ни на что? сказалъ онъ.

— Да, да, всегда...

Онъ отеръ мои слезы и воскликнулъ:

— Не плачь, моя дорогая, можетъ быть дѣло обойдется лучше, чѣмъ я думаю. Но не выдавай своего волненія и нынѣ же вечеромъ одѣнь всѣ свои брилліанты и отправляйся въ Александрійскій театръ, какъ ни въ чемъ не бывало; я зайду къ тебѣ въ 4 часа.

И онъ ушелъ; я постаралась поскорѣе отдѣлаться отъ гостей и, не дожидаясь своей кареты, отправилась во дворецъ Николая.

Онъ былъ тамъ въ своей спальнѣ.

Войдя туда, я увидѣла огромный и прекрасный изумрудъ, который какъ онъ раньше сказалъ мнѣ, былъ имъ заложенъ заодно съ прочими вещами, и, взглянувъ на эту драгоцѣнность, поняла истину. Онъ слѣдилъ за мною глазами и сказавъ: „видишь, вѣдь я же не заложилъ его, однако“, ушелъ къ Трепову ходатайствовать за своего адъютанта. Я возвратилась домой и, спокойно усѣвшись, стала перебирать въ памяти разныя странности Николая, на которыя до сихъ поръ не обращала вниманія; при этомъ я вспомнила его странную манію уносить съ моего стола разныя бездѣлушки; когда я замѣчала ихъ исчезновеніе, онъ возвращалъ мнѣ ихъ, говоря, что хотѣлъ меня подзадорить.

Пока я думала обо всемъ этомъ, Николай вошелъ блѣдный, изнеможенный, съ судорожно сжатыми губа

ми, спросилъ себѣ чаю и черезъ нѣсколько минутъ сказалъ:

— Я заказалъ для тебя кольцо съ моимъ именемъ и числомъ дня, съ котораго началась наша связь; носи его.

Просидѣвъ у меня до 6 часовъ, онъ отправился обѣдать къ отцу, сказавъ, что будетъ въ театрѣ и зайдетъ оттуда ко мнѣ.

Я сидѣла въ театрѣ во всѣхъ своихъ брилліантахъ, съ нетерпѣніемъ ожидала конца представленія, и когда занавѣсъ наконецъ упалъ, возвратилась домой и стала ожидать Николая"...

Николая арестовали.

Великій князь Николай Константиновичъ, оказалось, стащилъ драгоцѣнное украшеніе съ образа своей матери. Овладѣвъ украшеніемъ, онъ велѣлъ своему адъютанту заложить его въ надлежащемъ учрежденіи, но тамъ этого залога не приняли, считая это святотатствомъ. Тогда Николай вынулъ камни изъ оправы, и адъютантъ его заложилъ ихъ каждый въ отдѣльности, получивъ за все не болѣе трехъ тысячъ рублей, которые адъютантъ и вручилъ своему „повелителю".

Черезъ два или три дня послѣ этого мать Николая, Александра Іосифовна, замѣтила пропажу и, не подозрѣвая своего сына, заявила о ней. Подняли на ноги

полицію, перерыли весь дворецъ, и въ результатѣ обысковъ и доносовъ воръ обнаружился.

Николай Константиновичъ былъ объявленъ сумасшедшимъ и сосланъ. Его деньги и имущество перешли къ его отцу, а его Павловскій дворецъ подаренъ великому князю Владиміру, которому этотъ подарокъ доставилъ особенное удовольствіе и пришелся „кстати", такъ какъ этотъ баринъ всегда въ долгу, какъ въ шелку— и тогда у него еще не было спеціальныхъ источниковъ для хищенія, каковыми впослѣдствіи для Владиміра были церковныя деньги — о святотатство! жертвовавшіяся православными простаками на сооруженіе храма Воскресенія.

Эпопея великаго князя Николая Константиновича только одна изъ яркихъ страницъ исторіи дегенераціи Романовыхъ-Гольштейновъ.

Они присосались къ бѣдному, но многомилліонному русскому народу. Сколько крови они высосали у него и сколько кровныхъ народныхъ денегъ ими прожито и растрачено въ распутствахъ!

Если въ жилахъ всѣхъ этихъ низкопробныхъ „высочествъ" дѣйствительно еще есть „русская кровь", то только та, которую они „насосали".

Николай могъ сказать своему отцу Константину Николаевичу: „это въ крови у насъ всѣхъ!"

Изъ дядюшекъ Николая II самый старшій Влади-

міръ Александровичъ, какъ мы сказали, исключительно занимается тѣмъ, что дѣлаетъ, гдѣ можно, долги. Эта „слабость“ лишила его возможности стоять у дѣлъ, такъ какъ онъ не могъ нигдѣ устоять противъ соблазна—„позаимствоваться“. Послѣднее дѣло, „святое“, которое на него возложили — руководить сооруженіемъ храма Воскресенія на мѣстѣ убіенія его отца Александра II—настолько сильно чувствовало руку Владиміра—Несвятаго, которую онъ „къ сему дѣлу приложилъ“, что въ Государственной Думѣ даже Пуришкевичи чихали, когда говорили объ отсутствующей отчетности. Великій князь Владиміръ Александровичъ любитъ пожить—это вѣдь естественно; а притокъ пожертвованій на сооруженіе храма былъ большой. Дѣло было милліонное—и Владиміръ немного позаимствовалъ—это такъ естественно.

Жена его, нѣмецкая принцесса конечно,—Марія Павловна тоже любитъ пожить и, хотя нѣмка, очень всегда любила французскихъ актеровъ за ихъ „галантность“,

Извѣстный теперь въ Парижѣ актеръ Гитри подвизался прежде на сценѣ Михайловскаго театра, въ Петербургѣ, гдѣ игралъ „любовниковъ“ въ французской труппѣ.

Марія Павловна близко познакомилась съ игрою Гитри и до того вошла во вкусъ, что, забывъ о великокняжескомъ высочествѣ, стала погуливать съ Гитри „во всю“. Въ

одинъ прекрасный или скверный вечеръ, такъ какъ таковые чаще бываютъ въ Петербургѣ — въ ресторанѣ Кюба въ отдѣльныхъ кабинетахъ кутили двѣ компаніи рядомъ: въ одномъ былъ Владиміръ въ веселой компаніи, а рядомъ оказалась веселая компанія Гитри съ Маріей Павловной. Неизвѣстно, кто шепнулъ объ этомъ сосѣдствѣ великому князю—только тотъ вытребовалъ Грессера, и виновныхъ накрыли. Скандалъ благополучно закончился тѣмъ, что Гитри отправили въ Парижъ играть любовниковъ, а Марія Павловна осталась.. великой княгиней.

По старшинству за Владиміромъ слѣдуетъ дядя Алексѣй, или великій князь Алексѣй Александровичъ.

Холостъ и не женатъ. Любитъ оперетку французскую, конечно. Русская оперетка также считаетъ его своимъ дядей. Рѣдкій спектакль въ блаженной памяти „Аркадіи“, гдѣ француженки показывали свои недвусмысленныя икры, обходился безъ высокаго покровительства „дяди Алексѣя“. Покровительствуя пріѣзжимъ въ Россію Серполеттамъ и „Petites duchesse'амъ“, великій князь Алексѣй Александровичъ насаждалъ артистическій канканъ на берегахъ Невы, что, конечно, входило въ его функціи генералъ-адмирала; ктому же онъ помогъ сдѣлать карьеру „антрепренеру“ Раулю Гюнсбургу, который теперь учитъ Ѳедора Шаляпина:

— „Ты великій артистъ и большой дуракъ: зачѣмъ ви даетъ руку хористамъ!“.

Такъ при содѣйствіи Рауля Гюнсбурга великій князь Алексѣй Александровичъ сдѣлался опереточнымъ дядей, что нисколько не мѣшало ему быть въ то же время и опереточнымъ адмираломъ. Онъ командовалъ русскимъ флотомъ. И русскій флотъ себя показалъ!

Принимая 3-ью эскадру, строившуюся подъ наблюденіемъ генералъ-адмирала Великаго князя Алексѣя Александровича, Рождественскій обнаружилъ, что броня на броненосцахъ была не вся изъ металла, а деревянная и лишь сверху покрытая тонкой полосой желѣза. Рождественскій отправился къ Государю и сообщивъ ему о своемъ открытіи, заявилъ, что въ такомъ видѣ броненосцевъ принять не можетъ и что итти съ ними въ сраженіе преступно и безумно:

— Деревянная броня не выдержитъ и одного вражескаго залпа, заявилъ Рождественскій.

— Кто строилъ? вскипѣлъ Государь.

— Великій князь Алексѣй Александровичъ, отвѣчалъ Рождественскій.

Это заявленіе, говорятъ, привело даже Николая въ опереточное настроеніе и онъ въ первый разъ въ своей жизни сострилъ:

— Что подѣлаешь? Послѣ того, какъ меня чуть не

убили въ Японіи, всѣ великіе князья сдѣлались японскими патріотами...

Рождественскій хотѣлъ возразить еще, что деревянная броня, стоившая гроши, въ отчетѣ была поставлена за металлическую, которая обходится въ милліоны, но промолчалъ...

Броненосцы были перестроены, но и это, увы, не спасло „эскадры“!..

Когда въ Петербургѣ узнали о продѣлкѣ съ броненосцами, всеобщее негодованіе было велико. Въ тотъ же вечеръ любовница великаго князя Алексѣя, актриса балета, показалась вся сіяя крупными брилліантами, какъ говорили—на сумму въ 10 милліоновъ.

Великій князь изъ своей ложи любовался своей „штучкой“...

„Невозможно описать, говоритъ хроникеръ, негодованіе публики, вызванное появленіемъ наглой балерины въ драгоцѣнностяхъ, купленныхъ на деньги, жертвовавшіяся народомъ на усиленіе флота“.

— Долой! кричала публика Михайловскаго театра... Вотъ гдѣ наши крейсеры и броненосцы! Отдай! Отдай наши брилліанты!.. Нашъ флотъ!..

Великій князь Алексѣй и его любовница еле спаслись отъ толпы, швырявшей чѣмъ попало въ ложу „генералъ-адмирала Великаго князя“ и на сцену.

Въ испугѣ Великій князь полетѣлъ къ племяннику Николаю...

— Разбой! Революція...

— Въ чемъ дѣло? встревожился царь. Гдѣ революція?

Узнавши въ чемъ дѣло, Николаша укоризненно сказалъ опереточному дядѣ:

— Лучше бы вы, Ваше Высочество, въ отчетѣ ставили вдвое большую сумму, а броненосцы строили настоящіе...

Такъ былъ посрамленъ опереточный дядя-Адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ Гольштейнскій (по сценѣ „Романовъ“).

Великій князь Сергѣй Александровичъ, убитый въ Москвѣ, оставилъ по себѣ печальную память. По россійскимъ законамъ, созданнымъ на почвѣ беззаконія, каждый „великій князь“, особа высокочтима,—едва ли не священная. Но какъ мы видѣли, и какъ это всѣмъ извѣстно, дѣла ихъ нетолько не высокочтимы, а „даже наоборотъ“, и титулъ „высочества“, съ прибавленіемъ императорскаго или нѣтъ, звучитъ звонко, но пусто. Если „ихъ высочества“ оставляютъ по себѣ память, то только среди кокотокъ. Сергѣй и здѣсь ничего не оставилъ, такъ какъ онъ былъ изъ школы Эйленбурга и зараженъ „восточными“ идеями... Занимаясь въ юности отъ нечего дѣлать археологіею, вмѣстѣ со своимъ млад-

шимъ братомъ Павломъ, онъ докопался до того, что пришелъ къ убѣжденію, что первоначальный человѣкъ былъ гораздо совершеннѣе, такъ какъ не зналъ еще женской скверны. Затѣмъ Господь Саваоеъ осквернилъ человѣка, вырѣзавъ изъ его же ребра женщину и сдѣлалъ людей несчастными. И собралъ Сергѣй вокругъ себя адъютантовъ и херувимоподобныхъ офицериковъ изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ и рече имъ:

— Отрекитесь отъ женъ вашихъ и любовницъ вашихъ и идите за мною. Прійдите ко мнѣ всѣ любящіе и азъ успокою вы!...

И жену свою Елизавету онъ передалъ Павлу.

Такъ основался въ Петербургѣ клубъ „антиженовъ“, куда дамъ не допускали, и гдѣ члены любили другъ друга.

Во главѣ этого предпріятія стояло его высочество, но клубъ закрыли и его высочество отправилось генералъ-губернаторомъ въ Москву.

По установленному издревле обычаю Москвичи первымъ дѣломъ отслужили молебны по случаю назначенія Его Императорскаго Высочества Великаго князя Сергѣя Александровича генералъ-губрнаторомъ первопрестольнаго града Москвы, а затѣмъ стали спрашивать другъ друга.

— За что такое наказаніе?

А старожилы отвѣчали поучительно:

— Не иначе, какъ за грѣхи!..

И вотъ его высочество стало *править*. Оно впрочемъ больше какъ какъ будто-бы фигурировало въ качествѣ московскаго генералъ-губернатора и представительствовало, но не дѣйствовало.

Единичныя, строго процѣженныя сквозь ситочко благонамѣренности, лица „представлялись“ ему, депутаціи отъ общественныхъ группъ никогда не допускались къ нему; приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе, члены благотворительныхъ обществъ принадлежали къ избраннѣйшимъ кругамъ Москвы; циркуляровъ и приказовъ, способныхъ возмутить разнообразные круги населенія, онъ не подписывалъ. — Подобные приказы по полиціи, вызывавшіе общее негодованіе, носили подпись московскаго оберъ-полиціймейстера, генерала Трепова. Всѣ ограниченныя и запретительныя мѣропріятія, по отношенію къ различнымъ общественнымъ группамъ Москвы, исходили отъ московскаго губернатора, гофмейстера Булыгина. Великій князь выступалъ на арену административной дѣятельности лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нужны были запугивающій авторитетъ генералъ-губернатора и, все еще кое-кого слѣпившій, престижъ великаго князя.

И все-таки всѣ знали и понимали, что онъ былъ главной пружиной административнаго механизма, что онъ былъ той невидимой рукой, которая приводила въ

движеніе маріонетки на административной сценѣ Москвы И Булыгинъ, и Треповъ были слишкомъ прилежными учениками русскаго бюрократизма, чтобы не понимать отлично, что все ихъ личное благо, вся ихъ будущая карьера въ полной зависимости отъ милости и немилости великаго князя. Поэтому все, что ни дѣлали они, оба, фиктивно во имя блага населенія Москвы, они дѣлали по существу во имя личнаго блага и будущаго своего благополучія. Все, что они приказывали, предписывали и подписывали, дѣлалось съ вѣдома и согласія великаго князя, въ силу сдѣланныхъ имъ распоряженій, въ духѣ его взглядовъ вообще. Булыгинъ принималъ на себя скрытыя въ полутаинственныхъ фразахъ нападки оппозиціонныхъ элементовъ городскаго и земскаго самоуправленія, и всѣ знали, что нападки эти направлены по существу противъ Сергѣя.

Треповъ былъ объектомъ цѣлаго ряда покушеній на его жизнь, и всѣ понимали, что хотя револьверъ направлялся покушавшимся противъ Трепова, дѣйствіе выстрѣловъ предназначалось по адресу великаго князя, какъ вдохновителя и иниціатора всего того, что отъ его имени, хотя и не называя его, творили его ближайшіе и вѣрнѣйшіе слуги.

И Сергѣй въ первый же представившійся благопріятный моментъ вознаградилъ своихъ слугъ, поставивъ ихъ въ условія, когда они, наконецъ, получили настоя-

щую власть и имѣли возможность дѣйствовать отъ своего собственнаго имени: Треповъ былъ впослѣдствіи назначенъ генералъ-губернаторомъ Петербурга, а Булыгинъ-министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Вліяніе дяди и beau frère'a Сергѣя при Дворѣ Николая было большое. На слабаго и безвольнаго племянника своего, носящаго корону и поставленнаго во главѣ Россійской имперіи, великій князь Сергѣй имѣлъ вліяніе, равнаго которому не имѣлъ никто другой изъ приближенныхъ Николая II. Правда, входившіе съ докладами и проводившіе свою волю, вліятельнѣйшіе министры не допускали вмѣшательства великаго князя въ кругъ своей министерской компетенціи, но великій князь и не пытался противопоставлять свой голосъ опредѣленнымъ мѣрамъ, ограниченнымъ кругомъ дѣйствій одного какого либо министерства или вѣдомства. Нѣтъ, онъ дѣйствовалъ иначе. Являясь вожакомъ, организаторомъ и вдохновителемъ такъ называемой партіи великихъ князей, онъ же являлся и непосредственнымъ выразителемъ той темнѣйшій и архаической реакціи, которую сконцентрировали въ своихъ трусливыхъ рукахъ и дряблыхъ умахъ великіе князья,—бездѣльники, кормящіеся на счетъ русскаго народа, высасывающіе отъ него его кровныя деньги.

Свое вліяніе великій князь, не противопоставляя его по виду вліянію отвѣтственныхъ совѣтниковъ царя,

проявлялъ въ томъ, что запугиваніями и усовѣщеваніями, скрытыми махинаціями и придворными интригами онъ оказывалъ давленіе на того, чья безвольность и нерѣшительность допускали предположеніе, что онъ можетъ поддаться такъ называемымъ либеральнымъ вѣяніямъ, соотвѣтствующимъ духу и требованіямъ времени. За время царствованія Николая II то и дѣло бывали слабые намеки на подпаденіе его подъ вліяніе современныхъ теченій и требованій времени. И каждый разъ замѣчали, что послѣ того, какъ „Августѣйшей московскій генералъ-губернаторъ Великій князь Сергѣй Александровичъ изволилъ выѣхать курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ", либеральнымъ вѣяніямъ быстро наступалъ конецъ.

Съ этимъ вліяніемъ великаго князя считались всѣ министры, всѣ приближенные и совѣтники Николая II, понимавшіе превосходно, что какъ единичная воля призвала ихъ на ихъ вліятельные и столь хорошо оплачиваемые посты, такъ та же единичная воля, подпавъ подъ вліяніе другой, болѣе сильной, воли великаго князя, можетъ быстро и безапелляціонно лишить ихъ государственнаго положенія, престижа, оклада, курьеровъ и прочихъ аттрибутовъ министерской власти. Придворныя интриги, всѣ эти словесныя мины и контръ-мины, которыя пускаются безпардонными и безхарактерными субъектами, борющимися наверху изъ за власти надъ

несчастнымъ русскимъ народомъ, или надъ его денежками, играютъ въ Петербургѣ, въ его „высшихъ“ бюрократическихъ сферахъ, огромнѣйшую роль во вредъ тому же русскому народу. Всѣ законопроэкты, прошедшіе черезъ Государственный Совѣтъ и получившіе силу законовъ, предварительно носили штемпель одобренія негласной партіи великихъ князей, формально стоящихъ вдали отъ Государственнаго Совѣта. Всѣ мѣропріятія, манифесты и указы, носившіе подпись Николая II, по существу раньше носили подпись Сергѣя Александровича, хотя формально онъ ихъ не подписывалъ, не составлялъ и даже предварительно не читалъ. Но его реакціоннымъ духомъ было пропитано все законодательное творчество, все административно-бюрократическое усмотрѣніе.

Даже самъ всесильный, блаженной же памяти, Плеве считался съ мнѣніемъ и вліяніемъ Великаго князя Сергѣя Александровича.

Однимъ изъ актовъ государственной мудрости Плеве былъ циркуляръ губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полиціймейстерамъ, въ которомъ между прочимъ говорилось:

„Въ виду сего и озабочиваясь устраненіемъ всего того, что въ настоящее трудное время можетъ нарушать нормальное теченіе внутренней жизни имперіи и вызывать во многихъ случаяхъ неудовольствіе населенія, я

признаю необходимымъ нынѣ-же временно, впредь до возстановленія мира, пріостановиться въ выселеніемъ изъ числа евреевъ, неправильно по мнѣнію подлежащей административной власти поселившихся въ мѣстахъ настоящаго ихъ жительства, всѣхъ тѣхъ, которые или поселились въ сказанныхъ мѣстахъ на законномъ основаніи но за симъ утратили на это право, или уже проживаютъ тамъ продолжительное время, имѣя семью и домообзаводство".

Этотъ циркуляръ чрезвычайно не понравился великому князю Сергѣю Александровичу, который обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, какъ къ своему непосредственному начальнику, съ ѣхиднымъ вопросомъ, какъ ему быть въ виду того, что и Александръ III, и Николай II всегда настаивали на необходимости выселять евреевъ изъ Москвы. Въ отвѣтъ на это министръ Плеве поспѣшилъ ему отвѣтить слѣдующимъ характернымъ документомъ:

„По вопросу о временной пріостановкѣ выселенія евреевъ честь имѣю донести Вашему Императорскому Величеству, что распоряженіе это должно имѣть примѣненіе въ предѣлахъ московскаго генералъ-губернаторства лишь въ той мѣрѣ, въ какой это допускается указаніями, данными Вашимъ Высочествомъ московскому губернатору и оберъ-полицмейстеру".

Каковы были эти „указанія", преподанныя великимъ

княземъ московскому губернатору и оберъ-полицмейстеру, показало памятное еще всѣмъ поголовное выселеніе евреевъ изъ Москвы, вмѣстѣ со всѣми логическими и нелогическими, непосредственными и косвенными послѣдтсвіями его.

Насколько обдуманы бывали и согласованы съ пользами и нуждами населенія преподанныя великимъ княземъ указанія московскому губернатору и оберъ-полицмейстеру, показала въ свое время воочію и Ходынка. Эти „катастрофы“ ярко иллюстрируютъ государственный умъ и администраторскія способности великаго князя Сергѣя Александровича.

Когда убили Плеве, Святополкъ-Мирскій заговорилъ съ населеніемъ языкомъ, похожимъ на общечеловѣческій, и даже намекнулъ на взаимное „довѣріе“.

Этого было достаточно, чтобы бѣдное русское населеніе подняло вѣками согнутую голову и заговорило тоже человѣческимъ языкомъ.

Великій князь Сергѣй Александровичъ глядѣлъ на міръ и не узналъ его: то былъ кошмаръ!

Московская полиція, въ подмогу которой великимъ княземъ были посланы войска и казаки, учинила избіеніе студентовъ, обычное, повторявшееся регулярно въ теченіе послѣдняго времени.—

И что же? Русское общество, то есть, русскіе „обыватели“, присвоившіе себѣ кличку русскаго общества,

осмѣлилось протестовать! осмѣлилось открыто выражать вслухъ свой протестъ, осмѣлилось безъ обиняковъ называть главнымъ иниціаторомъ, организаторомъ и попустителемъ студенческаго избіенія великаго князя Сергѣя Александровича! Русская печать, эта золушка русской государственности, возомнила себя полноправной дочерью Матушки Россіи и осмѣлилась, что дѣлала раньше только „крамольнаяя", „подпольная" литература—разсказать русскому обществу исторію московскаго избіенія!

И даже московскія газеты, цензоры которыхъ дрожали, какъ липки, при одномъ упоминаніи имени генералъ-губернатора, возымѣли неслыханную дерзость разсказать московской публикѣ про случившееся и указать на него, Великаго князя, какъ на виновника избіенія. Московскіе общественные дѣятели стали съѣзжаться, сговариваться, совѣщаться и организоваться открыто и безстрашно, не боясь ни явныхъ, ни тайныхъ клевретовъ „августѣйшаго генералъ-губернатора"! Тѣ московскіе земскіе дѣятели, на которыхъ раньше онъ, великій князь ,приказывалъ то и дѣло Булыгину прикрикнуть или написать недвусмысленное донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ въ Петербургъ, возымѣли теперь нахальство быть иниціаторами и организаторами ноябрьскаго съѣзда земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ. Они же, занимавшіеся прежде исключительно вопросами

объ оврагахъ и мостахъ, кощунственно осмѣлились составить, предложить и провести на Петербургскомъ съѣздѣ знаменитые пункты съ требованіемъ „конституціи“, хотя это слово въ пунктахъ и не называлось... Великій князь Сергѣй Александровичъ отказывался понимать, что за вакханалія либераловъ, распущенныхъ Святополкъ-Мирскимъ, творилась вокругъ него!

А тутъ еще подоспѣла исторія съ „одѣялами“:

Во время войны извѣстный фабрикантъ Морозовъ, черезъ посредство Великаго князя Сергѣя Александровича, московскаго генералъ-губернатора, пожертвовалъ 200 тысячъ теплыхъ одѣялъ для солдатъ московской губерніи, находившихся на полѣ сраженія. Одѣяла были нарочно изготовлены особаго цвѣта и съ вытканнымъ крестомъ на концахъ.

Однажды приказчикъ Морозова является къ хозяину и говоритъ:

— А знаете, одѣяла то наши... что на войну...

— Что? неужели плохи оказались? встревожился Морозовъ.

— Нѣтъ, не то... Видно не плохи, когда продаются,

— Гдѣ продаются? Что ты мелешь? Да вѣдь ихъ на военный театръ отправили.

— Вотъ-те крестъ! Изъольте сами поѣхать... Я вотъ одно самъ купилъ...

И приказчикъ показалъ Морозову купленное одѣяло. Сомнѣнія не было.

Морозовъ велѣлъ заложить сани и помчался въ магазинъ, указанный приказчикомъ, на окраинѣ Москвы. Здѣсь онъ увидѣлъ свои злополучныя одѣяла.

— Гдѣ достали? спросилъ онъ купца.

Тотъ назвалъ имя поставщика.

Морозовъ купилъ 5 одѣялъ и спряталъ ихъ до удобнаго случая, а приказчику велѣлъ молчать...

Черезъ нѣсколько дней великій князь Сергѣй Александровичъ пригласилъ къ себѣ именитое московское купечество и повелъ ему такую рѣчь:

— Я обращаюсь къ вамъ, господа, отъ имени Государя Императора. Отечество проситъ отъ васъ снова жертвъ; война не удачна, вслѣдствіе недостатка средствъ для защиты и проч. и проч.

Великій князь въ трогательныхъ словахъ описалъ бѣдствія солдатъ на Дальнемъ Востокѣ, страданія Государя и заключилъ:

„Помогите, православные купцы“!

Купцы, прослезившись, стали подписывать свою лепту: кто 100 тысячъ, кто двѣсти... Когда очередь дошла до Морозова, онъ вынулъ „трешницу“ и подалъ великому князю.

— Вы шутите, пробормоталъ изумленный князь..

Какъ! Вы, самый богатый изъ всѣхъ здѣсь собравшихся, даете три рубля?

— Я даю свою часть. Если дамъ три милліона, то все равно на Дальній Востокъ дойдетъ только три рубля, отвѣчалъ Морозовъ.

— Что такое? вскипѣлъ Сергѣй. Какъ вы смѣете...

— Вѣдь и одѣяла мои дальше московской стороны не уѣхали...

— Что такое? Вы можете доказать?...

— Могу! Морозовъ вышелъ и принесъ въ передней взятыя имъ съ собою одѣяла.

Великій князь, не имѣя возможности спорить противъ очевидности, предпочелъ предаться гнѣву.

— Какъ вы смѣете! Я васъ въ 24 часа изъ Москвы выселю!

Хорошо-съ. Только не въ 24 часа, прошу, а дайте мнѣ три дня на устройство дѣлъ. И фабрику я распущу У меня 40 тысячъ рабочихъ, ваше высочество! И я привыкъ самъ управлять всѣми дѣлами...

— До этого мнѣ нѣтъ дѣла! Чтобы въ 24 часа Москва была очищена отъ вашего присутствія.

— Прекрасно...

На другое утро Морозовъ собралъ рабочихъ, разсказавъ имъ исторію „съ одѣялами и великимъ княземъ“

— Работы на время должны прекратиться. Разсчетъ вы получаете сегодня-же всѣ.

Морозовъ уѣхалъ. Между тѣмъ, рабочіе, оставшіеся безъ хлѣба, собрались передъ дворцомъ великаго князя и стали бить стекла и шумѣть. Они были разсѣяны войсками и полиціей, но все же Великій князь испугался послѣдствій своей „политики“. Онъ отправилъ въ имѣніе къ Морозову своего адъютанта.

— Великій князь проситъ васъ пожаловать къ нему для объясненій; ему хотѣлось бы загладить эту исторію для блага 40.000 рабочихъ, оставшихся безъ хлѣба, сообщилъ адъютантъ.

— Скажите Великому князю, отвѣтствовалъ Морозовъ что мнѣ въѣздъ въ Москву имъ же самимъ запрещенъ и что ежели его высочеству надо со мною объясниться то имъ ничего не остается дѣлать, какъ ко мнѣ пріѣхать...

Когда великій князь пріѣхалъ къ Морозову, онъ не засталъ его. Сергѣю не везло.

Въ Царскомъ Селѣ тоже какъ будто все перемѣнилось. Какъ будто у всѣхъ уши оказались заложенными ватой. Даже самому царю князь Святополкъ-Мирскій такъ громко прокричалъ въ ухо „довѣріе“, что Николай на время оказался глухимъ къ словамъ и увѣщаніямъ дядюшки Сергѣя. Онъ подалъ въ отставку, вмѣстѣ съ Булыгинымъ и Треповымъ, и міръ не содрогнулся, Россія не распалась, сотни тысячъ московскаго населенія не просили колѣно-преклоненно великаго князя

о милостивомъ возвращеніи въ Москву съ прежними полномочіями!

Сергѣй Александровичъ затаилъ великую злобу противъ племянника-царя Николаши и Святополкъ-Мирскаго, противъ всего міра, вообще, и православнаго народа, въ особенности же—противъ тѣхъ самозванцевъ, которые дерзко именуютъ себя русскимъ обществомъ Онъ притаился въ тиши и ждалъ „удобнаго момента“. И ждать ему пришлось не долго. Случай, стеченіе обстоятельствъ, быстрота переживаемыхъ Россіей событій дали ему возможность получить „удобный моментъ“ черезъ какихъ нибудь девять дней послѣ его оффиціальной отставки. 9-е Января такъ запугало Царскосельскаго героя, что онъ снова поддался вліянію Сергѣя Александровича. Павшій вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, московскій оберъ-полицмейстеръ Треповъ, креатура Сергѣя Александровича, назначенъ былъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ съ диктаторскими полномочіями и съ порученіемъ задавить рабочее движеніе въ Петербургѣ. Другая креатура Сергѣя, бывшій его правой рукой, гофмейстеръ Булыгинъ призванъ былъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ съ порученіемъ „умиротворить“ Россію по старымъ московскимъ рецептамъ.

Сергѣй Александровичъ торжествовалъ: онъ отомстилъ русскому обществу, онъ показалъ себя всему

русскому народу, какимъ онъ былъ и еще долго-долго, „всегда будетъ“! Онъ сталъ править не только Москвой, но за спиной своихъ бывшихъ клевретовъ—и Петербургомъ, и всей Россіей!...

Но торжество Сергѣя Александровича было недолговѣчно. „Русское общество“ не снесло гнуснаго издѣвательства надъ святымъ для него освободительнымъ движеніемъ русскаго народа.

Та же „невидимая рука“ наказала Сергѣя Александровича, — и отъ „великаго князя“ остались куски безформеннаго мяса...

Когда испуганный адъютантъ вбѣжалъ въ кабинетъ Государя доложить объ убійствѣ въ Москвѣ Сергѣя Александровича, блаженный Николаша, говорятъ, былъ сильно занятъ пересматриваніемъ cartes-postales.

— Ваше величество! ваше величество!...

Что такое? спросилъ недовольный „императоръ“.

Ужасное событіе, ваше величество...

И онъ протянулъ Владыкѣ Николаю телеграмму, содержавшую извѣстіе о смерти любезнаго дядюшки.

„Императоръ“ поспѣшно, по привычкѣ, начерталъ на ней нѣсколько словъ и возвратилъ телеграмму адъютанту. Прочтя надпись, тотъ обомлѣлъ отъ изумленія. размашистымъ почеркомъ было написано:

„Прочелъ съ удовольствіемъ“.

— Ваше величество!...

— А? что? Прочтя написанное, онъ поблѣднѣлъ и покраснѣлъ: „По привычкѣ“, пробормоталъ Николаша...

Самый младшій изъ дядюшекъ Николая II, великій князь Павелъ Александровичъ оказался и самымъ умнымъ. Онъ пренеберегъ всѣми высокими аттрибутами и, влюбившись въ хорошенькую барыньку, добился развода ея съ Пистолькорсомъ, досталъ заграничнаго попа, который ихъ поженилъ, и живетъ теперь, припѣваючи, заграницей — вдали отъ Двора и державнаго племянника.

Николаша пригрозилъ ему для порядка пальцемъ и не позволяетъ ему показаться въ Россіи, а Paul ему показываетъ язычекъ и пародируя короля Генриха, который говорилъ: Paris vaut la messe, твердитъ:

— Paris vaut l'altesse!

Есть много „альтессовъ“ изъ Гольштейновъ-Романовскихъ, которые живутъ—поживаютъ на тѣ-же народныя денежки по заграницамъ — больше въ Парижѣ и на Французской Ривьерѣ. Всего чаще ихъ можно видѣть—кому такое зрѣлище можетъ доставить удовольствіе — какъ они „кровныя“, незаработанныя ими, денежки спускаютъ нелѣпо въ Монте-Карло. Такое „высочество“, обыкновенно въ сопровожденіи секретаря или кокотки,

„сивильно“ расхаживаетъ по игорнымъ заламъ, оставляя пачки бумажекъ на всѣхъ столахъ и кокетливо спрашивая у пріятелей — крупье: во много ли ихъ сегодня котируютъ?—Обыкновенно ихъ высочества котируются въ Монте-Карло наравнѣ съ кокотками „высшаго полета“, которыя также, какъ и наши Гольштейнскіе принцы, спускаютъ безъ счета чужія деньги, даромъ достающіяся имъ...

Но эти „романята“ или вся эта дворня „высочествъ“ нетолько пожираетъ массу народныхъ денегъ, но занимая якобы отвѣтственныя мѣста въ Государственныхъ учрежденіяхъ, на самомъ дѣлѣ тормозятъ только или обкрадываютъ безконтрольно довѣряемыя имъ учрежденія.

Явленія эти въ безобразномъ русскомъ строѣ настолько укоренились, что называть имена великихъ князей, грабившихъ Россію на „законномъ основаніи“, было-бы повтореніемъ общеизвѣстнаго. Даже „союзники 17 Октября“ или октябристы, какъ называетъ себя эта партія въ Государственной Думѣ, устами своего единомышленника, князя Кочубея (Défense National. Revue russe mensuelle rédigée par le prince M. Kotchoubey) заявляетъ:

„Мы требуемъ отъ Императора Николая II отреченія отъ титула Самодержца, присяги Конституціи и отмѣны всѣхъ преимуществъ и привиллегій многочисленной

императорской фамиліи". Настолько „престольные недоросли или казнокѣды" бросаются въ глаза своимъ нелѣпымъ существованіемъ даже скромнымъ монархистамъ.

Въ засѣданіи 27 мая (9 іюня) 1908 года глава самой большой въ III-ьей Государственной Думѣ партіи, октябристъ Гучковъ требовалъ съ трибуны удаленія съ отвѣтственныхъ постовъ великихъ князей Николая Николаевича (предсѣдатель Совѣта Государственной обороны), Константина Константиновича (во главѣ военно-учебныхъ заведеній), Петра Николаевича (во главѣ инженерныхъ войскъ) и Сергѣя Михайловича (во главѣ артиллеріи). Вся Государственная Дума была чрезвычайно взволнована этой смѣлой рѣчью: до того вѣковое рабство принизило народный духъ и убило моральную силу его, что правдивое слово по адресу угнетателей и эксплоататоровъ кажется „представителямъ" народа геройствомъ!

„Вызовъ брошенъ на такую высоту, до какой не шла ни I-ая, ни II-ая Дума!" волновалась III-ая Дума. — Подумаешь! Какая страшная высота! Петру Николаевичу показали кукишъ въ карманѣ. Причемъ Гучковъ почтительнѣйше добавилъ передъ лицомъ военнаго министра, такъ какъ рѣчь шла объ ассигнованіи громадныхъ суммъ на военный бюджетъ, что въ виду громадныхъ жертвъ, требуемыхъ отъ народа, требованіе отъ четы-

рехъ маленькихъ (этого онъ не сказалъ) великихъ князей, чтобы они отказались отъ пустого (а жалованье?) для нихъ удовольствія, не богъ знаетъ, какая дерзость. (Военный министръ снисходительно улыбнулся). А до главнаго виновника всѣхъ жертвъ, до Николая II, какая Дума доберется?

Вся „романовская" трагикомедія, всѣ убійства, грабежи, вся мишура и ложь, въ которыхъ путается и бьется бѣдная, разоренная страна — все это держится на одномъ идолѣ, на „помазанникѣ" Николашѣ!? Нѣтъ, оно держится на столбахъ людской глупости, и хотя многіе въ Россіи начинаютъ прозрѣвать, да скоро-ли „продерутъ" глаза Пошехонцы — трудно сказать; но какъ только эти столбы подрѣжутъ, идолъ самъ свалится...

Военная слава Россіи, какъ свидѣтельствовали въ томъ же засѣданіи Думы передъ лицомъ военнаго министра, похоронена руками „романовскихъ" молодцовъ, романовскіе молодцы сами себѣ вырыли могилки и недалекъ тотъ часъ, когда Россія освободится отъ этихъ бездѣльниковъ. Николаша можетъ сказать себѣ, что онъ одинъ изъ послѣднихъ, изъ славной стаи Гольштейновъ, питавшихся „потомъ и кровью" русскаго народа, и даже пировавшихъ на славу!...

Есть хорошій монологъ Николая II у Марка Твэна:

Послѣ утренней ванны. Царь имѣетъ обыкновеніе, прежде чѣмъ приступить къ одѣванію, посвящать часъ размышленіямъ.

(Лондонскій „Times“).

(Разсматривая себя въ зеркало). „Голый, что представляю я изъ себя? Тощій, невзрачный, съ длинными, паукообразными ногами, я — пасквиль на образъ и подобіе Божіе! Голова, точно слѣпленная изъ воска, желтое лицо, въ которомъ столько же выразительности, сколько въ любой дынѣ, — уши торчкомъ, угловатые локти, плоская грудь, ребра на перечетъ, костлявыя ноги, которыя напоминаютъ снимокъ рентгеневской фотографіи!... Во всемъ этомъ—слѣдуетъ сознаться—нѣтъ рѣшительно ничего императорскаго, ничего величественнаго, ничего внушающаго страхъ и благоговѣніе. И предъ такимъ то произведеніемъ природы склоняется въ прахъ сто сорокъ милліоновъ русскаго народа?! Немыслимо! Кто можетъ преклоняться передъ этой смѣшной фигурой, которая и есть Моя Особа? Передъ кѣмъ же или передъ чѣмъ они преклоняются? Говоря по секрету, никто лучше меня не знаетъ, въ чемъ разгадка: они молятся на мое платье. Безъ одежды я настолько же лишенъ всякаго авторитета, какъ и любой голый человѣкъ. Никто не отличилъ бы меня отъ ка-

кого нибудь попа или цирульника. Но тогда, кто же является фактическимъ Императоромъ Всея Россіи? Мой мундиръ съ панталонами; другого нѣтъ.

Тейфельсдрэкъ сказалъ: „Что было бы съ человѣкомъ—съ какимъ угодно человѣкомъ — не будь у него одежды?“ Стоитъ мнѣ только задуматься надъ этимъ вопросомъ— и мнѣ дѣлается ясно, что безъ платья человѣкъ былъ-бы ничѣмъ. Костюмъ не только дополняетъ человѣка, костюмъ есть весь человѣкъ; лишенный костюма, онъ нуль.

Чины и титулы — другая фабрикація и тоже составляютъ часть костюма. Титулы и мануфактурные товары скрываютъ ничтожество ихъ обладателя; онъ кажется великимъ, непостижимымъ, тогда какъ на дѣлѣ въ немъ нѣтъ никакого содержанія. Они заставляютъ цѣлую націю склонить колѣна и искренно боготворить царя, который безъ своей мантіи и титула упалъ бы до уровня сапожника и потерялся бы навсегда въ массѣ людей, которымъ цѣна — грошъ. Раздѣтый царь въ мірѣ неодѣтыхъ людей, быть можетъ, не привлекъ бы ничьего вниманія и, получивъ свою долю толчковъ и побоевъ, подобно всякому иному непатентованному смертному, пожалуй, принялся бы служить человѣчеству, таская за гривенники чужіе саквояжи. Но этотъ же самый царь—благодаря этимъ двумъ фабрикаціямъ—своему мундиру и титулу, и только благодаря имъ,

боготворимъ своими подданными; можетъ по прихоти и безнаказанно ссылать, преслѣдовать и травить ихъ, какъ онъ травилъ бы крысъ, если-бы случайность рожденія опредѣлила ему профессію, гораздо болѣе подходящую къ его врожденнымъ способностямъ, чѣмъ ремесло императора.

Что за громадная, всепокоряющая сила заключается въ томъ, что на человѣкѣ надѣто и въ его титулѣ! Они наполняютъ зрителя благоговѣніемъ, повергаютъ его въ трепетъ, и все это — вопреки тому, что узурпаторское происхожденіе нашей императорской власти ему отлично извѣстно: вѣдь онъ прекрасно знаетъ, что власть каждаго царя есть власть беззаконно пріобрѣтенная и беззаконно уступленная или возложенная людьми, которымъ она никогда не принадлежала. Ибо монархи, если и избирались когда либо, то лишь аристократіями; народомъ же — никогда.

Нѣтъ власти безъ мундира или парадной формы. Они правятъ человѣчествомъ. Отнимите то и другое у властей предержащихъ—и ни одной страной нельзя будетъ управлять: голые начальники были бы лишены всякаго авторитета. Они казались бы (и были бы на самомъ дѣлѣ) заурядными людьми. субъектами безъ всякаго значенія. Полицейскій въ штатскомъ платьѣ—не болѣе какъ одно человѣческое существо; но то же существо въ мундирѣ — цѣлыхъ десять человѣкъ. Одежда и ти-

тулъ—вотъ самая солидная и вліятельная вещь на землѣ; они внушаютъ человѣчеству добровольное и искреннее уваженіе къ судьѣ, къ генералу, адмиралу, къ митрополиту, къ посланнику, къ глупому графчику, къ идіоту герцогу, къ султану, королю, императору. Никакой титулъ не дѣйствителенъ безъ соотвѣтственнаго костюма, созданнаго для его поддержки. Даже среди голыхъ дикарей король племени носитъ какую нибудь тряпку или украшеніе, которыя онъ объявляетъ священными и запрещаетъ носить другимъ. Король великаго Фанскаго племени носитъ на плечѣ обрывокъ леопардовой шкуры, какъ священную царскую регалію — больше на немъ ничего нѣтъ. Но безъ этого обрывка, которымъ онъ внушаетъ почтеніе и трепетъ соплеменникамъ, его королевское ремесло стало бы для него невозможнымъ.

(Помолчавъ). Странная, непостижимая выдумка — человѣчество! Кишащіе милліоны русскихъ людей позволяли въ теченіи столѣтій Нашему Семейству грабить ихъ, оскорблять ихъ, топтать ногами и жили и умирали съ единственной цѣлью и обязанностью служить этому семейству и его удобствамъ. Этотъ народъ—лошадиный народъ, — да, именно, это нація лошадей, носящихъ одежду и исповѣдующихъ православіе. Лошадь, обладай она силой даже ста человѣкъ, позволяетъ одному человѣку бить ее, морить голодомъ, помыкать ею; мил-

ліоны же русскихъ людей позволяютъ горсти солдатъ держать ихъ въ рабствѣ — а солдаты-то — ихъ родные сыновья и братья!

Еще одна вещь—поистинѣ смѣшная, если хорошенько подумать объ ней: весь свѣтъ преспокойно примѣняетъ къ царю и царизму тѣ же ходячія правила нравственности, которыя приняты въ цивилизованныхъ странахъ! На томъ только основаніи, что въ свободномъ государствѣ нельзя устранять злодѣевъ иначе какъ по суду, на основаніи закона, считается, что это же правило примѣнимо и къ Россіи, гдѣ нѣтъ покровительства законовъ, кромѣ какъ для нашего дома. Законы—это извѣстныя ограниченія свободы дѣйствій; въ цивилизованныхъ странахъ они ограничиваютъ свободу всѣхъ, и въ одинаковой мѣрѣ для всѣхъ, что совершенно правильно. Но въ Россіи и тѣ законы, какіе существуютъ, всегда принимаютъ одно исключеніе—Нашъ Домъ. Мы поступаемъ по своему усмотрѣнію, мы поступали такъ въ теченіе столѣтій. Нашимъ ремесломъ было преступленіе, нашей обычной пищей — кровь, кровь народа. На нашихъ головахъ тяготѣютъ милліоны убійствъ. И все таки благочестивый моралистъ говоритъ, что убивать нашего брата — преступленіе.

Не мнѣ говорить это (по крайней мѣрѣ вслухъ), но по секрету, какъ не сказать, что это очень наивно и забавно. Даже нелогично: Императорская Фамилія

стоитъ выше закона: нѣтъ закона, который настигъ-бы ее, удержалъ ее и защитилъ отъ нея народъ. Слѣдовательно, мы — внѣ закона, hors de loi. А людей, стоящихъ внѣ покровительства закона, можетъ безнаказанно убить всякій.

Ахъ, чтобы мы дѣлали безъ моралиста!? Онъ былъ всегда нашей опорой, нашимъ защитникомъ и другомъ; въ настоящее время онъ нашъ единственный другъ. Каждый разъ, какъ начинался или начинается разгоръ о нашей казни — моралистъ ужъ тутъ со своими глубокими изрѣченіями: „Стой! не было еще примѣра, чтобъ насиліемъ было достигнуто что-либо, имѣющее политическую цѣнность“. Надо думать, что моралистъ искренно вѣритъ въ истинность этого изрѣченія. Понятно: у него нѣтъ подъ рукой учебника исторіи, откуда онъ увидѣлъ бы, что его излюбленное изрѣченіе не поддерживается статистическими данными. Всѣ троны были воздвигнуты съ помощью насилія; только насиліемъ удавалось сбросить тираннію; насиліемъ мои предки утвердили нашъ престолъ; убійствами, измѣной, пытками, ссылкой и тюрьмами они удержали его четыре столѣтія въ своихъ рукахъ, и тѣми же средствами удерживаю его Я! Ни одинъ опытный „Романовъ“ не откажется перевернуть изрѣченіе и сказать: „Только насиліемъ можно чего-либо достигнуть“. Моралистъ понимаетъ, что съ начала нашей исторіи нашъ тронъ

въ первый разъ теперь въ серьезной опасности; но онъ не понимаетъ, что причиной такого положенія дѣлъ — четыре насильственныхъ поступка: убійство финляндской конституціи моею рукой, убійство революціонерами Бобрикова и Плеве, и моя бойня безобидныхъ рабочихъ въ тотъ день. Зато кровь, текущая въ моихъ жилахъ, воспитанная наслѣдственно, по традиціи чуткая къ убійствамъ, прошедшая четырехвѣковую школу въ жилахъ профессіональныхъ палачей, моихъ предковъ, — эта кровь понимаетъ и чуетъ то, что отъ моралиста закрыто! Эти четыре убійства пробудили жизнь въ неподвижной и темной глубинѣ народнаго сердца, больше чѣмъ то могли сдѣлать какіе угодно моральные доводы; эти четыре дѣла разбудили ненависть и надежду въ давно застывшемъ народномъ сердцѣ; и тихо, тихо, но неотвратимо эти чувства заползутъ въ каждую грудь и завладѣютъ ею. Со временемъ даже въ душу солдата... страшный день... роковой день!... Да, что-то будетъ! Какъ мало знаетъ моралистъ — резонеръ о нравственной силѣ убійствъ!... Да, послѣдствія будутъ! Россія напряжена и скоро родится нѣчто могучее — патріотизмъ! Говоря простымъ, грубымъ и грознымъ языкомъ—настоящій патріотизмъ; любовь не къ Царскому Дому, не къ народному вымыслу, а любовь къ самому народу и вѣрность ему.

Въ Россіи двадцать пять милліоновъ семей, у каждой матери ростетъ ребенокъ, и если эти двадцать пять милліоновъ матерей любятъ свою родину, то онѣ будутъ каждый день повторять своимъ сыновьямъ: „Помни одно, прими это къ сердцу, живи и умри за это, если нужно: нашъ патріотизмъ прошлыхъ временъ изношенъ и гнилъ; есть другой патріотизмъ, есть настоящая любовь къ родинѣ: этотъ патріотизмъ означаетъ вѣрность родинѣ всегда, черезъ всѣ испытанія, и вѣрность правительству лишь до тѣхъ поръ, пока оно того заслуживаетъ". Когда выростутъ эти двадцать пять милліоновъ истыхъ патріотовъ — патріотовъ такъ взрощенныхъ и воспитанныхъ—то мой наслѣдникъ не посмѣетъ стрѣлять въ толпу беззащитныхъ просителей. униженно молящихъ его о справедливости... какъ я сдѣлалъ въ тотъ день. (Пауза).

... Да, это картина! Это существо въ зеркалѣ — это почти растеніе — является признаннымъ божествомъ сильной націи, людей безъ счета—и никто не смѣется! И никто не удивляется, не находитъ въ этомъ ничего безсмысленнаго! Не глупая-ли шутка вообще все человѣчество? Не было ли оно выдумано какъ понало, въ тоскливый часъ, отъ нечего дѣлать? Есть ли въ немъ хоть капля уваженія къ себѣ? Не уважаю и я его—да и себя за одно. Есть только одно спасеніе — мои царскія одежды; мундиръ и мантія, воскрешающіе уваже-

ніе къ самому себѣ, поднимающіе духъ! Лучшій даръ неба человѣку, и единственная защита противъ познанія самого себя. Обманывая человѣка, платье возвращаетъ ему сознаніе собственнаго достоинства. Боже мой, какъ сострадательно платье, какъ оно благодѣтельно, какъ могущественно, какъ неоцѣненно! Что до моего собственнаго. то оно превращаетъ человѣческій нуль въ величину, бросающую свою тѣнь на половину земного шара. Оно возвращаетъ мнѣ уваженіе всего міра—и мое собственное,—увы, поколебавшееся...

Надѣть его поскорѣе"...

Этотъ монологъ Николая II прекрасенъ, но грѣшитъ въ одномъ противъ истины, что никогда Николаю такихъ умныхъ и искреннихъ словъ не сказать, даже наединѣ съ своимъ собственнымъ изображеніемъ. А чувствовать онъ свою безобразную наготу, какъ и наглость всего царскаго Дома, долженъ.

До избіенія рабочихъ младенцевъ Николай могъ-бы еще спасти и свое положеніе, — и даже еще съ честью возсѣдать конституціоннымъ монархомъ, — и положеніе Романовско-Гольштейнской фамиліи. Послѣ безсмысленнаго и безсердечнаго, трусливаго избіенія безоружныхъ рабочихъ, романовская трагикомедія обязательно должна окончиться трагически для всей „фамиліи".

Русскій народъ, придавленный къ землѣ своекорыстными стремленіями Романовыхъ утвердить свою власть

расшатанную ихъ бездарностью и жестокостью, теперь поднимаетъ голову, онъ будетъ бороться за свою свободу со звѣрями — владыками его судьбы.

Онъ начинаетъ понимать, наконецъ, что если будетъ, молча, терпѣть и далѣе, — онъ погибнетъ, изъ него высосутъ всю кровь, раздавятъ ему грудь, убьютъ сердце.

Русскій народъ начинаетъ понимать, кто его врагъ, онъ находитъ своихъ друзей и вѣритъ имъ, онъ видитъ, гдѣ источникъ его горя, онъ начинаетъ чувствовать свою силу, онъ — побѣдитъ. Примиреніе между нимъ и его правительствомъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе невозможнымъ, и это ясно чувствуютъ обѣ враждующія стороны.

Все честное, смѣлое, искреннее дружно встало на сторону народа — всѣ чувствуютъ, что только его сила можетъ спасти страну отъ гибели.

А бездарное, выродившееся семейство Гольштейновъ-Романовскихъ, желая, во что бы то ни стало, удержать въ своихъ рукахъ власть надъ страной, обезумѣвшее отъ страха потерять эту власть, окружаетъ себя всѣмъ, что есть въ Россіи подлаго, звѣрскаго, позорнаго.

Ни одного даровитаго, даже ни одного просто приличнаго человѣка не выдвигаетъ русское правительство на защиту интересовъ своего „дома“, — только темные люди, изверги, лишенные сердца, животныя безъ разума, стая хищныхъ птицъ, почуявшихъ запахъ

трупа, суетится и вьется около трона, утопающаго въ крови русскаго народа...

„Эй, болванъ,
Ты еще стоишь.
Но ударъ ужъ первый данъ,
Скоро, скоро. Истуканъ,
Внизъ ты полетишь."

Государственныя „Думы" мѣняются у насъ быстрѣе чѣмъ „Романовы". У насъ уже теперь Дума III. У нея больше „палокъ", чѣмъ у Николая II.

Дума нужна была Романовцамъ, чтобы Европа дала имъ денегъ для борьбы съ народомъ. Она пока играетъ роль выборнаго бурмистра крѣпостныхъ крестьянъ, съ которымъ совѣтуются о всѣхъ дѣлахъ, котораго даже выслушиваютъ, но котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждую минуту могутъ высѣчь на конюшнѣ. Бѣдные „представители" первыхъ двухъ Думъ уже сидятъ подъ замкомъ за свои вольности. „Романовцы", занимая деньги у заграничныхъ банкировъ „для Россіи", закабалили въ то же время бѣдную Россію Европейской биржѣ. Русское правительство въ данномъ случаѣ играло роль опекуна милліона малолѣтныхъ, безсовѣстно расточающаго ввѣренное ему въ опеку имущество; или лучше сказать, оно дѣйствовало, какъ собственникъ крѣпостнаго помѣстья, который закладываетъ добрымъ людямъ милліоны живыхъ рабочихъ душъ со всѣмъ ихъ потомствомъ. И когда европейская биржа засыпала

милліардами русскихъ министровъ, она отлично знала, что они играютъ не за свой счетъ. а за счетъ порабощеннаго народа, который былъ осужденъ на столѣтнюю кабалу европейскому капитализму. „Енъ достанетъ“, — такова была формула финансоваго разсчета когда „романовцы“ и европейская биржа заключали ростовщическій договоръ за счетъ „вѣрноподданнаго“ и „добраго“ православнаго народа, и, казалось, все говорило за подтвержденіе даннаго разсчета. „Енъ“ еще такъ глупъ! „Енъ достанетъ“, „енъ“, умирающій съ голода, снимающій съ себя рубашку, чтобъ только прокормить своихъ русскихъ генераловъ. Енъ, который, по приказанію начальства, то блистательно учиняетъ погромы, то разстрѣливаетъ своихъ ближнихъ, то умираетъ на поляхъ Манчжуріи во славу „Романовыхъ“, Безобразовыхъ, Куропаткиныхъ и Штакельберговъ. „Енъ“ становился заграницей легендой, облекался въ форму простодушнаго дикаря; этотъ послушный и трогательный варваръ, который, подобно скотинѣ, тянетъ свое ярмо, оплачиваетъ своимъ потомъ и кровью и романовскую вакханалію, и европейскаго банкира, и международнаго жандарма, и международную биржу... Предполагалось, что тварь безропотно потащитъ заброшенный на нее вьюкъ. Маленькая ошибка. Эта тварь не только освобождается, но и отчуждаетъ въ свою пользу всю ту власть, на которую раньше опирался расточительный баринъ, и было бы не только нелѣпо, но противорѣчило бы всякимъ божескимъ и человѣче-

скимъ законамъ, еслибъ освободившійся рабъ сталъ уплачивать тѣ долги, которые сдѣланы господиномъ спеціально для его порабощенія.

„Енъ“ не заплатитъ долги, сдѣланные романовцами— это вѣрнѣе.

Довольно они „погуляли“ на народныя денежки и въ Россіи и заграницей.

Это романовцы теперь поютъ послѣднюю пѣснь торжествующей свиньи.

— Нѣчто ползущая въ грязи и отбросахъ, толстая съ тупымъ рыломъ, жирная, разлагающаяся и всетаки веселая, она эта огромная, торжествующая свинья, самодовольно виляетъ маленькимъ хвостикомъ и громко, увѣренно (якобы!) хрюкаетъ на всю родину, на весь міръ!

Хрю... Хрю!..

Это семья „романовская“, со всѣми прихвостнями.

Но это — ея послѣдняя пѣснь. Русскимъ такъ же нужна теперь семья Романовыхъ-Гольштейнскихъ, какъ французамъ нужна французская болѣзнь.

Яко-бы торжествующая еще семья перестанетъ скоро хрюкать. Свобода, право, человѣчность, любовь, жизнь, — все ею подавлено и затоптано въ грязь, въ которой она торжествующе барахтается...

Надъ нею, надъ ея рыломъ скоро засіяетъ солнце и лучами освѣтитъ всю мерзость запустѣнія, тьму и гниль, высушитъ грязь и возродитъ къ жизни новые ростки, новыя сѣмена!

КОНЕЦЪ.

Библіотека ИМЭЛ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

КНЯЗЬ У...

Императоръ Николай II

ЖИЗНЬ и ДѢЯНІЯ

ВѢНЦЕНОСНАГО ЦАРЯ

2-ое изданіе.

Лондонъ 1909. ✳ Цѣна 7 фр. 50 с.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Господа Романовы

И ТАЙНЫ РУССКАГО ДВОРА

Лондонъ 1909 г. ✧ Цѣна 7 фр. 50 с.

того же автора (печатается)

Царскіе Романы

ЛЮБОВНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ

НАШИХЪ ВѢНЦЕНОСЦЕВЪ

Лондонъ 1909 г. ♦ ♦ ♦ Цѣна 7 фр. 50 с.

Выписывающіе изъ магазина Клейдмана, 7 улица Котта, въ Ниццѣ, за пересылку не платятъ.

Библиотека
ИМЭЛ